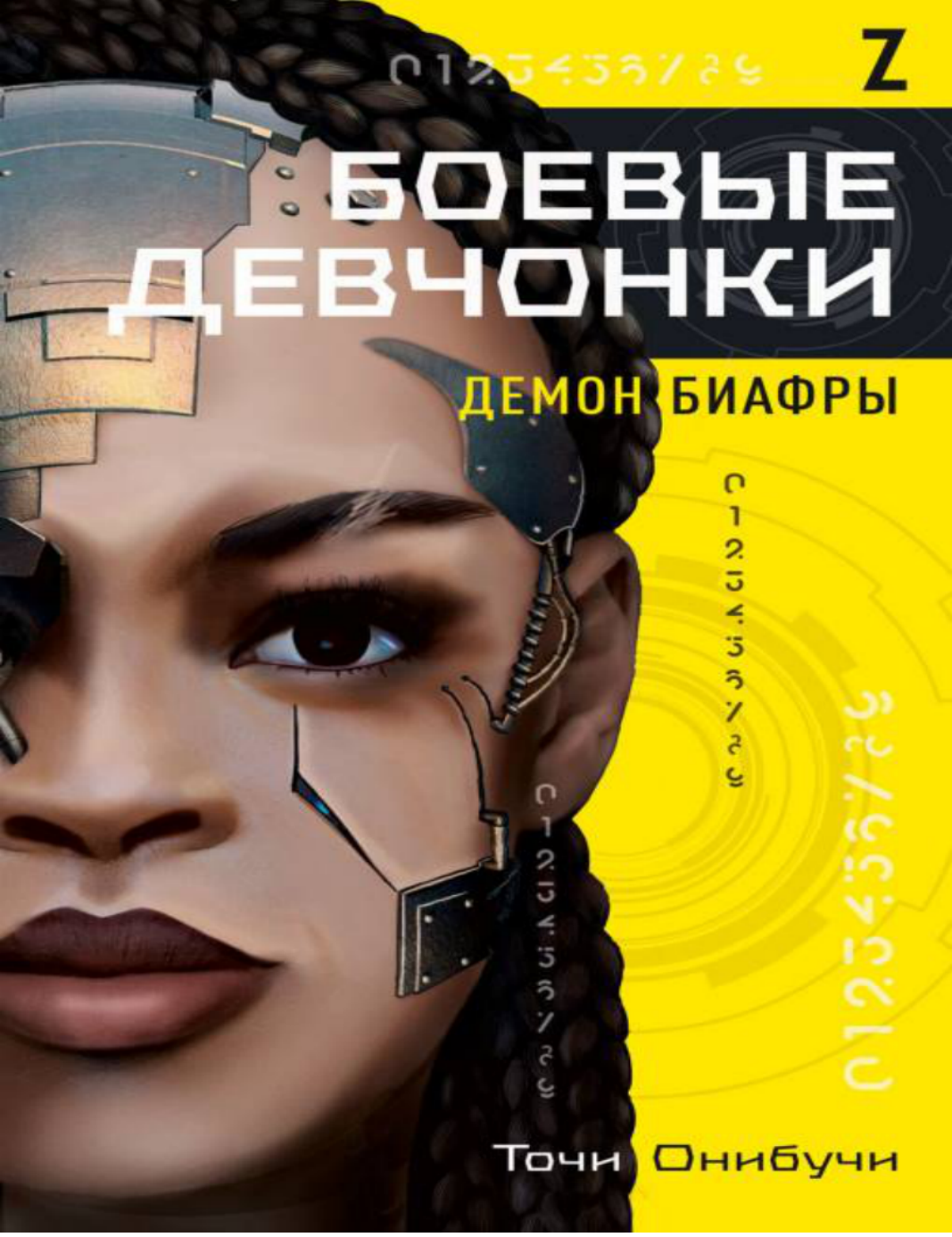

Z

БОЕВЫЕ ДЕВЧОНКИ

ДЕМОН БИАФРЫ

Точи Онибучи

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 2172 году большая часть Земли непригодна для жизни. Мир уничтожен радиацией, изменения климата столь катастрофичны, что люди перебираются в космические колонии. Между Нигерией и Республикой Биафрой идет жестокая война, в которой задействованы смертоносные мЕхи, а солдаты получают искусственные органы и бионические конечности, чтобы выжить. В лагере Боевых девчонок растет маленькая Айфи, которую Онайи – старшая из девочек – когда-то подобрала в разрушенном войной поселке. Айфи понятия не имеет, кто она и почему так непохожа на остальных, пока однажды не оказывается в плену у врага. После отчаянной борьбы Онайи решает, что Айфи мертва. Вне себя от горя, она становится бескомпромиссным, неудержимым воином, о котором ходят легенды. Но спустя годы жизнь преподносит ей страшный сюрприз…

- Содержание
  - Часть I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
  - Часть II
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23

- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42

○ Часть III

- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66

- Глава 67

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Содержание

Точи Онибучи
Боевые девчонки
Демон Биафры

Часть I

Глава 1

Юго-восток Нигерии, апрель 2172

Утром Онайи первым делом отстегивает руку. Другие Боевые девчонки, лишившиеся рук или ног, спокойно спят без них, но Онайи никак не может привыкнуть: даже во сне ее преследует фантомная боль. Во сне руки и ноги целы, и она может бегать. Она бегает так быстро, что может убежать от любой погони. Она может держать винтовку и целиться. Она может ощупать лицо всеми пальцами. А потом – просыпается и пытается дотронуться до себя правой рукой, которой больше нет. Она так и не привыкла просыпаться и не ощущать свое тело целиком, поэтому всегда спит, прикрепив искусственную руку, несмотря на то что иногда случайно корежит протез, ударяясь им о кровать во сне. Несмотря на то, что хрупкие микросхемы ржавеют от пота, когда ее мучают ночные кошмары. Несмотря на то, что каждое утро она просыпается с отпечатками металлических пластин на щеке. Вот почему она встает раньше всех в лагере. В утренней тишине она часами возится, выправляя и смазывая механизм. Она сидит возле кровати, и только отблески металла вспыхивают в темноте ее палатки в этот предрассветный час.

Айфи до сих пор спит.

На мгновение Онайи замирает и слушает, как она похрапывает. Снаружи уже доносятся голоса птиц, но пока не так громко: Онайи отчетливо слышит сонную мелодию Айфи. Два ровных, плавных всхрапа – и следом короткий икающий звук. Сны Онайи – сплошной мутный хаос, кровь, вопли и выстрелы. Льет сильный дождь, но никакой ливень не смоет слезы с ее лица. Айфи же спит безмятежно. Племенные шрамы на ее щеках – словно мягкие волны. Уголки губ слегка приподнимаются. Девочка жила мирной жизнью – почти всегда.

Онайи отсоединяет руку от блока питания и приставляет ее туда, где кончается плечо. После той давней битвы еще оставался обрубок руки, но врачам пришлось ампутировать ее совсем – из-за инфекции. Теперь на месте раны сеть из проводов, гнездо, похожее на розетку, к которой можно подключить механизм, и ничего больше. Из металлического разъема руки доносится гудение: наноботы вытягивают соединительную сеть, которая затем прикрепляет металл к ее плечу. Электрический разряд пробегает по телу – слабый укол тока, наподобие того, что случается, когда потрешь ноги о ковер и сразу возьмешься за

дверную ручку. Теперь Онайи может сгибать пальцы. Пробует согнуть локоть, болтает рукой взад-вперед, вращает плечом, наконец потягивается, зевает изо всех сил и выходит из палатки.

После недавнего дождя мир кажется влажным и зеленым. На траве еще не высохла роса. Мокрые листья смотрят вниз с ветвей деревьев.

Налетает внезапный порыв ветра. Где-то вверху шумят моторы. Онайи поднимает голову и успевает увидеть воздушных ме́хов – тяжелых человекоподобных роботов с бело-зелеными полосками на плечах. Они рассекают небо с пронзительным звуком – как раньше, как в прошлом году. К их массивному корпусу прикреплены наплечные пушки и ракетные двигатели. Самая современная навигационная система. Однако они до сих пор не нашли лагерь биафрийских повстанцев у себя под носом. Пока тут работают глушители сигнала и прячут это место от нигерийских властей, лагерь в безопасности. Правительственные вооруженные силы даже не видят повстанческий флаг, который развевается прямо под ними. Половинка желтого солнечного диска в нижней части голубого полотна. Золотые лучи сияют, словно молнии.

Онайи вытягивает свою настоящую руку и плечо из плоти и крови, выгибает спину и слушает, как щелкают позвонки. Встряхивается, расслабляя тело. На ней все еще компрессионный бюстгальтер и спортивные шорты, в которых она спит. Воздух в Дельте тяжелый и влажный; одежда прилипла к коже. Но для утренней пробежки сойдет.

Она совершает свой обычный круг по лагерю. Сначала к его границе, мимо школы и ангара для автотел – места, где можно починить сломанную робототехнику, сделать руки или ноги. Здесь девчонки могут стать аугментами – обрести органы или конечности гораздо сильнее тех, с которыми родились. Иногда тут проводятся хирургические операции: кто-то получает новые глаза, кому-то останавливают внутримозговое кровотечение и собирают заново черепную коробку. Онайи знает, что многие насмехаются над этим местом: вроде как люди идут туда людьми, а выходят – уже не совсем. Но те, кто косо смотрит на работавших там и получивших помощь, сами никогда не были на войне. Полуконечности становятся «полу» лишь потому, что человека пытаются сделать снова целым. Аугмент – это не уродство.

Она поворачивает налево и видит сад с фруктовыми деревьями. Позади сада – огород, заключенный в теплицу, такую большую, что там могут свободно прохаживаться несколько человек. С потолка свисают вращающиеся краны, запрограммированные на автоматический полив, по стенам –

панели искусственного освещения. Они не всегда нужны, но, когда ночи становятся длинными – слишком длинными, – необходимо позаботиться об овощах, чтобы не остаться без пищи.

Двигаясь по спирали, она пробегает мимо столовой, обычно пустой в этот ранний час. Но сегодня Онайи замечает девушку в камуфляже. Та дремлет, опершись на винтовку. Куртка расстегнута и небрежно наброшена на плечи. Это Чайк. Услышав шелест травы под ногами Онайи, Чайк просыпается и вытягивается струной. Просто чудо, что она тут же не направила винтовку на Онайи, – нервы у нее никуда. Придя в себя, Чайк расслабляется и принимает прежнюю позу.

Это всего лишь я, думает Онайи, *всего лишь та, что башку тебе снесет, когда командир узнает, что ты спишь в карауле!*

Онайи неторопливо пробегает мимо. Эти утренние пробежки – еще и дополнительное патрулирование, помощь дозорным. Пусть аванпост и скрыт от вражеских сканеров и радаров, но что может помешать бело-зеленым случайно попасть на их территорию? В свои пятнадцать Онайи – одна из самых старших в лагере. Младшим – некоторые даже не привыкли жить самостоятельно, а другие учатся заново быть людьми после звериной жизни в джунглях – трудно привыкать, трудно бодрствовать в дозоре, трудно фокусировать внимание на уроках и не кричать во сне. Иногда их ружья больше них самих. Но девчонки медленно превращаются в закаленных бойцов, на которых можно положиться во время атаки. Бойцов, с которыми Онайи была бы рада – и даже горда – сражаться бок о бок.

Маршрут приводит ее к тренировочным площадкам, где учатся обращению с оружием. Широкие тяжелые листья тропических деревьев скрывают девочек – сверху их не видно. Листва такая густая, что поглощает даже звуки пальбы, когда они стреляют в сторону берега.

Онайи уже на скале, внизу протянулся пляж. Здесь проводят и рукопашные бои, по расписанию, но в теплый сезон Онайи иногда прибегает сюда по утрам, взглянуть на девчонок, которые, сбросив одежду, загорают внизу, смеются и дурачатся. Глядя на них, она вспоминает, что многие – еще совсем дети. И солнце для них все еще доброе и ласковое. Некоторые пока ни разу не видели, как в чистом голубом небе в одно мгновение возникает дрон, чтобы сбросить бомбу на их дом. А кто-то и видел, но не слишком переживает. Такие всегда становятся хорошими бойцами. Отчаянными, но хорошими.

Вода утром, на таком расстоянии, кажется скорее черной, чем голубой. Онайи слышит слабые всплески волн, бьющихся о металл. Она знает, что маленькие пятнышки и силуэты вдоль

горизонта – буровые вышки. Старые, заржавевшие, но все еще способные выкачивать богатства Дельты. Их богатство, их ресурсы. Прямо под ногами Онайи и дальше, под океанским дном, – залежи природных ископаемых. Вот за что нигерийцы убивают биафрийцев. Дня не проходит, чтобы Онайи не думала о том, как бы взорвать буровые, смешав их с обломками кораллов. Говорят, что священное право на ископаемые минералы принадлежит народу игбо[1], благословленному Чукву – Высшей Сущностью, дающей энергию всему живому. Но для Онайи минералы – просто пыль. Да, важная, да, дающая власть, но – пыль, и ничего больше. Она никогда не была особо религиозной.

Нигерийские мехи, проносящиеся иногда над головой, и вышки – единственные для Онайи проблески внешнего мира. *Кроме нас и наших врагов там есть и другие люди*. Каждый раз, глядя на вышки, она целится в них из невидимого ружья своей настоящей рукой.

Она поворачивает назад и пробегает мимо ангара, где хранится мобильная экипировка. Ржавчина разъедает броню костюмов, они меньше, чем нигерийские мехи, со скрежетом рассекающие небо, и ближе по форме к человеческому телу. Онайи знает, что их деталям не хватает смазки. Но старые костюмы, оснащенные боеприпасами, приборами ночного видения и нейронной адаптационной системой, позволяют уцелеть. Есть еще и другие костюмы, скинсьюты, – «вторая кожа». Тут все зависит от твоего возраста и размера. Они или обтягивают тебя так, что можно задохнуться, или болтаются, как чужие обноски, даже кнопка сжатия на запястье не помогает. Они – как еще один слой плоти, необходимый для вылазок за пределы лагеря, туда, где радиация настолько сильна, что кожа отслаивается почти моментально.

На ящиках с боеприпасами флуоресцентными голубыми чернилами нарисованы китайские иероглифы. Но девчонки знают и так, в каких хранятся пули 7,62 мм, а в каких – боеприпасы для наплечных пушек робокостюмов. Знают, где лежат патроны для винтовок, а где – ножи, на случай если кончатся патроны.

Этого контрабандного оружия, кажется, всегда было мало. Но сироты никогда не крадут столько хлеба, чтобы хватило на пир, всегда – только на день.

Онайи приближается к Обелиску. Искры, летящие от постамента, видны раньше, чем она добегает до него. Выглядит так, будто там установлена мини-вышка, буровая для добычи ископаемых, хотя и микроскопического размера. Под ногами Онайи, через весь лагерь и даже за его пределами, проложены оптоволоконные кабели, от которых земля постоянно гудит, по

почве идут разряды, чтобы высвободить воду, которую она впитала. Затем воду очищают, и она становится пригодной для питья, приготовления пищи и других нужд. Кроме того, здесь добывают минералы, благодаря которым работают почти все электронные устройства в лагере.

Однако сегодня что-то не так.

Онайи опускается перед постаментом на корточки и видит почерневший, обугленный участок, кончающийся там, где кабель уходит в траву. Кабели прокладывала не она, но налаживать и ремонтировать ей доводилось самые разные вещи.

Прищурившись, она долго смотрит на повреждения, пока легкое движение воздуха не отвлекает ее. Возле нее внезапно появляется долговязая, с виду нескладная Чинел. И как-то же она умудряется двигаться бесшумно. Ни капли неуклюжести, напротив – удивительная грациозность в каждом движении. Онайи помнит, как увидела Чинел впервые – высокую даже в детстве, – но такой удивительной пластики ей прежде не встречалось. Вся в саже, пепле, перемазанная кровью, Чинел выступала с уверенностью генерала.

Теперь на Чинел компрессионный лиф камуфляжной расцветки и штаны с множеством глубоких карманов. Волосы убраны под зеленую узорчатую бандану. Старомодные «сотовые телефоны» – реликвия прошлой эпохи – подвешены на ее ожерелье и брякают друг о друга. Звук не очень-то нравится Онайи.

– Хочешь, чтобы у нас воды отошли, да? – острит Чинел.

Черный юмор. Ее вечные грубоватые шуточки, мол, здешние девчонки – понятно почему – не из того сделаны, чтобы рожать детей. Онайи когда-то слышала: если отходят воды, значит, скоро родишь.

Но сейчас, глядя на Чинел, на то, как блестит ее кожа от ночного пота и утренней росы, Онайи видит девчонку, которой только дай посмеяться.

– Давай быстрей, а то мы так вонять станем, что бело-зеленые нас учуют, – парирует Онайи с усмешкой.

Чинел ухмыляется, и пчелы вылетают из ее волос. Крошечные роботы-насекомые сообщают Чинел температуру и влажность воздуха, а также уровень радиации в каждой капле дождя, которая падает с листвы деревьев над головой. Приносят данные о температуре тела Онайи и состоянии ее протеза. Пока Онайи наблюдает, пчелы спускаются к колодцу, чтобы сказать Чинел, что нужно исправить. Затем они приступают к работе.

Онайи все еще в боевой готовности. Чинел сидит в траве, пока робопчелы выполняют свою задачу.

– Надо пробежаться и проверить, – говорит Чинел самым будничным тоном, будто предлагает пойти поплавать. Ее аугменты у нее внутри. Черепная коробка, передача данных напрямую в мозг, металл вместо многих костей. Внешне же она ничем не отличается от обычного человека, а внутри тикают и мурлычут идеально настроенные механизмы. Но хотя ее тело способно самостоятельно подключаться к лагерной сети, она все равно больше человек, чем машина. В оцифрованном теле бежит настоящая кровь.

– И что мы там такого найдем в лесу, чего нет здесь? – Онайи уставилась на колодец, наблюдая, как солнечный свет ползет по обугленной части проводки.

– Вот именно. Никогда не знаешь. У нас заржавели инструменты, нам нужны боеприпасы, а еще на днях в теплице перегорела лампочка. Ночи сейчас длиннее, генераторы не справятся.

Онайи хочет сказать Чинел, что они тут со всем справлялись годами, что все у них получалось даже с меньшими ресурсами, но этот разговор повторялся уже миллион раз.

– А что, если на бело-зеленых наткнемся?

Чинел толкает Онайи локтем:

– Они нас до сих пор не нашли. С чего бы им найти именно сейчас?

– Потому что мы все не мылись неделю. – Онайи пытается сохранить невозмутимое лицо, но улыбка кривит ее губы, и, не в силах сдержаться, она хохочет так, что среди деревьев разносится гулкое эхо.

Чинел катается по влажной траве, схватившись за живот, а пчелы тем временем возвращаются в ее волосы. Онайи хочет сказать, что надо быть потише, пока они не привлекли внимание нигерийских патрулей, оказавшихся поблизости. Но смех Чинел согревает ее.

– Дай хоть попрощаться с малышкой, – говорит Онайи, рывком встает и тянет Чинел, поднимая ее на ноги.

– Может, прокладки найдем. – Чинел осматривает отремонтированный колодец. – Девчонкам они пригодятся.

Сколько же лет прошло? До сих пор Онайи умиляется каждый раз, когда видит, как мирно спит Айфи. Старое грубое одеяло поднимается и опускается, поднимается и опускается. Иногда Онайи хочется, чтобы у них обеих на шее были специальные разъемы, такие круглые розетки, как на конечностях, чтобы она могла подключиться к Айфи и посмотреть, какие сны видит маленькая девочка. Может быть, танцует на прохладном ветру в красивом платье. И никаких москитов в воздухе.

Шаркая ногами, Онайи идет на сторону Айфи. Внутри палатки все еще царит голубизна не до конца наступившего утра. Айфи, конечно, будет протестовать против раннего подъема – до уроков еще далеко, – но ничего страшного, если она помаленьку начнет приучаться к такому режиму. Онайи садится на деревянный ящик возле кровати Айфи и мягко трясет ее за плечи.

Девочка приоткрывает глаза совсем чуть-чуть, потом широко распахивает их на секунду. Даже в темноте Онайи видит фиолетовую радужку ее глаз с осколками золота, и у нее перехватывает дыхание от красоты.

– Привет, малышка, – шепчет Онайи.

Чинел ждет у входа в палатку, и Онайи чувствует ее нетерпение, но она решила как можно больше времени проводить с Айфи. Идет война, никогда наперед не знаешь, что случится. Потерять человека, которого любишь, ничего не стоит. Воспоминания о тех днях, когда она была ребенком-солдатом, все еще свежи в памяти. Слишком свежи. Несколько долгих секунд Онайи гладит Айфи по безволосой голове, пока та не отворачивается, натянув на себя одеяло.

– Эй. – Онайи трясет ее, на этот раз более настойчиво.

– Еще рано, – хнычет Айфи.

– Мне нужно на разведку.

Услышав это, Айфи поворачивается. Она учится быть жесткой, Онайи видит это, но видит и мольбу в фиолетовых с золотом глазах.

– Нам нужно пополнить запасы. Со мной Чинел, так что не волнуйся. Я не одна. Энаймака побудет с тобой.

– Пока я что буду делать?

Онайи хмурится. *Язвишь, Айфи?*

– Пока ты будешь заниматься. – Онайи достает с полки планшет и включает. Экран мигает, и Онайи хлопает планшетом по колену, чересчур сильно – свет экрана вдруг освещает все их жилище.

– Но, Онайи, у меня и так отличные оценки. Дай поспать!

– Хорошо. – Онайи кладет планшет на тумбочку рядом с кроватью. – Не занимайся. А в классе не слушай учителя, если хочешь. Не обращай внимания вообще. Включи планшет и играй в игры. Болтай. Бла-бла-бла-бла. – Она повышает голос: – Но, если вернешься в палатку с результатом ниже самого лучшего, – она делает драматическую паузу, – мы посмотрим.

Айфи еще чуть-чуть нежится под одеялом напоследок, потом сбрасывает его и машет ногами.

Онайи встает и отворачивается, прежде чем Айфи увидит ее улыбку. Чинел подавляет смешок.

Отключенная Энаймака стоит в углу ссутулившись. Если бы кто-нибудь захотел проявить к ней великодушие, то сказал бы, что разноцветная броня придает ей индивидуальность. Поблекший фиолетовый металл одного предплечья, местами проржавевшая оранжевая пластина вместо одной груди, мозаика из зеленых, красных, желтых, оранжевых и голубых проводов, заменяющих ребра. Ей бы сказали, что это похоже на красивое платье, просто буйство красок. На самом деле она просто дроид, сделанный из всего, что Онайи и другие девчонки притащили из прошлых вылазок или подобрали после стычек с бело-зелеными. Металлические пластины ее ног заржавели на стыках. Глазницы потемнели от копоти. Спина поросла мхом, где-то на теле проглядывает плесень.

Онайи встает на цыпочки, глубоко вдыхает, чтобы открыть камеры и клапаны в своих искусственных органах, и вдувает в ухо Энаймаке слизистую струю наноботов. Когда Айфи спрашивала, как ожила Энаймака, Чинел шутила, что это все Онайи: она вроде роутера с беспроводной связью для дроида. Глаза Энаймаки оживают, механизмы начинают гудеть, она выпрямляется, расправляет плечи и сканирует комнату.

– Присматривай за ней, пока меня нет, – приказывает Онайи.

– Хорошо, мама, – отвечает Энаймака.

Пока она заряжается, ее голос двоится. Она подходит к Айфи:

– Ну, малышка. Давай делать математику. – Энаймака произносит это в точности как Онайи. Так ей спокойнее.

У входа в палатку Онайи берет рюкзак и взвешивает винтовку в руке-протезе.

– И не забудь, что ее надо побрить, – обернувшись, кричит она. – Наголо. Чтоб ни одной волосинки на голове! Скоро пекло настанет.

С этими словами Онайи выходит в прохладу утра.

Глава 2

Подождав, пока Онайи уйдет из палатки, Айфи лезет под подушку и шарит там в поисках своего Акцента. Крошечная техническая штучка размером с ватный шарик от палочки для ушей, Акцент прячется в складке простыни. Найдя его, Айфи улыбается. Энаймака нависает над ней, и Айфи инстинктивно отворачивается, возясь с Акцентом, потом вставляет его себе в ухо.

Темнота в палатке рассеивается. Отпадает, как кожура гнилого фрукта, обнажая ряды линий и узлов сетевого подключения, связывающего все и всех. Сквозь подушку прорастает вереница пульсирующих голубых точек. Металлические кронштейны, поддерживающие крышу, сверкают аквамариновыми полосками. Энаймака превращается в чащу векторов и узлов. Айфи видит ее изнутри, видит, как крутятся механизмы и как монотонно гудит ядро у нее в голове. Она видит, что ее движения обеспечиваются беспроводным подключением к Терминалу, от которого работает весь лагерь. Заржавевшие части Энаймаки светятся красноватым, что беспокоит Айфи, но от остального корпуса исходит здоровая синева. С Акцентом Айфи видит все. Все, что происходит в закрытой сети лагеря. Все данные. Яркие, как океанская вода под лучами солнца.

– Не забудь, Энаймака. Ты обещала не рассказывать Онайи, – говорит Айфи, хмурясь на свою робоняню со всей строгостью, на какую способна. Онайи запретила ей трогать любую технику, которая может повлиять на соединение. После того, как связь у Онайи на разведке оборвалась второй раз, она чуть не поколотила ее, опомнилась в последний момент. Что-то в ее глазах менялось. В ярости взгляд затуманивался, и Айфи знала: сейчас разразится гроза. Но тут вдруг взгляд прояснился, и она устроила ей только словесную взбучку.

Айфи не хотела специально идти против воли Онайи, но, когда пыталась узнать что-нибудь про их жизнь, все оставалось загадкой. Сплошные вопросы. А если вставить в ухо Акцент, мир вокруг взрывается ответами. Почти любую технику, любую деталь и даже ни к чему не подключенные предметы вроде кровати, подушки и биомассы, которую разведчики приносят для приготовления пищи, – все это Акцент объяснял ей самым доступным образом. И теперь она не просто валяет дурака, пытаясь хакнуть коммуникационные девайсы Чинел или подсоединиться к Обелиску, который добывает особые минералы

из земли, чтобы обеспечивать лагерь электроэнергией. Она наблюдает. Исследует. Качается на волнах соединений. Акцент позволяет ей говорить с Энаймакой, не произнося ни слова.

Она помнит, где находится, и знает, что Онайи, вероятно, все еще близко и может чувствовать ее, поэтому двигает челюстью, чтобы отключить Акцент. Напялив рубашку, на вид и на ощупь больше похожую на холщовый мешок, чем на обычную человеческую одежду, она усаживается на ящик перед зеркалом. Или, скорее, перед осколком зеркала.

Окей, Энаймака, весело говорит она через Акцент. *Я готова*.

У нее совсем немного волос на голове. Крошечный слой серебристого пуха. Но и этого достаточно, чтобы голова в жаркое время года чесалась. Поэтому она сидит почти неподвижно, пока Энаймака аккуратно водит бритвой по ее макушке. После каждого движения Энаймака сбрызгивает блестящую кожу каплей спирта. Айфи морщится. Иногда Энаймака не так безупречна, как хотелось бы, и от бритья остается пара порезов, которые приходится заклеивать пластырем, а потом выслушивать насмешки ровесниц.

– Ой!

– Тебе не следовало двигаться! – Энаймака говорит своим полумеханическим голосом. – Мои рефлексы работают не настолько быстро, чтобы я успевала реагировать на твое ерзанье.

Опять я виновата, думает Айфи.

– Ага, ну все, хватит, – говорит она, не давая Энаймаке осмотреть ее. – Подождешь снаружи в этот раз, когда придем в школу, хорошо? – Что-то особенное есть сегодня в ее голосе. Когда Акцент нашелся, все было здорово, но сейчас хорошее настроение улетучилось.

К тому времени, как она берет планшет и рюкзак, дневной свет уже проникает в щель у выхода палатки. Она опаздывает в школу. Опять.

Похоже, сломался охладитель: они убрали крышу склада, где проводятся занятия. Айфи прокрадывается через заднюю дверь, но, конечно же, единственное свободное место в классе – в первом ряду. Молнией мелькает мысль вернуться и пропустить сегодня уроки, но Энаймака у бокового выхода загораживает путь к отступлению. Остается только пригнуться, быстро прошмыгнуть и сесть.

Перед всеми планшеты, на экранах голограммы, но Айфи не может рассмотреть, на какой они сейчас странице загруженного урока, приходится листать картинку за картинкой, страницу за страницей всякого бреда, пока ее голограмма не совпадает с остальными. Девчонки сбоку хихикают, и Айфи еще ниже

пригибает голову. Искушение включить Акцент и узнать секреты каждой в классе очень сильно. Аугменты не удалили историю поиска, и она видит все сайты, которые они посещали, разглядывая едва одетых мальчиков и мужчин. Айфи все видит и одним движением челюсти могла бы их выдать, но Энаймака все еще стоит в дверях, и Онайи точно узнает обо всем. Айфи не боится, что старшая сестра побьет ее, она боится разочарования в ее глазах. И потому фокусирует внимание на голограмме – это 3D-проекция параболы на графике.

Учитель объясняет азы алгебры, ничего полезного. Не то что орбитальная физика в древних учебниках и на заархивированных сайтах, которые Айфи изучает самостоятельно.

Она стискивает зубы, и внезапно мир вокруг вспыхивает синим светом. На какое-то тревожное мгновение Айфи видит все механизмы и провода внутри учителя и чувствует, как информация с чужих планшетов проносится через ее мозг. Она чувствует тоску Энаймаки, а где-то далеко-далеко, на периферии видения, появляется знакомый сигнал: Онайи. Она сжимает челюсти так быстро, что становится больно, и выключает Акцент. Оглядывается по сторонам – не заметил ли кто теневой сигнал на своих устройствах, может, у кого-то мигнул или завис экран, или произошел сбой в оцифрованном теле. Кажется, никто ничего не заметил. Она выдыхает и слушает, как учитель бубнит про то, что алгебра появилась в Биафре, как создал ее народ игбо и как знание было украдено племенем фулани[2], которое вторглось столетия назад с севера. Айфи интересно, каково было жить в те времена, когда люди были как звери, когда Нигерия только получила независимость и перестала быть британской колонией, когда игбо жили среди этих монстров фулани, о которых рассказывает учитель. Но она не успевает за собственной мыслью – у всех вибрируют планшеты, и сегодняшний урок окончен.

Девчонки выбегают из класса, хихикая, кто-то уже играет с планшетом, кто-то превращает его в плеер и слушает песни, которые они сами придумали и записали. Айфи бросает планшет в рюкзак и бредет к Энаймаке. Когда она поднимает руку, чтобы почесать макушку, что-то врезается в нее сзади и сбивает с ног. Энаймака скрипит от напряжения, пытаясь не дать ей упасть, но Айфи уже чувствует вкус грязи; оборачивается – над ней стоят несколько девчонок.

– Эге-ге, – говорит темноволосая, с двумя торчащими косичками. Гребни племенных шрамов блестят на ее щеках. – Без своей старшей сестры ты просто тощая ойнбо.

Остальные фыркают и пальцем показывают на кожу Айфи, более светлую, чем у них. Укусы москитов на ее коже краснее, и

синяки заметны дольше. Она пытается спрятать под рубашкой свои голые руки. У нее кожа цвета песка, а у них – как земля. Она скрипит зубами. *Включи Акцент*, говорит она себе. *Хакни их. Взломай их систему*. И она могла бы. Пару секунд она представляет себе, как они визжат, планшеты взрываются у них в руках или короткое замыкание происходит в мозгу и они слепнут. Айфи рывком поднимается на ноги. Что бы она ни сделала с ними, это привлечет внимание Онайи и, главное, вызовет ее гнев. Поэтому она спускает все на тормозах – как всегда.

– Она похожа на испорченный рисовый джолоф[3], - напевает другая обидчица.

Остальные не отстают:

– Может, она думает, мы ее жалеть должны, потому что у нее нет настоящей семьи.

Девчонка с косичками цедит сквозь зубы:

– Да она просто тощая коза, которую Онайи нашла в кустах.

Щеки Айфи пылают. Слезы подступают к глазам. Гнев совсем близко, его можно потрогать, и она должна побороть его. Но, если кто-нибудь из них толкнет ее, если они посмеют прикоснуться к ней, она даст себе волю. Она скажет Онайи, что у нее не было выбора, что она должна была защитить себя, что должна быть такой же сильной, как сестра. Вот почему они скоро будут корчиться на земле, не понимая, почему вдруг не могут видеть, слышать и ходить.

Но они вроде перебесились. Поворачиваются, чтобы уйти.

Напоследок одна берет камень и запускает Айфи в голову.

Айфи трясет. Она застыла на месте, кулаки сжаты, брови превратились в одну хмурую черту, из горла поднимается тихое рычание. Тень стоящей рядом Энаймаки возвращает ее в реальность, и она прерывисто вдыхает.

Андроид опускается на колени и подносит руку к лицу Айфи. Ладонь раскрывается и спрыскивает спиртом порез над глазом Айфи.

– Ай! – Айфи шлепает Энаймаку по руке. – Уйди от меня!

Тут-то и не получается больше сдерживать слезы. Она бежит, не разбирая дороги, не зная куда, лишь бы подальше от школы, подальше от лагеря, подальше от вечно нависающей над ней Энаймаки, подальше от девчонок, тыкающих ей, что она не такая, как все.

Когда лагеря больше не слышно, она останавливается. Та часть леса, куда она прибежала, кончается выступом обнаженной горной породы, под скалой – пляж. Зелено-голубые волны тихо перешептываются с берегом. Несколько глубоких вдохов и выдохов – и Айфи успокаивается. Шум в голове стихает, туман

рассеивается. Она садится в траву, подтянув колени к груди, и смотрит вдаль. Буровые вышки как черные силуэты на горизонте. Она снова включает Акцент, и их контуры ярко светятся на фоне потемневшего багрового неба. Даже вражеские нигерийские мехи, парящие над вышками, светятся пульсирующим голубым светом. Они плывут по небу, рисуя расширяющиеся овальные узоры и оставляя следы, похожие на голубую звездную пыль в начале ночи, но Айфи знает: это просто запрограммированный маршрут. Определяет диапазон их коммуникаторов и понимает: и она, и лагерь для них недосягаемы. Невидимы.

Она достает из сумки планшет и настраивает Акцент таким образом, чтобы подключиться к вражеской сети и получить доступ к урокам, которые тайком осваивает вне школы. Открывается заголовок: ОРБИТАЛЬНАЯ ФИЗИКА. Голограммы параболических кривых и Космических Колоний, медленно вращающихся вокруг своих осей, вырастают из текста. Она выбирает тему, на которой остановилась: точки Лагранжа и пространства между планетами и лунами, где гравитация обоих тел способна удерживать колонию на месте. Еще здесь есть мехи и небольшие маневренные реактивные самолеты, которые летают через пояса астероидов, ныряют, поднимаются, кружат. Но сколько ни приближай изображение, пилотов не разглядеть. Слишком плохое качество. Она знает, что они там. Знает, что в кабинах люди – может быть, женщины – такие, какой станет она, когда вырастет. Ее сердце бьется быстрее при одной мысли об этом.

Откуда-то появляется Энаймака и садится рядом.

Айфи ждет, что Энаймака отчитает ее за подключение к вражеской сети, за неповиновение Онайи и за использование Акцента, но та бросает взгляд на голограммы, встающие с экрана. Айфи улыбается ей и протягивает планшет, чтобы можно было рассмотреть получше.

– Ты уже очень хорошо понимаешь орбитальную физику, – говорит Энаймака голосом, который двоится и перекликается эхом. – А в классе не успеваешь по математике.

Айфи вырывает у нее планшет:

– Потому что алгебра в школе ужасно скучная. Все поверхностно, и они все время требуют показать мои работы. Поэтому у меня плохие оценки. Но в Америке тебя ценят за правильные ответы. Только так можно стать пилотом.

Айфи знает, что Энаймака не умеет улыбаться. У нее нет настоящего лица, нет губ, и глаза горят не от счастья. Свет сигнализирует, что ее батарея заряжена. Но Айфи смотрит на Энаймаку и чувствует, что та улыбается ей.

– Ты хочешь этого? Стать пилотом?

– Хочу больше всего на свете, – выдыхает Айфи.

Никогда раньше она не произносила это вслух, и сейчас кажется, что это даже опасно. А еще – похоже на обещание. Теперь, когда сказала, – точно должна сделать. И она найдет способ. Может быть, когда закончится война и Биафра будет свободной, они построят пусковую станцию, где-нибудь в Энугу или прямо здесь, где их лагерь, и со станции полетят шаттлы в дальний космос, и они присоединятся к остальному миру. Еще одна сверхдержава – как Америка – среди Космических Колоний.

Энаймака звенит. Это звонок внутри нее. Время приема пищи. У Айфи опускаются плечи. Но она тут же понимает, как голодна, – ела ли сегодня вообще что-нибудь?

– Если не хочешь быть в конце очереди, нужно возвращаться, – говорит Энаймака.

Они возвращаются через лес, Энаймака стоически молчит. Айфи смотрит на андроида снизу вверх:

– Когда Онайи будет читать твои логи, что я делала, куда ходила… не могла бы ты стереть ту часть, где мы пошли на пляж? Если она узнает, что я пропустила послеобеденные занятия… Я не хочу ее злить. И не хочу, чтобы она узнала про мой Акцент. Можешь? Пожалуйста.

Энаймака долго молчит. Кажется даже, что ей грустно. Она беззвучно отвечает Айфи через Акцент. *Ты просишь меня стереть то, что я видела и слышала, к чему прикасалась, данные, которые я собрала и добавила в свою суть.*

Стыд пронзает Айфи. Ее щеки горят. Энаймака иногда звучит так похоже на Онайи, что Айфи совершенно забывает: она во многом как ребенок. Она выясняет, как что устроено, накапливает опыт и организует все, что окружает ее. Учится.

– Считай, сделано, – говорит Энаймака и берет Айфи за руку. – Эта порция записей стерта.

Айфи сжимает механическую руку Энаймаки и подносит ее к щеке.

Андроид не сбивается с шага.

Глава 3

Если бы Онайи и Чинел запланировали разведку на раннее утро, им удалось бы избежать москитов. Но хотя бы комбинезоны немного от них защищают. Счетчики Гейгера на запястьях пищат, оповещая об уровне радиации. Растительность тем не менее сохранилась: мясистые листья деревьев, такие большие, будто мутировали; трава высокая, кое-где зеленая, кое-где желтая и коричневая.

Онайи еще не родилась, когда ойнбо начали воевать друг с другом, когда за океаном взорвался Биг-Биг и ветер разнес красные облака по всему континенту. Она еще не родилась, когда небо начало кровоточить. Но с детства она слышала разные истории. Истории про времена, когда города не были накрыты куполами, когда люди не сбегали с Земли в Космические Колонии, когда ойнбо – белые – еще не полетели к звездам и не построили Америку, Британию и Скандинавию, и другие места, где они – только они – могли спрятаться от того, что человеческая глупость сделала с планетой. Истории про времена, когда Биафра еще не объявила себя независимой. Когда еще не началась война.

А теперь вот земля в лесу, где они идут, завалена мусором. Пакеты из-под сока, клочки одежды, куски сломанной техники.

Чинел склоняется над какой-то кучей, отодвигает ветки, расчищает место ногой и вытаскивает древний смартфон, погребенный в завале. Держа винтовку в одной руке, она берет телефон другой, в перчатке, и сдувает радиоактивную пыль. Пыль облаком кружится перед ее защитным козырьком. Находка отправляется в карман – скоро она пополнит ожерелье из сломанных смартфонов, которое Чинел носит на шее.

В воздухе витает туман. Видимость почти нулевая. Но Чинел – настоящий аугмент, она все замечает. Уровень влажности в небе. Ямки и канавки на земле, слишком маленькие, чтобы Онайи могла их разглядеть. Тепловые метки, выдающие медведей агба и волков-мутантов с двумя головами и зубчатыми спинами.

Справа шелестят листья. Чинел предостерегающе поднимает руку, останавливая Онайи. Они пригибаются, прячась за кустом. Там кто-то есть. Чинел щурится. Онайи следит за ее взглядом.

Медленно из тумана появляется животное. Его кожа, розовая в солнечном свете, местами отливает мягким зеленым. У него видны ребра, но все четыре ноги толстые и мясистые. Волнистый мех вдоль позвоночника. Копыта утопают в грязи. Это шотгорн.

Будь с ними кто-нибудь еще, можно было бы попытаться поймать зверя, дотащить в лагерь, разделать и приготовить мясо.

Но тут без стрельбы не обойтись, а так эта тварь может не накормить, а сама запросто убить их.

Шотгорн проходит мимо, поваленные стволы деревьев гнутся под его тяжестью. Москиты тянутся за ним – за его радиоактивной кровью.

Онайи и Чинел ждут, когда он совсем скроется из виду, и через несколько минут продолжают свой путь.

На небольшой прогалине множество следов человеческого присутствия. Сломанные коммуникаторы, обрывки одежды, потрепанные кроссовки. Люди покидали это место в спешке.

Неугомонная Чинел обследует выброшенную технику. Еще одно украшение на шею.

Онайи шипит на нее. Они здесь не для того, чтобы собирать побрякушки. Им нужно продовольствие.

Они идут в тишине, останавливаясь лишь на секунду, когда в воздухе раздается знакомый скрип. Мехи носятся в небе. Ветер раскачивает ветви деревьев над их головой. Онайи и Чинел не останавливаются, только пригибаются ниже, продолжая идти вперед.

– Никогда не подумают оставить хотя бы прокладок, – усмехается Чинел.

Онайи молчит несколько секунд, но все-таки спрашивает:

– Кто – не подумает?

– Беженцы, конечно. Или кто там оставляет весь этот мусор в лесу. – Чинел не смотрит под ноги, но как-то умудряется переступать через вывороченные корни упавшего дерева. – Одни пустые бутылки из-под «Фанты» да мобильники с ржавыми чипами.

– Ну, для ожерелья сойдет. – Онайи позволяет себе хихикнуть.

– Если нас найдут маленькие, мы хотя бы дадим им работу. У них будет новая жизнь. – Чинел продолжает исследовать лес, ритмично вертя головой вправо-влево. – Научим их, как ремонтировать всякие штуки.

– А если постарше?

Чинел пожимает плечами:

– Если женщины, отправим в Энугу. Или в Умуахиа. Пригодятся для чего-нибудь в Республике. Может, детей нарожают.

– А если мужчины?

Чинел усмехается:

– Пристрелим.

Обе хихикают. Хорошо в разведке с подругой. Чаще всего вылазки проходят в молчании. Быстро пробежались, нашли кое-

какие припасы, вернулись обратно. А еще чаще: вышли, не нашли ничего, вернулись. Но когда Онайи с Чинел, можно расслабиться. Чем больше времени они проведут вместе, тем лучше.

– Я хочу когда-нибудь увидеть Порт-Харкорт, – говорит Онайи и сама себе удивляется. – Я слышала, там красиво. Он прямо на воде, и вышки не загораживают вид, и не слышно этого вечного скрежета. – Онайи улыбается. – А еще там есть настоящие больницы и даже женская клиника.

– А что нам тогда делать в этом Порт-Харкорте? – поддразнивает Чинел. – Раз там уже все есть. Что там строить?

– Биафру. – Онайи понимает, что это звучит чересчур романтично. Она бы и сама назвала такое глупостью. Верить во что-то столь призрачное и возвышенное, как Республика Биафра. Но когда она думает о Биафре, она представляет здания из стекла, камня и стали, подпирающие небо, и мощеные улицы, и фрукты, которые можно есть прямо с деревьев. Она думает о месте, где нет ржавчины. Совсем. Где воздух не отравлен радиацией и не царапает легкие, когда дышишь. В этой мечте у нее настоящая кожа на руке, а не черная повязка, видя которую постоянно, не забудешь, что под ней металл, шестеренки и микросхемы. В этой мечте она даже может убедить себя, что там настоящие плоть, кровь, кости. В мечте о Биафре она – полностью человек.

– Стой.

Чинел преграждает путь как раз вовремя: Онайи чуть не наступила на мину. Онайи не видит красную лампочку, мигающую в грязи, но Чинел заметила ее. Если это не бело-зеленые, то, наверное, другая группа повстанцев.

Онайи злится на себя. Вот что случается, когда теряешь бдительность. Это, скорее всего, знак, что им пора возвращаться.

– Пойдем, – говорит Онайи. – Там уже ничего нет. Не сегодня.

Но Чинел не трогается с места. Она опускается так низко, что почти сидит на земле, вглядываясь куда-то. Потом машет рукой:

– Вон!

Онайи пытается разглядеть.

– Вон же!

Онайи щурится. Теперь она видит небольшое облако москитов.

– Что это?

Онайи роется в рюкзаке и достает оттуда пригоршню глины. Ито-ито.

– Что бы там ни было, оно еще теплое. Я посмотрю.

Она осторожно садится, чтобы не задеть мину, и лепит из белой глины что-то с ручками и ножками. Потом берет

маленькую булавку и протыкает две дырочки в лице фигурки. Разворачивает ей конечности так, что теперь фигурка больше похожа на морскую звезду, чем на человека.

– Так нормально. – И сплевывает шарик слизи в намеченные на лице глазницы. Наноботы из слизи зарываются под оболочку ито-ито. Биомехи, содержащие ДНК Онайи, колонизируют глину, населяя ее частичками Онайи и оживляя. Глина становится продолжением Онайи, продолжением ее зрения. Как мобильное устройство, подсоединенное с помощью нейросети по беспроводному интернету.

Ручки и ножки фигуры шевелятся. Она вертится на ее ладони, как младенец, и светится изнутри голубым.

Онайи ставит ее на землю, похлопывает по спине, и фигурка ковыляет вперед, переваливаясь с ноги на ногу. Все, что она чувствует, видит и слышит, откликается в голове Онайи, звучит внутри как шепот.

Ито-ито направляется к насыпи, останавливается и наклоняет голову, осматривая ее. Вначале она видит только порванную одежду и кожу, потом находит волосы. Прикасается к ним, и волосы обвиваются вокруг ее белой руки. Она продолжает осматриваться и видит человека. Живого человека. Человек дышит.

– Она жива, – говорит Онайи и, прежде чем Чинел успевает помешать ей, встает и бежит к телу. Останавливается, сбрасывает рюкзак и выуживает оттуда складные алюминиевые носилки. Затем берет ито-ито и сжимает в руках. Фигурка издает мягкий жужжащий звук, почти выдох, и выключается. Онайи засовывает ее обратно в рюкзак.

Чинел секунду колеблется, а затем бросается помогать. Вместе они поднимают женщину. Онайи вздрагивает и смотрит через оптический прицел винтовки в лес. Что-то шевельнулось. Несколько секунд она наблюдает, хотя сквозь туман почти ничего не видно.

– Мы в безопасности. – Чинел кладет руку на плечо Онайи.

Онайи вешает винтовку на плечо, они берутся за носилки и идут назад к лагерю.

– Ты, похоже, становишься сентиментальной. Стареешь.

Онайи идет впереди, но спиной чувствует ухмылку Чинел.

– Да неужели?

– Год или два назад ты бы оставила ее тут умирать.

Глава 4

Только когда Энаймака и Айфи добираются до линии выкрашенных в голубой цвет камней в лесу, Айфи понимает, как далеко убежала от лагеря. Если включить Акцент, легко можно различить мины, прикрытые землей и ветками. Можно вычислить, где путь свободен, но она и так столько времени провела онлайн, что Онайи заподозрит неладное. Обходить все мины тоже слишком долго. Пока они сделают круг и вернутся в лагерь, еды не останется, а у Айфи в животе так урчит, что точно нельзя пропускать ужин.

Туман сгущается, и постепенно исчезают клочки земли, еще недавно все-таки различимые. Сердце падает. Желудок сводит от голода.

– Давай, малышка! – Энаймака протягивает руку. У нее мутные глаза, и Айфи понимает: это потому, что у нее почти разряжена батарея. Но Айфи берет дроида за руку, и Энаймака сажает девочку себе на спину. Айфи крепко обнимает Энаймаку за шею.

Выверенным шагом, один за другим, Энаймака пробирается, казалось бы, по прямой, но Айфи знает: она совершает целый сложный танец, чтобы избежать ловушек, расставленных Боевыми девчонками для незваных гостей.

На краю леса, где уже почти начинается лагерь, комары гудят над чем-то, неподвижно лежащим в листьях. Энаймака останавливается, и Айфи хочет слезть с ее спины, но та удерживает девочку и прижимает к себе крепче.

– Энаймака, что это?

Несколько секунд Энаймака не двигается, а Айфи думает, не выключилась ли она окончательно, – это было бы совсем некстати, ведь Айфи окажется намертво приклеена к ее спине.

Но индикатор зажужжал – она все еще работает. Энаймака выпрямляется, но не ослабляет хватку.

– Двуносорог. Еще не умер, но уже отравлен воздухом. Бродил где-то здесь.

И тогда Айфи видит. Зверь лежит на боку, тело медленно поднимается и опускается, одна голова на другой, оба рта открыты – он задыхается. Туман словно специально рассеялся, чтобы открыть их глазам эту картину. Воспоминание промелькнуло перед Айфи.

Она еще маленькая, совсем ребенок. Под ней холодная земля, и она обнимает за шею какое-то животное, крепко прижавшись к его груди. Животному трудно дышать, оно давит на Айфи, и она

плачет в его мохнатую грудь. Кто-то подстрелил зверя, которого она любит, и она держит его на руках, а за окном продолжаются стрельба и крики.

Она снова в реальности.

Прохладное плечо Энаймаки касается ее щеки, возвращая из воспоминаний. Влажный воздух охлаждает макушку. Она трясет головой.

– Поехали, Энаймака. – И Айфи тычет пятками ей под ребра, как в фильмах, которые она скачивала, наездники пришпоривали лошадей. Энаймака изображает галоп на месте, и Айфи хихикает.

Ну вот они уже почти добрались до оружейного склада. Отсюда до столовой рукой подать, а там скоро ужин.

Между складом и столовой находится клиника. Айфи соскальзывает со спины Энаймаки, когда они уже близко. Целая толпа девушек собралась снаружи у палатки. Онайи иногда помогает женщинам и девочкам, которых спасли за пределами лагеря, или когда кто-нибудь подхватит инфекцию или мучается из-за ночных кошмаров. Хотя Айфи боится, что Онайи узнает про Акцент, она все равно улыбается при мысли, что сейчас увидит сестру, и бежит впереди Энаймаки ко входу в палатку. Она пробирается сквозь толпу, прислушиваясь, что говорят вокруг. Медсестра Ннека руководит группой других медсестер. Перед ними на столе лежит женщина, лицо кривится от боли. Она стискивает свой живот. Айфи смотрит по сторонам и находит Онайи, та сидит на ящике у входа в палатку.

– Привет, малышка. – Она устало улыбается. – Как дела в школе?

Женщина на столе стонет. Айфи не отводит глаз: женщина в рваной одежде прижимает что-то к груди, и Айфи чувствует, как что-то невидимое давит и ей на грудь. Воспоминание о раненом животном, к которому она прижималась ребенком, захватило ее. Она стоит как вкопанная.

Звук щелчка выводит ее из оцепенения. Прямо перед ней лицо Онайи.

– Эй! – говорит Онайи. – А где Энаймака?

– Рядом, – отзывается дроид, неуклюже протискиваясь через толпу. – Как всегда.

Онайи поднимает голову и усмехается, словно хочет сказать: *Самая умная, что ли?*

– Хорошо. – Онайи встает с ящика. – Ну, пошли. Пора ужинать.

Втроем они направляются к выходу, но Айфи оборачивается и видит, что Онайи остановилась и смотрит под ноги. Руки сжаты в кулаки. Кажется, что она воюет сама с собой, пытаясь принять

какое-то решение. Женщина на столе скулит от боли. Онайи запускает руку в мешок и достает кусочек глины. Ито-ито!

Онайи быстро лепит из глины ручки, ножки и голову с подобием лица. Поворачивается и несет фигурку женщине, которая на мгновение перестает извиваться и стонать, глядя в глаза Онайи.

Айфи видит, что Онайи не просто быть доброй, но каждый раз, когда сестру ведет любовь, она чувствует прилив гордости за нее.

Женщина хватает запястье Онайи и сжимает его.

Внутри Энаймаки звенит звонок, но звонок сбора к ужину уже прозвенел.

Приборы, к которым подключена женщина, начинают пищать.

Быстрее. Еще быстрее.

– О нет, – шепчет кто-то.

– Айфи! – кричит Онайи. – БЕГИ ОТСЮДА! ЭТО БОМ…

Глава 5

Мир постепенно возвращается к Онайи, все смазано, все как будто сквозь дымовую завесу. Звуки приглушены, формы размыты – вокруг просто плавающие цвета. Крики и взрывы звучат в отдалении, будто с другой стороны леса. Но боль. Боль прямо здесь. Она вопит в ее руках и ногах. Онайи дважды пытается хотя бы встать на колени, но не может. С третьей попытки ударяется головой обо что-то металлическое. Что-то черное и серое сыплется с ее волос. Она поворачивается и падает на спину – а перед ней падает обгоревший корпус Энаймаки. Она закрыла ее от взрыва, приняв на себя основной удар. От дроида почти ничего не осталось. Обгоревшие конечности и почерневший торс. Силуэт Энаймаки на фоне освещенной отблесками пламени медицинской палатки похож на мрачное безмолвное дерево.

Онайи высвобождается, шатаясь, поднимается на ноги и видит Айфи. Маленькая девочка, вся в грязи, лежит, прижавшись щекой к земле. Онайи, поскальзываясь, бросается к ней. Сосредоточенно осматривает тело, ищет раны, щупает пульс, проверяет, не сломаны ли руки и ноги, и качает ее голову в руках.

– Айфи, пожалуйста! – плачет Онайи. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…

Когда она снова открывает глаза, Айфи ошеломленно смотрит на нее, оглушенная, но очень живая.

Гремит гром, и обе смотрят вверх, следя взглядом за дугой, очерченной горящим мехом, плывущим по воздуху. Оставляя за собой дымный след, похожий на хвост кометы, он падает в лесу, так близко к лагерю, что удар отбрасывает Онайи на спину.

Раздается автоматная очередь. Катаката. Хаос.

Онайи сгребает Айфи в охапку. Девочка бормочет ей в ухо:

– Что происходит? Где Энаймака?

– Нас атаковали, – выдыхает Онайи на бегу к границе лагеря. По пути она перехватывает Чинел, ведущую небольшой отряд Боевых девчонок с оружейного склада.

– Чинел! Мехи.

Чинел кивает и отдает команду Чайк, одной из самых младших в отряде, – та салютует и ведет остальных в бой. Чинел бросается в другом направлении. Онайи бежит, вот уже позади Терминал, и склад экипировки, и теплица; наконец она прибегает к небольшому клочку заброшенной земли. Айфи выскальзывает из объятий Онайи, и та шарит по земле, ищет что-то, но не может найти. Выругавшись, начинает копать землю руками.

Айфи начинает ей помогать. Они роют вдвоем. Вдруг земля и

ветки проваливаются, и перед ними появляется что-то вроде небольшой пещеры.

– Лезь. – Онайи толкает Айфи так сильно, что та чуть не падает.

Айфи еще не до конца спустилась, а Онайи начинает забрасывать дыру ветками, поломанными досками и кусками металла. Ее правая рука искрит. Наверное, часть микросхем сгорела при взрыве.

– Нет, подожди, – говорит Айфи.

– Стоп! – приказывает Онайи таким голосом, какого сама у себя не слышала давно. Она хватает металлический лист, стиснув зубы, отрывает от него кусок и скручивает его, превращая в остроконечную дубинку. Бросает ее Айфи.

– Если кто-нибудь тут появится – кто угодно, – размахивайся и бей до тех пор, пока не убьешь.

Айфи даже не успевает ответить. Подтащив остатки стального листа, Онайи закрывает вход в пещеру и забрасывает его ветками, пока не убеждается, что это место не привлечет ничье внимание.

И уходит. Снова гремит гром, безостановочно стреляют минометы – вокруг лагеря и внутри. В воздухе колышутся столбы дыма. Кажется, что атакуют со всех сторон сразу. Онайи пробегает мимо школы к оружейному складу – там еще много боеприпасов. Она перекидывает полный патронташ через плечо, хватает мешок и набивает его двойными рожками по тридцать патронов. Девчонки рядом с ней тоже разбирают оружие и занимают позиции. Кто-то уже обрабатывает свежие раны. Одна сползла по стене, вытянув перед собой перевязанную ногу. Но времени помогать ей нет. Не сейчас, когда их атакуют. Онайи стрелой мчится в лес. Почти сразу слышит шаги, припадает к земле, винтовка наготове. Но это Чинел и еще несколько девчонок постарше. Онайи ничего не говорит, только кивает им, и они направляются в глубь леса, пока Чинел не поднимает руку – знак остановиться у дерева.

Одна из девочек вытягивает провод из разъема на затылке, бьет металлическим кулаком по дереву, открывает контрольную панель и подключается.

Земля со скрежетом разверзается под ними.

Здесь кабины. Кабины, подключенные к оружию, которым Онайи не пользовалась очень давно. Кабины, подключенные к той жизни, что давно осталась в прошлом. Когда же Онайи последний раз сидела в ибу-мехе?

Онайи смотрит на шеренгу. Амака. Чигози. Кесанду. Обиома. Чинел. Она кивает, и все спрыгивают в открывшиеся кабины.

Экраны вокруг Онайи светятся голубым. Когда воздух наполняется знакомым монотонным урчанием консоли, ей кажется, что она встретила старого друга. Мозг и каждая мышца ощущают знакомые запахи и звуки. Контрольная панель, переключатели передач, педали, пусковой механизм. Ее кабина. Ее.

Она снимает с плеча винтовку и патронташ, кладет их под ноги и вводит команды, приказывающие меху сделать первые шаги.

Толстые стекловолоконные провода тихо шипят, мехи отсоединяются от подземных портов, и платформа поднимает их. Сначала Онайи видит на экране только землю, потом заросли слоновой травы, а потом – верхушки деревьев. И вот уже вокруг шумит ветер. С глухим стуком платформа возвращается на место.

Ряд свирепых машин, вооруженных наплечными пушками и пушками Гатлинга. У некоторых наготове массивные копья, мечи и дубины.

Онайи активирует коммуникаторы и видит лица других девчонок в столбце голограмм на экране справа.

– Амака, готова, – говорит Амака.

– Чигози, онлайн, – откликается Чигози.

– Обиома, онлайн.

– Кесанду, онлайн. Сделаем это!

– Чинел, запускаю систему.

Онайи устраивается удобнее. Напрягает плечи:

– Онайи, на связи. – Сжимает переключатель скоростей. – Активирую двигатели.

Она так быстро взмывает в воздух, что ее вжимает в сиденье. Стягивает кожу на лице, по всему телу. Звенит каждая косточка. Зубы стучат. Ветки хлещут по стеклу. А потом – ничего, только небо. В одно мгновение исчезают все звуки, и чернильное покрывало над головой сверкает продетыми в него алмазами.

Активируется звуковая система, но все, что она слышит сейчас, это бум-бум-бум. Мех содрогается с каждым взрывом.

Остальные летят за ней, затем занимают свои позиции в небе.

– Амака. – Онайи довольна жесткостью своего голоса. – Бери Кесанду и Обиому – будете охранять Обелиск. Если потеряем доступ к минералам, потеряем доступ к энергии. Чигози, охраняй школу. Чинел.

Молчание, затем голос Чинел, громкий и ясный:

– Давай-ка порубим этих бело-зеленых!

Когда строй распадается и каждый летит по своему заданию, Онайи позволяет себе улыбнуться. И тут же видит, что за Чигози мчится черный как ночь воздушный мех с нарисованным на нем

бело-зеленым флагом.

– Чигози! – кричит Чинел.

Но нигерийский мех уже выпустил несколько снарядов из своей ручной пушки в спину Чигози. Ее мех кружится в воздухе по спирали. Онайи несется к врагу. Он настигает Чигози, и Онайи не удается догнать его. Он слишком быстр. Но она, рассекая воздух с такой скоростью, что все расплывается, мчится туда, где упадет Чигози.

Развернувшись лицом вверх, Онайи стреляет из наплечных пушек, когда мех Чигози проплывает над ней. Ракеты пролетают рядом с Чигози и врезаются во вражеский мех – в самую середину и в кабину. Взрыв сотрясает Онайи. Ее линия связи жужжит.

– Отличный выстрел! – Это Чигози.

Онайи включает экран заднего вида – поврежденный мех Чигози дымится, но еще вполне функционирует.

– Я в порядке, – говорит Чигози. – Я позабочусь о школе. – Ее мех зависает в воздухе, потом его двигатели выплевывают огонь, и она устремляется к зданию школы.

– Онайи! – кричит в коммуникаторе Чинел. – Я проголода-а-а-лась!

Онайи достает из-за спины титановую глефу и сжимает ее в руке. Вокруг тепло от двигателей. Ее мех стрелой вонзается в небо, и к ней возвращается то самое чувство. Вот оно. Вот чего она ждала. Катаката. Хаос.

Она подстерегает одного бело-зеленого, пронзает насквозь и стремительно улетает, не оставляя ему ни малейшего шанса подорвать ее. Мчась вперед, делает круг и срезает очередной вражеский мех, а затем уходит выше, уворачиваясь от ракет.

Онайи смотрит вниз на лагерь, по которому топают танки-крабы. Их башенные орудия стреляют по каждой постройке в зоне видимости. Онайи прицеливается и сносит верхушку у первого же танка, ракеты Чинел крушат другого краба. Онайи дает себе секунду, чтобы переориентироваться, и бросается на группу из четырех вражеских мехов. При ее приближении группа распадается.

Она вонзает глефу в ближайшего меха. Второй замахивается на нее гигантским молотом. Она пригибается. Молот обрушивается на третьего меха, и тот в неуправляемом штопоре несется к земле. Онайи подтаскивает меха глефой и глушит его молотом. Подтягивает ближе, чтобы использовать как щит против пушки Гатлинга, из которого обстреливает ее последний бело-зеленый. Вражеский мех на ее глефе вздрагивает и извивается с каждым залпом. Онайи выставляет свой новый щит и на полной скорости идет на таран последнего меха, быстрее и быстрее, пока

не отпускает глефу, выключает задние двигатели, а передние переводит в режим зависания в полете. Еще ракетный залп из наплечных пушек, и два врага превращаются в огромный огненный шар.

– Помоги! – На экране Онайи прорывается голос Амаки. – У меня один на хвосте. Я не справлюсь!

Онайи видит их высоко в небе. Мех Амаки с пушками Гатлинга по бокам винтом уходит в небо. Бело-зеленый повторяет каждое ее движение. Онайи поднимается выше, к ним навстречу, и начинает погоню, то взмывая в облака, то ныряя вниз, к лагерю. Кружась и уворачиваясь от разрывающихся снарядов, Онайи пытается поймать в прицел врага, который несется между ней и Амакой. Он слишком быстр. Прицельная сетка не успевает сфокусироваться, как он смещается, ныряет или находит прикрытие. Тут Онайи видит, куда направляется Амака:

– Нет, Амака! Нет! Не надо в лес!

Деревья стоят слишком близко друг к другу. Амака запутается в ветвях и будет биться, как птица в сети.

Онайи разгоняет двигатели, но слышит какой-то разболтанный звук внутри своего меха. Он начинает разваливаться. Но ей непременно нужно подобраться ближе. Кабина дребезжит и стучит, и все же удается отсоединить копье. Она выдвигает его вперед. И целится.

Враг все дальше и дальше – и ближе к Амаке, которая гонит к лесу. Онайи мечтает, чтобы кабина перестала трястись. Все стихает. Все, что сейчас существует в мире, – перед ней на экране. Ее цель.

Она поднимает копье. Готова.

Точка на оптическом прицеле становится красной.

– Амака! Вниз!

Онайи со всей силы швыряет копье.

Оно летит так быстро, что свистит в воздухе.

Все трое несутся к линии леса, но в последний момент Амака пропадает из виду. Копье вонзается точно в процессор вражеского меха, и он обрушивается на деревья.

Мех Чинел появляется рядом с Онайи. Наконец можно чуть перевести дыхание. По телу Онайи словно бежит электрический ток. Вены горят огнем. Ее разум сейчас яснее, чем во все предыдущие годы. Краски мира вдруг стали ярче. Кажется, она даже чувствует их запах – прямо здесь, в кабине.

– Как они нашли нас? – спрашивает Чинел по коммуникатору.

У Онайи еще не было времени задать себе этот вопрос. Ее поглотил азарт битвы. Но теперь, задумавшись, она ничего не понимает. Атака началась ровно тогда, когда подорвала себя

смертница. Крабы и мехи появились практически сразу. Они явно были поблизости. Онайи помнит, что они с Чинел совершили вылазку за продовольствием. Так что же, бело-зеленые следили за ними? Скрытое беспроводное подключение, чтобы никто ничего не заметил? Но здесь нет крупных залежей ископаемых. Странное место выбрали враги. Их дом.

Внизу полыхает огонь.

Девочки, экипированные и вооруженные винтовками, собираются группами и расстреливают надвигающиеся танки. Одни воздушные мехи сражаются в небе с лагерными пилотами. Другие поджигают землю вокруг лагеря, сбрасывая бомбы. Их слишком много.

Над ними гудит авианосец.

Онайи и Чинел смотрят вверх. Авианосец огромный, загораживает собой луну. Люк открывается, оттуда валятся новые мехи – ряд за рядом. В небе темно от них.

– Их слишком много, – говорит Чинел, задыхаясь.

Онайи содрогается. Они разрушат ее дом. Отнимут у нее единственное место, где она знала мирную жизнь.

Они победят.

– Онайи, нам нужно эвакуировать лагерь. Они возьмут его.

Онайи стискивает зубы и склоняет голову. Переключатель скоростей и рычаг дистанционного управления дрожат в ее руках. Когда она наконец поднимает глаза, по щекам текут слезы:

– Сначала им придется убить меня.

Бросаясь в самую гущу вражеских мехов, она издает животный рык, который заполняет кабину. Она приводит в действие пушку Гатлинга и стреляет, стреляет, стреляет.

До тех пор, пока для нее не остается ничего – только вспышки.

Глава 6

От первой же бомбы на голову Айфи сыплются земля и ветки. Она кашляет и едва успевает протереть глаза, как очередной раскат грома сотрясает ее убежище с такой силой, что, кажется, оно обрушится. Сквозь стены и земляной потолок доносятся крики. Какие-то взрослые и дети – отдают команды. Кто-то вопит от боли, страха или и того и другого. Все это похоже на войну. Она обхватывает голову руками и закрывает глаза, пытаясь бороться с воспоминаниями. Но снова встает то же видение: в темноте дома она, совсем маленькая, держит на коленях умирающую собаку, а вокруг – крики, вопли, стрельба.

– Нет, нет, нет, – шепчет она.

Мысли перескакивают в будущее: что ждет ее, если ее похитят. Она слышала разные истории. О том, как фулани на севере крали девочек, совершали набеги на школы, сжигали здания дотла, загоняли девочек в маглевы – длинные грузовики на магнитных подушках, увозили и выдавали замуж за мальчиков, которых они превратили в убийц. Истории о том, что эти мальчики должны сделать с ней – кто-то по принуждению, кто-то сам. Жизнь в грязной лачуге, где ее превратят в машину для производства детей. Эта мысль парализует ее и заглушает шум снаружи. Ее мир погружается в тишину.

Айфи не понимает, сколько прошло времени, прежде чем слышит, как кто-то скребется у входа. Кто-то разгребает металл и мусор, закрывающие вход в пещеру. Она шарит вокруг себя, ищет что-нибудь, чтобы нанести удар. Как только этот кто-то просунет сюда руку, ногу или голову, она сразу хорошенько ударит. Она крепко сжимает дубинку, которую дала Онайи, и, хотя держать ее неудобно, старается замахнуться.

Снаружи перестают царапаться и начинают колотить.

Бум, бум, бум.

В металле одна за другой появляются вмятины.

Бум. Бум.

Металл отходит. БУМ.

Металлическая дверь проваливается внутрь, вместе с комьями грязи, ветками и слоновой травой. Сначала появляются лапы. Потом голова. Похожа на лошадиную, но туловище – это гладкое туловище тигра или леопарда. Кабели и провода словно вены внутри него. Корпус светится зеленым. Айфи смотрит разинув рот. Зверь опускается наконец на землю и заполняет собой все пространство. Стоит на четырех лапах, голова опущена. Красный свет заливает Айфи. Она не может пошевелиться. Но

хочет. Она должна. Пальцы дрожат, стискивая дубинку. Руки горят от напряжения, удерживая ее. Зверь пятится, выгибает спину – и кидается к ней. Два прыжка – и настигнет.

Воздух наполняется запахом раскаленного металла. Она визжит, роняя дубинку. Зверь прыгает, но проносится прямо над ней – она ползет к отверстию. Звуки выстрелов слышны теперь отчетливее. Она даже узнает голоса кричащих.

Внутри зверя шипят поршни и шестеренки. Айфи уронила свое оружие. Теперь у нее нет ничего.

Зверь с трудом пытается встать в этом тесном загоне, бьется головой о потолок пещеры, натыкается на стены, стараясь распрямиться. Но нет. Он застрял.

Айфи позволяет себе нервный смешок, затем поворачивается, чтобы вылезти наверх. Зверь скулит – и она застывает на месте. Он сгибает лапы, высвобождается и прыгает вперед, сверкая металлическими клыками, готовыми разорвать ей грудь. Она кричит, и голубой свет молнией вспыхивает над зверем. Время замирает. Айфи видит его внутренности, каждый проводок, подсоединенный к каждому механизму и процессору. Она видит, как работают его приводы, как связаны между собой оптические нервы и где расположены его командные функции.

Но это длится всего мгновение, а потом он обрушивается на нее, нанося удар в грудь. Вдруг все смолкает. Зеленый корпус гаснет. Айфи борется с навалившимся на нее зверем. Стиснув зубы, пытается оттолкнуть ногами. Он слишком тяжел. Но мертв. Или, по крайней мере, отключился. Он ее не съест.

Как так?

Айфи лихорадочно соображает. Секунду назад зверь был готов вырвать у нее сердце, вот он в воздухе и вдруг – без движения, хоть и придавил ее. Она выворачивается, пытаясь сбросить его, но тяжелая туша не поддается.

Акцент.

Что, если попробовать включить животное… Сердце почти останавливается при мысли о том, что эта штука снова оживет и уставится на нее своими горящими красными глазами. Что, если она не сможет управлять им? Что, если здесь совсем другие технологии? Она почти ничего не знает о других подключениях.

Потом она вспоминает о девчонках, что ждали ее после уроков, чтобы посмеяться над ней. Поиздеваться, забросать грязью и камнями. Она вспоминает, что хотела сделать с ними. Как порыв ветра в грозу, это чувство возвращается к ней, чувство, которое она всегда испытывает перед тем, как начать драться. Кровь приливает к голове. В груди жарко. Так жарко, что кулаки сжимаются сами собой. Еще не осознавая, что делает, она

вглядывается в металлические органы и процессор зверя.

Акцент включен. Беспроводная сеть – сплошной клубок неразборчивого шума и операций. Айфи пытается поймать волны соединения, но они истончаются до почти неосязаемых нитей. Сколько же устройств сейчас мерцает вокруг, словно умирающие звезды, что взрываются перед тем, как исчезнуть навсегда? Она пробегает по линиям сети, перескакивая от узла к узлу, пока не находит то, что ищет.

Вскоре она ощущает жужжание и постукивание запустившихся механизмов. Зверь просыпается и несколько секунд осматривается в крошечной пещере, прежде чем оттолкнуться от Айфи. Она кашляет и держится за ребра. К счастью, кажется, ничего не сломано. Но дышать все равно больно.

Зверь отступает. Айфи пригибается ниже. Снаружи раздается взрыв, ее швыряет на землю. Подняв глаза, она видит: зверь стоит не шелохнувшись. Она отряхивает грязь с лица и снова припадает к полу.

– Окей, – тихо говорит она себе. – Окей, надо попробовать. – Делает маленький шажок к зверю, протягивает руку, будто хочет погладить его морду. – Окей, окей, окей. Онайи точно скажет, что я сошла с ума. Но если я смогу…

Она ждет, что зверь кинется на нее и отгрызет руку, но он даже не шевелится.

Она придвигается ближе.

– Окей. Теперь – сидеть!

Еще мгновение. Ничего не происходит, потом зверь садится. Настороженно склоняет голову набок, рассматривая ее. Непохоже, что он готов разорвать ее на куски и сожрать.

– Окей. Хм. Принеси мне вон ту палку. – Она показывает на ветку позади него.

Он поджимает лапы, чтобы забраться в тесный угол пещеры, хватает ветку в зубы и возвращается к Айфи. Сработало. Она едва успевает засмеяться, как очередной взрыв сотрясает потолок пещеры, как раз там, где была ветка. Земля над ней продолжает дрожать.

Пещера скоро обвалится.

Зверь снова светится зеленым, он подходит к Айфи. Она обнимает его за шею, забирается на спину, и в ту же секунду пещера обрушивается за ними. Они выпрыгивают в дыру, служившую входом, поднимая фонтан из грязи, веток и металла, и внезапно мир становится таким громким, каким никогда еще не был в жизни Айфи.

С включенным Акцентом все лагерные сооружения светятся

по контуру голубым. Айфи смотрит вверх на мехов, тоже пронизанных пучками голубого света. Небо испещрено ими, словно звездами. Не светятся только взрывы, когда ракета попадает в них и стирает с неба или когда танк-краб пробивает стену столовой и вырубает генератор, теряя свою ногу, но поджигая здание. Или когда бело-зеленые подрываются на гравитационной мине, которая бросает их в воздух, перед тем как разорвать на части механические тела.

Зверь Айфи галопом скачет через хаос. Она оглядывается: за ними гонятся другие механические полузвери. Увереннее, чем в прошлый раз, она, повернувшись, прицеливается в процессоры преследователей. Несколько изменений в коде – и они уже мчатся назад, чтобы атаковать своих бывших хозяев.

Вдалеке раздается глухой топот копыт, затем все ближе и ближе. Шотгорн врезается в составленные рядами ящики, мотает головой взад-вперед. Ящики падают, все разбивается. Запасы продовольствия, пайки разметаны во все стороны. Какой-то металлический предмет летит прямо в голову Айфи и сбрасывает со спины зверя. Мир кружится перед ней. Шотгорн – гора из металла и мяса. Платы и микросхемы, ввинченные в тело, провода, исчезающие в гниющей плоти. Искалеченное существо, еще больше отравленное бело-зелеными. Кое-как держится на технике и запрограммировано убивать. Шотгорн нависает над Айфи, почти такой же высокий, как Обелиск. Опять кидается вперед.

Она едва уворачивается от копыт.

Вдруг из-за плеча Айфи свистит выстрел – прямо в броню шотгорна. Айфи поворачивается и видит Чайк, стреляющую из винтовки. Эти пули, правда, не могут причинить вреда шотгорну, хоть у него и показалась кровь. Пинг-пинг-пинг – продолжается, пока Чайк не берет наконец гранатомет и не крепит к винтовке. Отточенным движением заряжает гранатомет и целится. Кричит:

– Ложись! – и стреляет.

Голова шотгорна исчезает в облаке дыма и крови. Айфи чудом успевает метнуться в сторону, прежде чем он падает на бок.

– Чайк! – Айфи почти не знает девочку, только видела ее время от времени, когда та как часовой охраняла лагерь. Но сейчас она сжимает ее в объятиях: – Спасибо!

Чайк вырывается и кивает.

– Онайи, – выдыхает Айфи. – Где она? Она в порядке?

– Никто тут не в порядке. – Чайк резко поворачивается и пристреливает механического камышового кота. – Они вон даже животных подчинили.

Сверху пикирует мех и поливает землю пулеметным огнем. Чайк хватает Айфи, и они ныряют в укрытие. Ошметки травы с каждым залпом взлетают в воздух. Глядя в щель между валяющимися ящиками, Айфи видит одну из девчонок, которые травили ее, – она размахивает металлической дубинкой, защищаясь от зверя. Зверь скалится. Она ни разу не попала по нему. Противоречивые эмоции раздирают Айфи. Девчонка причинила ей столько боли. Била, когда Онайи не было рядом. Унижала. Заставляла чувствовать себя здесь чужой. Но Айфи не может просто смотреть, как она погибает. Так не пойдет.

Она щурится, фокусируя внимание на микросхемах полузверя. Зеленое свечение у него в корпусе сменяется голубым. Он останавливается. Девчонка наконец попадает ему дубинкой в челюсть, и зверь опрокидывается на бок. Она, пошатываясь, делает шаг вперед, но слишком вымотана, чтобы нанести еще удар. Зверь поднимается и галопом уносится прочь.

Чайк кладет руку на плечо Айфи и наклоняется ближе.

– Что ты сделала?

– Я могу их хакнуть, – отвечает Айфи.

– Но… как?

У нее нет времени объяснять, как работает Акцент, устройство, которое она сама придумала и собрала, которым – за спиной Онайи – пользуется, чтобы ловить сигналы и подключаться к разным сетям, чтобы видеть, что внутри предметов или людей.

– Долго рассказывать.

– А ты можешь хакнуть больше одного раза подряд?

– В смысле?

– Терминал.

Айфи внезапно понимает, о чем говорит Чайк. Терминал. Если понять, как усилить Акцент, она сможет контролировать более крупные машины. Она сможет взломать их все… Терминал!

– Пойдем! – Чайк тянет за собой Айфи. Айфи подбирает упавший пистолет и пытается не отставать от нее. Они идут напрямик через лагерь. Чайк – впереди, расстреливая вражеских солдат, Айфи – сзади, стреляя во все, что может перекрыть путь к отступлению.

Перед ними вырастает платформа. Станция управления расположена на небольшом круглом основании, винтовая лестница ведет к контрольной панели. Это Терминал.

– Я прикрою тебя. – Чайк отстреливается от солдат и зверей, подбирающихся с тыла.

Каждый новый взрыв с неба бросает Айфи на землю. Едва держась на ногах, она добирается до лестницы, хватается за

перила и карабкается наверх. Однако, увидев клавиши на сенсорной панели, хмурится. Символы. Она не узнает их.

– Что ты так долго? – кричит Чайк снизу, продолжая отстреливаться из винтовки. Айфи понимает: боеприпасы кончаются.

Прищурившись, наугад касается пальцами клавиш. Панель отзывается гудением. Теперь ей не нужно смотреть на клавиатуру. Она чувствует ее. Ее мозг уже знает. Внезапно в мышцах возникает что-то похожее на воспоминание, как будто прежде она делала это миллион раз. Пальцы летают над клавишами быстрее, чем когда-либо в жизни. А потом в голове словно открываются двери – одна за другой. Глядя на клавиатуру, она видит все сразу. Вот мехи, танки-крабы – все. Каналы соединений как широкие реки.

Она перескакивает от узла к узлу, вырубая системы, и вражеские мехи один за другим падают с неба. Шепотом в ее ушах слышны вопли обескураженных пилотов. Зато радостные крики ее товарищей звучат ясно, как песня утренних птиц.

Танк-краб, топающий прямо через теплицу, останавливается на полпути, его верхушка шипит и искрится, выпускает клуб пламени и наконец падает на то, что осталось от огорода. Айфи сканирует все в пределах видимости, трогает каждый узел соединения. Закрывает глаза, вводит последовательность символов на сенсорной клавиатуре и вдруг ощущает колоссальный прилив энергии, идущий откуда-то изнутри. Ее словно подхватывает океанской волной. Волна нарастает, и нарастает, и нарастает, и каждый вражеский мех, по которому она бьет, шипит и искрится перед тем, как рухнуть. Волна команд для изменения их кодов в середине операции. Они падают, как москиты, попавшие под струю инсектицида.

Мы побеждаем, говорит себе Айфи. И все благодаря ей. Благодаря ее Акценту. Она плывет через беспроводную сеть, видимую в ее сознании. Она танцует в ней, перепрыгивая от одной системы связи к другой, пока не останавливается здесь. Онайи. Она внутри меха Онайи. Она слышит ее. Слышит, как Онайи отдает команды, вызывает отряды. Смеется. Сестра, я спасаю нас…

Взрыв выбивает опору у Айфи из-под ног. С выгнутой спиной, руки и ноги в разные стороны, она взлетает в воздух и потом со всей силы ударяется о землю. Кости трещат. Она кричит от боли, стискивая ребра руками. В голове – шторм из помех и рева машин. Боль захлестывает ее целиком. Когда наконец ей удается обернуться, глаза расширяются от ужаса. Терминал. Его пожирает пламя. Консоль плавится у нее в пальцах.

К ней медленно направляются трое солдат с огромными винтовками, каких Айфи никогда не видела, – черные, очень гладкие, будто из пластика. На лицах маски, глаза светятся зеленым. Линзы ночного видения. Айфи хочет убежать, но не может шевельнуться. Пытается отползти назад, но они уже близко.

Слезы стекают по щекам Айфи. Ее схватят. Она дико озирается по сторонам, ища хоть кого-нибудь, хоть что-нибудь. Потом понимает, почему все кажется совершенно необычным. Ее Акцент. Он больше не работает. Но как…

У нее нет времени понять.

Солдат посередине выстреливает из ружья сеткой, которая обволакивает Айфи, пригвождая к земле магнитными зарядами. В легких не осталось воздуха для крика. Иначе она бы позвала Онайи. Ее лицо всплывает в памяти. Айфи все еще слышит ее смех.

Сетку ошейником затягивают вокруг ее горла.

Глава 7

Мех Онайи кружится и бьется, охваченный огнем. Нажимая на педали, то и дело толкая и дергая переключатель скоростей, она чувствует себя так, словно срослась с металлом вокруг. Наносит удар по корпусу вражеского меха и, вырывая сердцевину, швыряет его в других. Бьет головой еще одного меха. Сжимает ствол винтовки третьего и свободным кулаком пробивает кабину. Бросившись вперед, хватает еще одного врага и разрывает пополам. У ее собственного меха трещит броня, отваливаются куски. Позади раздается взрыв: один из двигателей выходит из строя. Она поворачивается, и в нее упирается чье-то копье. Пули изрешетили ее ветровое стекло. Внезапно все погружается во тьму.

Онайи ничего не слышит. Приборная панель погасла. Средства связи мертвы.

Вдруг ее тело словно сместилось. Что-то вдавливает ее в сиденье. Пульт управления выскальзывает из рук. Все выскальзывает.

Она падает.

Нет-нет-нет-нет.

Она не представляет, как высоко была и из какого положения падает. Скорее всего, лицом вниз. Шарит за спиной в поисках провода, молясь, чтобы он был на месте. Ремни безопасности врезаются в грудь. Времени почти не осталось.

Она шарит человеческой рукой. Чувствует хруст суставов, кости вот-вот треснут. Слезы льются из глаз. Боль пронзает каждый сантиметр тела. Мех зацепился за что-то, и ее тело отбросило сначала вперед, потом обратно.

Большой палец вдавливается в кнопку слишком сильно и ломает ее. Но позади, прямо у головы, внезапно появляется панель и разматывается провод. Превозмогая боль, она хватает его конец и запихивает в розетку аугментированной руки, превращаясь в батарею для своего меха. Может быть, это убьет ее. А может быть, она разобьется.

Разум взрывается от ощущений. Шумы, запахи, осязательное восприятие мира обрушились на нее одновременно. Из носа течет кровь. Но все возвращается к жизни. Заработала приборная панель. Онайи тянет рычаг дистанционного управления и переключатель скоростей. Тянет так, что вот-вот вывихнет плечо. Включается передний дисплей, на нем – быстро приближающаяся земля. Онайи тянет изо всех сил, пытаясь заставить мех двигаться против ветра.

Еще рывок, и она летит прямо. Ее пальцы бегают над сенсорной клавиатурой, на ногах меха открываются ускорители торможения, движение замедляется, пока мех, содрогнувшись, не останавливается полностью. В полсотне метров над тем, что осталось от школы.

Продираясь сквозь разнообразие звуков – оглушительный стрекот цикад, плач раненых девочек, свист опустевших топливных баков, – Онайи пытается понять, продолжается ли стрельба. Нет. Ничего. Вражеские мехи описывают полукруг, направляясь к массивным авианосцам, плавающим в вышине у границы лагеря.

– Куда это они? – Вдруг она наклоняется вперед, и ее выворачивает. Ремень все еще плотно пристегнут к сиденью, поэтому ее стошнило прямо на колени. Головокружение обрушивается внезапно, как снаряд. – Лес… – бормочет она.

Ее мех опускается и медленно плывет сквозь деревья. Шепот слоновой травы, скользящей по оболочке меха, успокаивает сердцебиение. Через несколько минут она находит обугленную поляну, окруженную черным кольцом поваленных деревьев. Она пытается приземлиться, но двигатели не работают в штатном режиме, и мех неуклюже валится в кучу пепла, подогнув ноги.

Несколько секунд Онайи просто свисает со своего сиденья, позволяя себе передохнуть. Со щеки капает кровь. Она пытается вытереть рвоту со штанов, но руки не слушаются. Силы покинули ее. Она теребит ремень. Щелчок.

Она падает на свою настоящую руку и взвывает от боли. Несколько мгновений лежит, свернувшись клубком и дрожа. У нее стучат зубы. В лесу тишина. У нее есть чуть-чуть времени побыть наедине с собой – момент, который она ни с кем не должна делить. Сейчас можно затаиться и прочувствовать свою боль. Когда никто не видит.

Она не знает, сколько времени прошло, но холод постепенно отступает. Она с трудом пытается сесть прямо, но, поворачиваясь, видит свои ноги: искореженное кровавое месиво. Хлам. Странно, но боли нет.

Айфи. Нужно найти Айфи.

Стиснув зубы, она подтягивается к выключенной консоли, ныряет под нее, чтобы найти фиксатор, и чуть не теряет сознание от облегчения, когда люк со свистом открывается.

Снаружи почти ничего не видно за серой стеной тумана. Она моргает. Что-то не так. Она ползет через открытое пространство, падает в траву и только тогда наконец дотрагивается до лица. У нее нет больше правого глаза.

Паника душит ее. Она знает, что с ее телом случилось

столько, что она должна чувствовать адскую боль, – но ничего не чувствует. Только онемение. Она вспоминает Айфи, и мысли о себе тут же улетучиваются. Она должна найти Айфи.

Шелест листьев. Какое-то движение. Она замирает.

Фигуры становятся различимыми в тумане. Черные силуэты. Шотгорны? Нет, люди. Солдаты. Пусть она безоружна, пусть у нее одна рука, сломаны ноги, пусть нет правого глаза. Она будет бороться, чтобы вернуть Айфи.

Тени расходятся. Их трое. И они что-то тащат. Волочат за собой.

Онайи стискивает зубы еще сильнее. Эти бело-зеленые тащат по земле Айфи, как дрова.

Опираясь на руку, Онайи пытается подняться, но ничего не получается, и она валится в грязь. Они идут прямо к ней. Мир расплывается. Она умирает. Онайи знает это, как знает направление силы тяжести. Но она должна спасти Айфи.

Останавливаются. Их тени нависают над ее истерзанным телом.

Она снова и снова пытается встать, терпит неудачу и снова пытается, каждый раз шлепаясь в грязь, которая забивает ей нос. Нигерийские солдаты стоят над ней и переговариваются приглушенным шепотом. Один хихикает.

Потом другой пинком опрокидывает Онайи на спину, переворачивая так, будто она кусок дерева. Но теперь она видит их. Лица спрятаны за масками, которые скрывают все, кроме сверкающих зеленым глаз в линзах ночного видения.

Один солдат щурится, увидев лицо Онайи. Их тела напрягаются, они придвигаются ближе, кто-то целится из пистолета. Первый наклоняется совсем близко. Так близко, что дыхание, прошедшее через фильтры маски, инеем оседает на окровавленных щеках Онайи. Радиационным инеем.

Онайи пытается рассмотреть узел, который они волокли. Туман рассеялся достаточно, чтобы она могла увидеть завернутое в сетку тело. Щиколотки перехвачены металлическими стяжками, еще одна – на шее. Может, это причуды света, а может, мерещится из-за потери глаза, но Онайи кажется, что узел шевелится. Да, она видит: узел явно оживает. И эта коричневая тряпка – не мешок. Это рубашка, заляпанная грязью. Такая большая, что доходит тому, кто замотан сеткой, до щиколоток. Единственный размер, который Онайи смогла найти для Айфи.

Онайи протягивает руку. Ту, что работает.

На груди у нее оказывается ботинок солдата. Солдат резко наступает на нее и приставляет пистолет ко лбу. Вот как, оказывается, все закончится.

– Я ее знаю. – Голос кажется Онайи человеческим. – Мы уже встречались.

– Откуда ты ее знаешь? – раздраженно спрашивает второй.

– Я убил многих стервятников, но покалечил только одну. – Он указывает пистолетом на раздавленную металлическую руку Онайи. – Это я ей руку отсек. – Он поднимает пистолет.

Второй кладет руку на дуло и отводит его.

– Оставь мне. А эту отнеси на корабль. – Кивает на узел, над которым стоит другой нигериец.

Узел извивается и корчится. Айфи. Я скоро приду за тобой.

Онайи сердцем чует, что Айфи видит ее. Айфи знает, как она старалась. Как пыталась спасти ее. Она не даст себе заплакать. Не допустит, чтобы нигерийцы видели ее слабость, не доставит им такого удовольствия. И даже тогда, когда тот, кто назвал ее стервятницей, тащит Айфи прочь, даже когда Онайи остается со своим палачом, когда ее зрение затуманивается и мир теряет краски, она все равно не плачет. Она разрешает себе только одну последнюю мысль. Слово. Имя.

Айфи.

Лицо ее дорогой сестренки – вот последняя картина в голове Онайи перед тем, как раздается выстрел.

Онайи открывает глаза.

Солдат все еще стоит над ней. Но винтовка направлена куда-то в деревья. Ствол дымится после выстрела. Солдат опускает винтовку, не сводя глаз с Онайи. В голове Онайи гудят слова:

– Не благодари, что сохранила тебе жизнь, – говорит женский голос.

Еще одна нигерийская подделка. Она только звучит как женщина.

– Ты все равно долго не проживешь. Просто знай, что я не такая, как он. – Она показывает в направлении ушедшего. – Мы с Дэреном одной крови, и у нас одна миссия, только и всего.

Долгая пауза.

– Я не стану просить прощения за то, что он сделал с тобой в прошлый раз. Вы тогда вообще еще были детьми, но это война. И мы победим.

И она исчезает, как черная ворона в лесу.

Глава 8

Айфи приходит в себя и понимает, что ее тащат через лес. По земле, сухим веткам, камешкам. Щеки все исцарапаны. Вокруг темно. Постепенно глаза привыкают и начинают различать силуэты деревьев и фигуры солдат, которые из предосторожности держатся подальше от лунного света. Она больше не слышит шума сражения и думает, как далеко от лагеря ее уволокли.

Это был сон. Это ей приснилось. Онайи лежит, над ней стоят солдаты. Онайи становится меньше и меньше, а Айфи снова волокут. Онайи все меньше и меньше, и вот ее поглотил туман. Затем выстрел. Нет. Приснилось. Онайи жива. Айфи должна вернуться к ней.

Тут она вспоминает, что попала в плен.

Руки сильно прижаты к груди, щиколотки связаны. Она едва может пошевелиться. Каждый раз, когда она пытается повернуть голову, чтобы увидеть что-нибудь кроме земли, боль пронзает шею.

Мир без Акцента выглядит черным. Она пытается подвигать челюстью, чтобы включить его, но лес остается темным. Устройство молчит и не подает признаков жизни.

Солдаты останавливаются. Державший ее за ноги отпускает сетку. Щиколотки Айфи сильно стукаются, и она вскрикивает от боли. Ошейник жжет кожу. Она стискивает зубы и старается не издавать звуков, чтобы эта штука не впивалась в шею. Просто лежит, пытаясь медленнее дышать, и борется с болью.

Некоторое время ничего не происходит. Айфи пытается подняться. Где бы сейчас ни были солдаты, они, должно быть, стоят неподвижно, как деревья, – еще неподвижнее. Легкий ветерок сдувает листья с ветвей над головой. Айфи хочет кричать и проклинать, звать на помощь и во весь голос орать о величии Биафры – все что угодно, только бы не повиноваться, только бы показать им, что она не сдается. Но без Акцента она совершенно беззащитна. Бессильна. Просто маленькая девочка, и больше ничего.

Она чувствует запах утра раньше, чем видит, что начинает светать. Сладкий дух росистой травы под головой. Теплеет. Сквозь деревья, где-то на горизонте, пробивается голубизна.

Ее вытаскивают на поляну, и кажется, что воздух мерцает. Она жадно вдыхает и видит приближающийся самолет.

Серебристые крылья вытягиваются сверху вниз и сгибаются, чтобы, словно якоря, войти в землю. У него гладкий продолговатый корпус, достаточно большой, чтобы вместить не

меньше полудюжины наземных мехов. Задняя дверь открывается, обнажая зияющую пустоту.

Бело-зеленый, который тащил Айфи, пригибается, потом останавливается. Солдаты замирают. Смотрят друг на друга, и один мчится в лес. Айфи вслушивается изо всех сил, пытаясь понять, слышала она что-то или ей мерещится. Но солдат вскоре возвращается, держа за волосы одну из Боевых девчонок. Он держит ее так высоко, что ноги болтаются в воздухе.

Глаза Айфи расширяются от изумления. Как сюда попала девочка, которую она спасла?

Руки стянуты за спиной металлическими лентами. Поймавший ее солдат смотрит на того, который тащил Айфи, потом на остальных. Айфи понимает: их теперь пятеро. Все они обмениваются взглядами, и Айфи догадывается, что они говорят, просто не вслух. Так же, как она говорит с Энаймакой. Говорила.

Девочка встречается взглядом с Айфи, и они смотрят друг на друга. Ее губы плотно сжаты. Она хочет закричать, понимает Айфи, но не станет, не доставит врагу такого удовольствия. Кровь течет из раны у нее на голове, стекает по глазу, но она все равно выглядит дерзко и то и дело извивается в руке своего похитителя.

Солдаты продолжают молчаливо спорить, один качает головой, другой настойчиво кивает. Все это время девочки пристально смотрят друг на друга, и Айфи пытается показать ей, сказать, не открывая рта, что простила ее, что извиняется за свою злость и рада, что девочка жива, и, может, они еще когда-нибудь подружатся…

Девочку бросают на землю, державший ее солдат снимает с пояса пистолет и стреляет. Один раз. Прямо в голову.

– Нет! – вопит Айфи, через боль, пронзающую ей шею. – Нет! – Слезы текут по щекам, она ничего не видит. Жгучая боль поднимается к лицу, к голове, кажется, она вот-вот лопнет. Когда снова удается открыть глаза, сквозь слезы и дымку боли она видит, что девочки больше здесь нет. Вероятно, ее оттащили куда-то в лес. Ее даже не похоронят.

Айфи понимает: ее тоже убьют. Когда один из солдат встает над ней, она свирепо смотрит, вкладывая во взгляд всю ненависть и бешенство, захлестывающие ее. Ее грудь вздымается с каждым вдохом.

Солдат снимает маску и открывает лицо – Айфи никогда не видела такого лица. На плечи солдата спадают серебряные волосы. У него разноцветные глаза, радужка светится золотом, и коричневым, и зеленым. Как у нее. И кожа. Кожа цвета песка. Светлая. Как у нее.

– Все хорошо, Кадан. Малышка. – Солдат щурится и тянется

через сетку, чтобы вытереть слезы со щек Айфи грубыми пальцами в перчатках. – Ты скоро будешь дома. – Айфи никогда раньше не слышала такого голоса. Глубокого. Низкого. Лицо у него необычной формы. Не овальное. С плоским подбородком и резко очерченной челюстью.

Она видела парней на голограммах в планшете. В кино, где они вечно попадали в неприятности и спасались. Они так и выглядели. Но то были люди. А здесь – фулани или хауса.

Солдат опускается на корточки рядом с Айфи, перекидывает винтовку на спину. Протягивает руку к ошейнику.

– Обещай мне, – говорит он своим странным голосом. – Обещай, что не будешь кричать, если я сниму это.

Айфи хочет спросить, убьет ли он ее. Она не верит своим ушам: он говорит – точь-в-точь как она сама. У нее получается кивнуть.

Солдат трогает ошейник и вводит какую-то комбинацию на клавиатуре у себя на запястье. Ошейник сдувается и остается у него в руке.

У нее все еще болит шея, и она не может шевельнуть рукой, но с усилием спрашивает:

– Кто вы?

Солдат смотрит на остальных и тихо смеется.

Айфи не верит своим глазам. Это не звери, не какие-то мохнатые существа. Они не похожи на тех нигерийцев, про которых рассказывали в школе: ни голосом, ни запахом. Но все-таки ясно, что они враги.

– Что ты за существо? – Может, думает она, если узнать название, можно изучить их, найти их слабые места.

Солдат улыбается Айфи. Он даже похож на Онайи. Так выглядела бы Онайи, если бы родилась на вражеской стороне. И вот опять: «родилась». Они же не рождаются. Они сделаны из металла. И зла.

У самолета зажигаются огни, двигатели поднимают сильный ветер. Солдат закидывает Айфи на плечо и легко движется ко входу. Она хочет драться, бить его, кусаться и царапаться, но силы покинули ее. Невозможно перестать думать о девочке, которую убили, девочке, чье имя она никогда не узнает. Девочке, которая оставила ее в одиночестве.

Из леса выходит другой солдат. Тот, что остался с Онайи. Тот, что убил Онайи. Нет. Онайи жива. Я должна вернуться к ней. Я нужна ей.

Солдат сажает Айфи на металлическую скамейку и нажимает кнопку, которая ослабляет сетку. Она спадает. Другие солдаты тоже сидят на скамейках вдоль бортов самолета. Дверь

закрывается.

– Что я за существо? – Солдат смеется, тени прячут его лицо. – Я парень.

Глава 9

В памяти всплывают розовые ленточки, привязанные к столбикам кровати в общей спальне для девочек. Онайи спит с учебниками под подушкой. Она знает, что тех, кто так делает, часто дразнят, но ее в школе не дразнит никто. Однако сегодня, проснувшись, она достает из-под подушки небольшую жестянку. Внутри ириски в обертке.

Она всю ночь думает об Адаиз, которая учится на несколько классов старше. Ада не появлялась на уроках всю прошлую неделю, и девочки шептались, что же случилось. А потом стало известно, что сделала Адаиз. Слух прокатился по общежитию и достиг ушей Онайи. Она, затаив дыхание, впитывала рассказы о том, как брат Адаиз завербовался в Новую армию Биафры и она рвалась идти с ним. Но семьи могли отправить в армию только одного ребенка. Кроме того, кто-то ведь должен стирать и убирать дом? В общем, Ада пробралась в лагерь тайком. Ее обнаружили, выставили за ворота и позвонили родителям. Родители прислали за ней старшую сестру, но Адаиз сказала, что не пойдет домой. Тогда за ней пришел муж сестры и схватил за руку, чтобы увести силой, но беглянка подобрала острый камень и стукнула его. Наконец, к воротам лагеря пришла мать и, рыдая, умоляла вернуться. Ада отказалась наотрез. Тогда командир предложил отправить Аду в военный лагерь для женщин. Там ее будут окружать такие же, как она, и матери не придется беспокоиться обо всех тех ужасных вещах, что могут случиться с девочкой на войне.

Мысль о лагере для женщин-военных не покидает Онайи. С этой мыслью она вскакивает с кровати, собирается, надевает чистую школьную форму. Она мечтает о фронте, даже когда врывается в кабинет директора и кидает ириску на его стол. Директор поднимает глаза от документов, улыбается и говорит:

– С днем рождения!

Онайи хихикает:

– Сегодня не мой день рождения, – и убегает.

Она раздает ириски всем одноклассницам на естествознании и девочкам, которые идут с ней на математику, и в итоге все рыдают, обнимают ее и умоляют не уезжать. Все знают, что она хочет сделать и куда поехать.

Она будет сражаться.

– Зачем мне торчать тут и тратить время попусту? – сказала ей однажды Адаиз, когда они сидели днем во дворе. Это было задолго до того, как она приняла решение уехать. – Я не хочу,

чтобы новую страну строили без меня. И мне надоело заботиться о прическе.

Онайи сияет, глядя на старшую девочку. Она думает, что никогда не видела никого красивее.

Еще одно воспоминание увлекает ее. Онайи летит. Ее мех трясет, а она уворачивается от снарядов, свистящих со всех сторон. На экране – мех Адаиз, он резко бросается из стороны в сторону, крутится, пытаясь избавиться от преследования противника. Онайи пытается поймать того в прицел, но он каждый раз ускользает.

– Я не могу уйти от него! – кричит Адаиз через их систему связи.

Онайи стискивает зубы и рвется вперед, пытаясь подобраться поближе к Аде и ее преследователю. Она не замечает звукового сигнала, пока не становится слишком поздно. Успевает развернуться, чтобы перехватить вражеского меха, напавшего на нее, но удар так силен, что удержаться в воздухе невозможно.

Ее мех отключается. Ветер снаружи завывает вокруг ее тяжеленного металлического капкана, пока она, ускоряясь, несется к земле. За секунду до столкновения с деревьями мех оживает, и двигатели предотвращают падение. Над ней кружит чужая машина – без лица, глаз и рта, но ей кажется, что она видит усмешку.

Онайи пытается найти Аду, но мех, который в нее врезался, атакует. Она успевает отскочить.

– Ада! – кричит она.

Безмолвие.

– Ада!

Противник у нее на хвосте. Она разворачивается и ускользает, но он слишком быстр. Снаряды с воем проносятся совсем рядом. Впервые в жизни ей страшно. Страх заползает под кожу. Руки трясутся на переключателе скоростей. Сердце бешено колотится. Не дай страху победить. Так говорила ей Ада на учениях. Как только почувствуешь страх, ты проиграла. Но Онайи не может справиться с этим.

Ее мех замедляется. Пули прошивают ему бок. Взрывы гремят в небе. От каждого ей хочется кричать.

– Мелкая стервятница, – слышит она чей-то голос, когда вражеский мех приближается.

Вдруг он появляется перед ней на экране. Вражеский пилот вторгся в ее коммуникационное пространство.

Она видит его лицо. Серебряные глаза. Серебряные косички ниже плеч. Он такой юный. Такой же юный, как она.

– Мелкая стервятница, – снова говорит он и замахивается

чем-то похожим на гигантский молот.

Онайи внезапно забывает все, чему обучена. Она поднимает руки. Глупее не поступить: как будто мех повторит ее движения и закроет от удара.

Но враг наносит удар. И Онайи проваливается в темноту.

Вздрогнув, Онайи приходит в себя.

На ней что-то мягкое. Холодно. И словно ее что-то окутывает. Открывает здоровый глаз. Через узор листвы видно звездное небо, рассвет уже близко. Она моргает. Сначала ничего не слышит, потом различает голоса. Знакомые голоса.

Она в одеяле.

Они несут ее в одеяле. Ее сестры. И все стремительно возвращается к ней. Атака на лагерь. Ее мех приземляется в лесу. Бело-зеленый, сохранивший ей жизнь, когда она лежала на земле, израненная, истекая кровью. И как они тащат Айфи.

Айфи.

Она вздрагивает и пытается выбраться из одеяла.

Крик боли разрывает ночь. Они опускают ее.

Невыносимая боль пронзает спину и шею. Но мгновение – и она усмехается. Она хочет засмеяться. Боль. Боль означает, что она жива. Боль означает, что она не парализована. Она поднимает правую руку и, медленно повернувшись на земле, видит, что подсоединена проводом к затылку Чинел. Онайи улыбается шире. Чинел в порядке.

– Онайи! – зовет Кесанду, стоящая слева. – Онайи, ты нас слышишь? – Остальное тонет в общем гомоне.

Онайи пытается выпрямиться. Ноги зафиксированы шинами. Она смотрит на Чинел – пчелы роятся вокруг ее головы. Чинел наклоняется.

– Онайи! – шепчет она благодарно и обнимает. – Мы думали, что потеряли тебя.

Кесанду стоит рядом с Обиомой.

– Господи! – восклицает она. – Мы уж думали, ты мертва!

Обиома уставилась на Онайи, как на привидение, которое обрастает костями и кожей прямо перед ней. Уставилась так, словно боится Онайи. Онайи пристально смотрит на нее одним глазом.

Чинел дает Обиоме подзатыльник:

– С ума сошла? У тебя там что в голове, жареный рис? Это твоя сестра. Ты очень рада ее видеть, как я погляжу.

Обиома потирает затылок и застенчиво улыбается:

– Рада… ох, как я рада… Даже не надо было бить меня по голове. – Она смотрит на Онайи. – Сестра, мы счастливы, что ты снова с нами. – И стыдливо замолкает. – Я не знала, что можно

летать на мехах так, как это делаешь ты. Если я так научусь, я буду очень счастлива.

Онайи улыбается маленькой девочке. Всего на несколько лет старше, чем…

– Айфи! – Онайи вскакивает. Ноги не слушаются.

Чинел уже рядом, кладет руку ей на плечо:

– Тебе нужно отдохнуть.

Онайи вырывается:

– Нет. Айфи! Они забрали Айфи. – Но у нее больше нет сил.

Чинел наклоняется ближе и достает пакетик геля из сумки на поясе. Энергостимуляторы.

– Вот, возьми, – говорит она, и гель скользит в рот Онайи.

Энергия наполняет Онайи. Она чувствует, что становится гораздо крепче. Чувствует, что контролирует тело. Может стоять без посторонней помощи. Но голова все еще кружится.

– Я уже дала тебе одну упаковку после того, как отремонтировала руку и подключилась к тебе. Этого хватило, чтобы вернуть тебя к жизни, но ты все еще очень слаба.

Онайи придвигается к Чинел вплотную.

– Мне нужно найти Айфи. Дай мне что-то посильнее.

В глазах Чинел ясно читается боль. Но она достает из нагрудного кармана пузырек с измельченными кристаллами и протягивает Онайи.

– Это Чукву, – говорит она, поколебавшись перед тем, как отдать пузырек.

Чукву. Так они называют драгоценные минералы, которые добывают из земли, чтобы работали машины. И еще минералы размалывают в порошок, который глотают. Энергия высшего существа, дающего силу всему живому. Онайи слышала от тех, кто пробовал, будто это как вдохнуть Вселенную. Но вскоре они умирали.

– Только чуть-чуть. Это придаст тебе сил. Нужно отправить тебя в заживляющую ванну. Время еще есть. Отдохни, потом найдем Айфи.

Онайи смотрит на пузырек и поворачивается спиной к остальным. Открывает его зубами, вытряхивает содержимое на ладонь и глотает. В голове разгорается огонь. Внезапно все вокруг становится видно в высоком разрешении. Даже чересчур высоком. Но потом огонь затухает. Она расслабляет плечи. Она видит. Так, словно у нее по-прежнему два глаза.

Какое-то мгновение ей хочется сбежать. Но потом она оглядывается на остальных. Нигерийцы не убили Айфи. Они забрали ее. Значит, она жива. Значит, ее можно вернуть. Онайи поворачивает голову в сторону леса.

– Ойя! Идем! – восклицает она. Сила и решительность вернулись. Она – лидер.

Божественное начало проходит сквозь нее волнами. Ей трудно сдерживать нахлынувшую мощь и стремление мчаться в бой.

Чинел отсоединяет провод от руки Онайи, и он змейкой возвращается в ее шею. Они идут рядом.

И вот все перед ними.

Дым клубится над лагерем. Земля залита кровью и усыпана гильзами. Выпотрошенная оболочка вражеского меха, разрушившего здание больницы, валяется на боку. Из окна разбитой кабины высовывается мертвый пилот.

Шаги. Потом голос Чинел:

– Обелиска больше нет. Его разбомбили. Терминал тоже. У нас больше нет электричества.

– Амака? – спрашивает Онайи. – Чигози?

Кесанду и Обиома смотрят в землю. Чинел мягко качает головой и указывает на развалины лагеря.

Вдалеке что-то громыхает, сначала невнятно, но все громче и громче.

Что-то надвигается.

Глава 10

Айфи глаз не сводит с солдата, сидящего напротив нее.

Он поставил между коленями винтовку и опирается на нее под мерное гудение самолета, как будто очень устал, и Айфи понимает, что перед ней человек. Парень, как он сам сказал. Он совсем не похож на облученного монстра, выпрыгивающего из кустов, а ведь такими должны быть северяне, если верить голограммам из учебника истории, по которому училась Айфи. Он не похож ни на героев фильмов про вампиров, ни на те фотографии, что другие девчонки скачивали на свои планшеты с запрещенных ресурсов. Удивительно видеть его вблизи. Видеть, что у него такая же, как у нее, кожа, такие же глаза и волосы, две руки и две ноги.

Она обхватывает голову руками, словно хочет выдавить пульсирующую боль. Она не замечала ее во время битвы, но теперь, когда вокруг нет взрывов и выстрелов, все, что она слышит, – это глухие удары в голове. В самолете ей стало хуже.

Парень перекидывает винтовку через плечо и цепляется за ремешок, свисающий с потолка. Проворно, как обезьяна, добирается до скамейки.

Слишком измученная, чтобы бороться и даже просто огрызаться, Айфи свешивает голову между коленями. Если ее вырвет, то хотя бы не на себя.

– Что такое, Кадан? – Его голос звучит так ровно, словно скользит в воздухе.

– Не называй меня так, – шипит Айфи. – Я даже не знаю, что это значит.

– Ну тогда скажи, как тебя зовут. Буду называть тебя по-другому.

Айфи хочет соврать, но боль не дает думать. Поэтому она просто выпаливает:

– Айфиома.

– Красивое имя. Даже если это они тебе его дали. На нашем языке «кадан» означает «малыш», но, пока ты не говоришь на нем, я буду называть тебя Айфиома, а потом придумаем имя получше.

– Получше?

– Подходящее для нигерийки.

Айфи пытается ударить его, но выходит слабо.

Он даже не уклоняется от удара.

– Давай-ка посмотрим, что у тебя. – Он берет Айфи за лицо. Кажется, что он держит ее мягко, но Айфи знает такой захват. Она и подумать не успеет, как он ей шею свернет. Она знает, что

он легко может выдавить ей глаза или еще что похуже. Она и пикнуть не успеет. Поэтому – не шевелится.

Пока он смотрит на нее, Айфи понимает, что левый глаз у него искусственный, дергается то в одну сторону, то в другую, сканируя ее голову. Он напоминает Айфи зверей, которые напали на лагерь вместе с нигерийскими солдатами. Зверя, который ворвался в ее убежище. Зверя, которого она смогла взломать и приручить. И тут ее осеняет. Все, что нужно, – это выжидать. Раз ее до сих пор не убили, значит, она нужна им живой. А значит, будет время придумать план побега. Может, придется дождаться, чтобы этого не было рядом, чтобы он ее не преследовал.

Глаз заканчивает сканирование. Парень перемещает руку, крепко держа Айфи за затылок и запрокидывая ей голову. Другую руку кладет ей на ухо, и она слышит – слишком громко – гудение механизмов под кожей мальчика. Точно как гудит рука у Онайи.

– Потерпи секунду.

Его длинные пальцы ныряют прямо ей в ухо, посылая взрывные волны через все тело. Айфи напрягается, но он так крепко держит ее за шею, что даже головой не пошевелить. У нее стучат зубы. Пальцы сводит судорогой. Она чувствует, как в ухе крутятся наноботы и вращается что-то металлическое. С закрытыми глазами она представляет, как парень копается в ее мозгу и делает ей лоботомию, превращая в овощ. Айфи хочет драться, но он парализовал ее. Кажется, это длится вечность, но внезапно заканчивается.

Она обвисает в его зажиме.

Он поднимает руку ладонью вверх и, прищурившись, смотрит на крошечный металлический шарик, покоящийся в углублении перчатки. Зажав его большим и указательным пальцами, подносит ближе к аугментированному глазу.

У Айфи спирает дыхание. Ее Акцент.

Она пытается выхватить его. Но парень сжимает ей шею, и она снова обмякает.

Она сопротивляется, но все, что может, – это посмотреть на него. Она совершенно бессильна. А парень вертит Акцент в пальцах, исследуя каждый миллиметр.

– Так вот же оно, – выдыхает он. – Это и есть устройство, что подключалось к нашей сети. – В его голосе почти благоговейное восхищение. – Неуловимый призрак с VPN для маскировки IP-адреса, с возможностями SEIM, которые защищают его от взлома. Практически неуязвим. Малышка, ты как это сделала?

Он ослабляет хватку, но Айфи не хочет отвечать.

– У нас в Нигерии есть такие, но там машина ростом с меня, да и места на сервере должно быть столько, что любой заметит. А

ты сделала устройство, которое даже человек из плоти и крови может активировать. – Он смотрит на нее и неожиданно отпускает. – Ты же полностью живая, да? Из плоти и крови?

Айфи потирает затылок. Что это? Еще одно северное оскорбление? Специально для биафрийцев, перед тем как убить?

На его лице мелькает почти неуловимое разочарование.

– Это только и означает, что в тебе нет ничего от машин. Ты не аугмент. Ты такая, какой создал тебя Аллах. – Он смотрит на Акцент. – И потому эта штука еще более удивительна. На тебе ни розетки, ни разъема, я проверил, когда сканировал. На твоем теле нет места для провода. Но с этой штукой, – он указал на Акцент, – ты превратила себя в невидимый роутер.

– Не такой уж невидимый, – вмешивается солдат, сидящий дальше на скамейке. – Мы по этому сигналу и нашли лагерь. Ты небрежна, Кадан. А может, ты хотела, чтобы тебя нашли?

Это женщина. И это она убила Онайи. Ярость захлестывает Айфи, но нет ни капли сомнения: женщина с такой же легкостью убьет ее, как этот парень убил ее одноклассницу.

– Врешь! – выстреливает Айфи. И смотрит на парня. – Скажи, что она врет. Ты сам сказал. Он невидим. Меня не могли выследить. Никто не мог.

Уже знакомое разочарование появляется на его лице:

– Извини, Кад… Айфиома. Но иначе мы бы не нашли ваш лагерь. Он был замаскирован. Даурама права. Ты не была невидима. Ты звала на помощь.

– Я не звала на помощь! Вы враги. Вы напали на нас. Вы убили моих сестер.

Гнев искажает лицо парня.

– Они тебе не сестры. Они похитили тебя. Они годами заставляли тебя жить в грязи, рыскать по лесу в поисках еды и вещей. Учили по каким-то древним урокам из сети. Они отсталые и тебя заставляли так жить. И совершенно ясно, что еще и мозги тебе промыли.

– Не смей так говорить о них! Вы убийцы. Вы убили подругу у меня на глазах.

– Она была тебе подругой? – мягко спрашивает он, но вопрос звенит у Айфи в ушах. – Правда?

Айфи отворачивается. Слезы жгут ей глаза, но она уже не знает, о ком плачет. О той девочке? Об Онайи? О чем-то большем? О доме, который она только что потеряла? Доме, где ее почти никто не принимал? Доме, где ее самым верным другом был андроид? Она чувствует, как что-то жесткое рождается в сердце, но останавливает себя. Нет. Они были ее семьей. Парень пытается обмануть ее.

– В Абудже ты расцветешь, Айфиома. – Он держит перед ней Акцент. – Раньше все бы считали, что это магия. Уверен, биафрийцы не одобрили бы. Назвали бы колдовством. Тебе наверняка приходилось скрывать это от них.

Откуда он знает? Он читает мои воспоминания? Но как? Я же не подключена.

– В Абудже за это ты получила бы самые высокие оценки на выпускных экзаменах.

– Что?

– Я даже представить не могу, какие алгоритмы ты использовала, чтобы все эти системы по управлению обеспечением безопасности разместились друг на друге на этой крошечной штучке. Да еще так, чтобы она не генерировала собственную сеть, а находила другие и немедленно подключалась. Невероятно! – Он улыбается, сверкая зубами. Айфи кажется, что от их блеска в самолете становится светлее.

Даурама хмыкает за его спиной, но улыбка не сходит с лица парня. Он дотрагивается до ее плеча:

– Айфиома, ты особенная. Ты гениальна. Там, где ты будешь жить, это оценят по достоинству. Но будут и вызов бросать. В нигерийцах силен дух соперничества. Наши дети с самых ранних лет учатся, как важен технологический прогресс. – Он приоткрывает иллюминатор, и луч света проникает в самолет. – Гляди.

Айфи смотрит в окно. Они вылетели из леса, и теперь внизу – заброшенная пустошь. По иссохшей, затвердевшей красно-коричневой земле, похожей на гигантский лишай, бродят животные – тощие, облученные радиацией, или наоборот, раздувшиеся от нечистой воды. Там же перемещаются несколько человек в мешковатых залатанных противорадиационных костюмах, дыша через поношенные маски. Единственные дома, что видит Айфи, – хижины и лачуги, изредка укрытые мерцающими голубыми куполами. Полусферы, очищающие воздух, похоже, работают на энергии от минералов, которые находятся в недрах. Но это место выглядит разоренным. Кажется, будто отсюда забрали все живое, остались только мертвые и умирающие.

– Это южная Нигерия. Наш регион – Средний пояс, он процветает, но климат с каждым годом становится все суровее. И налоги на землю слишком высоки. – Парень наклоняется к Айфи. – Мы работаем над одной технологией, чтобы… переломить ход событий, как говорится. Климат меняется, и мы тоже должны меняться. – Он делает паузу. – Ну, как тебе такой проект? Интересно?

Глаза Айфи блуждают, пытаясь охватить пейзаж целиком. Слишком много всего навалилось на нее, не переварить сразу.

– А, да. Ты же нигде не была, кроме вашего лагеря. Конечно. В Нигерии есть что посмотреть. Я тебе все покажу.

И тут ее настигает жажда. Та самая жажда, что заставляла скачивать запретные уроки по орбитальной физике с пиратских сайтов. Та жажда, что заставляла ее лежать с планшетом в кровати, скрючившись под одеялом, и решать уравнение за уравнением, корябая стилусом по экрану. Жажда знания.

Неужели нигерийцы такие?

Парень протягивает раскрытую ладонь. Там лежит Акцент.

Айфи берет его. Ей вдруг кажется, что он стал чем-то гораздо большим. Это уже не какой-то крошечный грешок, который нужно скрывать ото всех. Это техническое достижение. Не ошибка. Чудо. Этим можно гордиться.

– Как тебя называть?

Парень улыбается:

– Дэрен. Это значит «рожденный ночью». – Он снимает перчатку и показывает Айфи, какая светлая у него кожа. Такая же светлая, как у нее. – Когда я родился, солнце не светило, поэтому я вышел из мамы вот таким. – Он смеется, а Айфи так поражена, что тоже начинает смеяться.

И тут же одергивает себя. На щеках вспыхивает румянец вины. Как она это допустила? Она же предает Онайи. Просто сидеть рядом с нигерийским солдатом и не пытаться убить его – уже преступление. Но она не может заставить себя ненавидеть его. Не может заставить себя нашарить на полу осколок снаряда и вонзить ему в шею. Не может представить, что душит его, впиваясь большими пальцами в гортань, как учила Онайи.

– Ты не одна. – Дэрен кладет руку на кулак Айфи.

Пытается показать, как добр с ней, или просто удерживает ее? Она не знает.

– Многие, кого мы спасли, тоже проходили через эту внутреннюю борьбу. Тоже верили, что похитители любили их и заботились о них. Но это было чужое племя. Не их семья. Готов поспорить, тебе про нас наговорили всякого. Например, что мы живем в землянках. – Он поворачивается к Даураме. – Мы в землянках живем?

Даурама поднимает большой палец и скупо улыбается:

– В моей землянке беспроводной интернет и телевизор-обои. А у тебя?

Дэрен смеется.

– У нас в Нигерии в землянках высокотехнологичные обои на стенах.

Айфи не успевает ответить. Взрыв сотрясает самолет. Пол под ногами ходит ходуном, и она падает вперед. Дэрен хватается за стенки, потом за ремешки над головой. Даурама тоже вскочила, они кричат друг другу что-то на незнакомом языке. Без Акцента Айфи не может переводить их речь. Она просто держится за край скамьи, пока дым заполняет салон. Все нажимают кнопки на костюмах, и у них появляются маски. У нее одной нет маски, и она кашляет так сильно, что, кажется, сейчас выплюнет легкие. Сквозь дым она видит пристальный взгляд Даурамы.

Дэрен замечает это и говорит что-то Даураме. Та исчезает в другой части самолета. Все приборы отчаянно верещат. Снаружи свистит ветер. Их кружит. Даурама кричит изо всех сил. Дым щиплет глаза Айфи, и она крепко зажмуривается. Кто-то сдергивает ее со скамейки. Это Даурама. Ее пальцы крепче и крепче сжимают шею Айфи.

Глава 11

Проходит не много времени, прежде чем маглевы «Рендж-Ровер», сверкающие под утренним солнцем, расчищая под собой дорогу, выезжают из леса в лагерь. Свет фар бьет в глаза выживших девочек. У Онайи одна рука привязана к животу. Болит все тело, и она едва стоит на ногах. Действие Чукву закончилось. Если бы Чинел не поддерживала ее, она бы уже валялась на земле.

«Рендж-Роверы» после поездки через лес покрыты каплями росы, сверкающими словно жемчуг на их черных корпусах. Девочки загораживают рукой глаза от слепящего света. Машины выстраиваются полукругом и выдерживают паузу перед тем, как отключить двигатели и опуститься на землю. Лагерь догорел. Его мертвые останки тлеют за спинами девочек, и Онайи гадает, насколько хорошо люди в джипах видят, что произошло.

Фары продолжают слепить глаза. Дверь открывается, и из машины выходит человек в оливково-зеленой военной форме с красными нашивками на рукавах, закатанных до самых бицепсов. Он становится прямо перед фарами, так чтобы высвечивался его силуэт, и Онайи понимает: для драматического эффекта. Чтобы придать себе значимости. Но Онайи знает эту форму, знает, что за люди носят ее, знает, что это за мужчина.

Она выпрямляется и смотрит прямо на свет. Фары, смилостивившись, выключают.

К этому моменту некоторые солдаты уже вышли из джипов. У одних – винтовки наготове. Другие беспокойно переминаются с ноги на ногу. Новички. Боевого опыта у них меньше, чем у Онайи. Большую часть службы, вероятно, провели где-нибудь в базовом лагере, поднося этому человеку воду и готовя ему кофе. Интересно, они вообще когда-нибудь стреляли, думает Онайи. Ей знакомы такие вояки.

Тот, что стоит посередине с закатанными рукавами и заломленным беретом, со шрамами, что, как слезы, струятся по щекам, засунул большие пальцы за ремень. Он слегка притопывает, и слякоть, перемешанная с кровью и пеплом, брызгает из-под подошв его ботинок. Взгляд блуждает, он словно изучает девочек. Ищет, к чему придраться.

При виде этого человека в ее душе поднимается буря воспоминаний. Вот Онайи с винтовкой, совсем одна, в рейде пробирается через кусты. Вот укрывается за ящиками на вражеском складе, перед тем как атаковать солдат и заставить их пасть под ее натиском. Вспышка света, после которой она

лишилась руки. Операция. И снова бой. И все это как в тумане – сознание притуплено, ни жалости, ни намека на чувства. Это было в другой жизни. Это была не она. Она уже не может позволить себе быть такой снова.

– Ну что, – говорит мужчина. – Значит, это и есть лагерь. – У него сильный акцент. Его согласные звучат более звонко. «Е» произносит как «йи». Он делает шаг вперед, хлюпая ботинками по грязи. – А вы – те самые Боевые девчонки, да? – Он хмыкает. – Мы обязательно найдем, чем вам заняться, правда же?

Несколько солдат за его спиной хихикают.

Командир подходит к Кесанду. Та распрямляет спину. Кулаки сжаты, подбородок приподнят.

– А ты? – говорит командир. – Сбежала от бедного мужа?

У Кесанду трясутся руки и дрожит нижняя губа. Должно быть, этот человек напоминает ей о ком-то. О ком-то, кто причинил ей сильную боль.

Командир усмехается, отворачивается от Кесанду. Онайи боится, что Кесанду ударит его сзади по голове. Один хороший парализующий удар в основание шеи. А потом их всех убьют.

– Они отвратительны, – говорит один из солдат достаточно громко, чтобы все услышали. Младшие девочки вздрагивают, как от пощечины. Онайи не может сдерживаться – она сейчас ударит этого солдата, – но винтовки поднимаются, целясь девочкам в сердце.

– Да, они грязнее тебя, – ухмыляется командир. – Но только потому, что они убили больше врагов, чем ты. – Он подходит к задрожавшему солдату. – Может, стоит бросить тебя в грязь, чтобы ты извалялся и стал таким же грязным, как они? – Он поворачивается к девочкам. – Так. Кто у вас главный?

Чинел бросает взгляд на Онайи и, прежде чем та успевает понять, что происходит, делает шаг вперед. Онайи вдруг осознает, что все это время слышит жужжание. Здоровым глазом бросает быстрый взгляд. Это пчелы Чинел. Она вооружила их вспышками, которые ослепят солдат, если те приготовятся стрелять. Возможно, это не спасет их всех, но, по крайней мере, даст время застрелить несколько солдат и найти убежище.

– Мы просто занимались своим делом, – говорит Чинел, разводя руками. – Готовили себе рисовый джолоф и никому не мешали. – Она показывает на лагерь у себя за спиной. Хотя там сплошные развалины, над которыми вьются искры от сгоревшего Обелиска, а Терминал превратился в груду искореженного металла, он все еще производит впечатление. То, что они построили, было замечательно.

Интересно, думает Онайи, представляет ли кто-нибудь из

стоящих в строю напротив них, как выглядел лагерь до нападения бело-зеленых.

– Мы – всего лишь лагерь на окраине Республики. Собираем тут тех, кто бежит от войны, и учим быть хорошими гражданами молодой Биафры. Мы даже учим их военным песням. – Чинел поворачивается к девочкам и поднимает руки, будто собираясь дирижировать. Онайи бросает на нее быстрый взгляд: не заиграйся! Чинел усмехается, опускает руки и снова поворачивается к командиру. – Я бы попросила их спеть для вас, но мы не успели порепетировать. Знали бы мы, что вы приедете, подготовились бы к вашему визиту по-настоящему.

Онайи слышит упрек, почти обвинение, и командир наверняка слышит то же самое. Если бы мы знали, что вы приедете, лагерь можно было спасти. И девочек.

– Беженцев собираете? – говорит командир. – Похоже, у вас тут одни девчонки. Что же вы делаете с мальчиками? Убиваете?

Вместо ответа Чинел кивает на солдата, который презрительно высказался о них:

– Мальчики и так нашли чем заняться.

Командир цокает и смотрит куда-то мимо Чинел и остальных. Выпячивает подбородок, подбоченивается и начинает медленно прохаживаться петушиной походкой.

– Школа, значит. Теплицы. Даже арсенал.

Он притворяется, будто идет к Чинел, но поворачивается к Онайи. Топает ногой:

– Вы пользуетесь ресурсами Биафры, чтобы у вас тут все работало. Это земля Биафры. Здесь все принадлежит Биафре. – Все еще глядя на Онайи, продолжает: – И вы даже не спросили моего разрешения.

– Мы не знаем, как вас зовут, – говорит Чинел у него за спиной, продолжая свою игру. – Скажите, как вас зовут, сэр, и тогда мы, возможно, спросим вашего разрешения, как полагается.

Командир наклоняется к Онайи.

– Как меня зовут?

Отходит назад к солдатам и оборачивается. Театр одного актера. В бою его бы уже подстрелили раз тринадцать.

– Мое имя Годсвилл Угочукву Эммануэль Чуквуди. Генерал-майор Свободной армии Биафры. Центральный нападающий футбольной команды «Орлы Биафры» и рекордсмен по количеству забитых голов в сезоне лиги. Но это слишком длинно. Если я пошлю тебя в бой, то тебя убьют раньше, чем успеешь выговорить мое звание. Так что зовите меня просто генералом. – Он резко оборачивается к Чинел и приставляет пистолет к ее виску. – Но ты. Ты слишком много говоришь. Слишком много

паясничаешь. Бла-бла-бла. – Он прижимает дуло к ее волосам. – Но ты мне скажи. У тебя от этого больше проблем или меньше?

Онайи действует не думая. Одним-единственным скользящим движением нагибается, вырывает из земли осколок снаряда и прижимает острие к шее генерала. Она чувствует, что в нее направлены все винтовки.

Чинел совершенно спокойна, но бросает повелительный взгляд на Онайи: не вмешивайся.

Онайи знает. Если он тронет Чинел, этому генералу орлу, или как там он себя называет, – конец.

Пчелы Чинел гудят, но, кажется, никто из солдат их не замечает.

– Жаль, моя армия не нуждается в шутах, – хмыкает генерал. – Однако вы можете и вы послужите ей.

Он убирает пистолет в кобуру. Онайи отбрасывает осколок и делает шаг назад. Генерал-майор усмехается, затем повышает голос, чтобы все слышали:

– Этот лагерь и все, что в нем есть, принадлежит Республике Новая Биафра. Теперь это наша собственность.

Он кивает солдатам. Несколько человек тут же отделяются и начинают осматривать лагерь в поисках чего-нибудь, что еще можно спасти. Остальные продолжают держать девочек под прицелом.

– Лагерь реквизирован. И он, и те, кто его организовал, будут служить нуждам армии. Будет проведена инвентаризация всего, что подлежит восстановлению. А пока… – Он делает жест в сторону леса.

В поле зрения появляются громыхающие грузовики-маглевы с длинными кузовами-платформами, закрытыми брезентом. У Онайи падает сердце.

Кузова похожи на черные дыры, которые поглотят Онайи и остальных и никогда не выпустят обратно. Онайи была еще ребенком, когда последний раз смотрела на вот такой вход в неизвестность. Ребенком, которого вытащили из кустов и дали винтовку. Ребенком не старше, чем Айфи…

При мысли о младшей сестре Онайи поворачивается к лагерю спиной и начинает уходить, но кто-то крепко хватает ее за запястье. Обиома. Ее глаза, еще недавно такие юные, растерянные, легко наполнявшиеся слезами, стали жесткими. Она уже не смотрит на Онайи как на привидение.

– Нашу сестру забрали, – шепчет Обиома. – Если не убили.

Онайи пытается сбросить ее руку, но пальцы Обиомы сильнее впиваются в запястье.

– Тебе она не сестра. – Онайи говорит так, чтобы задеть

Обиому, но та только хмурится, словно говоря: у нас нет на это времени.

– Если уйдешь сейчас, тебя выследят и убьют. А пока будут искать – застрелят кого-нибудь из нас. Мы должны держаться вместе.

Онайи пытается понять, в какой момент Обиома стала закаленной, из дрожащего ребенка превратилась в человека, который мыслит взвешенно и стратегически.

– Вместе мы можем спланировать, как действовать. Вместе мы сможем вернуть наших девочек.

И только сейчас Онайи спохватывается: речь не только об Айфи. Если девочек не убили, а похитили, то не только Айфи ждет, что сестра придет и спасет ее. И всех не спасти в одиночку.

– Живей, живей! – кричит генерал-майор, хлопая в ладоши. – Все за мной! Пошевеливайтесь! Мы позаботимся о вашей безопасности.

– Мы и здесь в безопасности, – цедит Кесанду сквозь зубы.

Генерал-майор слышит ее, втягивает ноздрями воздух, оглядывает разрушенный лагерь, усеянный корпусами взорванных мехов:

– Не очень-то похоже.

Каждый нерв Онайи требует ринуться на поиски Айфи, но Обиома права. Она еле стоит на ногах, а если бы добралась до своего меха, его пришлось бы заряжать от собственного тела. Едва ли ей хватит сил вылететь из леса.

– Дайте нам похоронить наших подруг! – кричит какая-то девчонка в толпе. Онайи не узнает ее. Наверное, из одноклассниц Айфи. Она рыдает, закрыв лицо руками, а другие девочки пытаются утешить ее.

Онайи первая делает шаг к грузовикам.

– Новая Биафра благодарит вас за службу, – шепчет генерал-майор, когда она проходит мимо.

Онайи забирается на одну из платформ и садится на корточки с краю. Другие девочки следуют за ней. Еще одна группа залезает в следующий грузовик с Кесанду. Обиома собирает остальных в третий.

Когда все уже в кузовах и на платформах, а солдаты, нагруженные сумками с уцелевшей техникой, которую сложили девочки, вернулись из лагеря, генерал-майор шлепает ладонью по борту грузовика, словно подгоняя лошадь, и машины трогаются с места.

Еще не догорели пожары. Еще трещат и лопаются оставленные приборы. И где-то там, среди мертвых, лежат тела Амаки и Чигози. Онайи не дали похоронить их.

Глава 12

Айфи открывает глаза и видит лицо Даурамы. Она держит Айфи так высоко, что ноги болтаются в воздухе. С маски Даурамы спадает защитный щиток, и Айфи видит ненависть в глазах молодой женщины.

– Это она сделала, – говорит Даурама Дэрену.

– Нет. – Он пытается встать, держась за ремни. – Наверное, та, другая.

Айфи вспоминает про девочку, которую убили в лесу. Должно быть, она успела прикрепить к самолету взрывчатку перед тем, как ее поймали. Вот что она делала, вместо того чтоб убегать. Айфи пронзает чувство вины за то, что сомневалась в ней. Но тут самолет уходит в штопор, Айфи выскальзывает из рук Даурамы, Дэрен в прыжке подхватывает ее, прижимает к груди, и они бьются о потолок.

Вокруг чудовищный шум. Дэрен вытягивает что-то с потолка, Айфи видит, что это маска.

– У меня нет времени надеть на тебя костюм целиком, – говорит он спокойно. Даже слишком спокойно. – Надень маску, будет легче дышать.

Айфи находит прорезь и натягивает маску. Внезапно мир наполняется цифрами, процентами, цветными штрихкодами. Данные.

– Не бойся, малышка. Это просто показатели жизнедеятельности. Ты в порядке. – Он обнимает ее крепче, тянется в сторону и достает что-то из контейнера, болтающегося под потолком. Похоже на одеяло. Такое гладкое под пальцами Айфи, как кожа, из которой сделаны их костюмы. Как масло.

Самолет вращается, их снова бросает об стенку. Дэрен кряхтит, но ухитряется продолжать заворачивать Айфи в одеяло.

– Не двигайся, малышка.

Из кабины раздаются вопли.

Дэрен все укутывает ее, одеяло становится более жестким, покрывая плечи. Она может двигаться внутри него, но не может вытащить руки. Не может высвободиться.

– Все в порядке, малышка.

– А ты?

Он ничего не отвечает, закрывая голову Айфи краем одеяла, которое превращается в твердый кокон. Потом добирается до ремня и, вцепившись в него, придвигает Айфи ближе. Ее тело напряжено. Самые разные чувства поднимаются изнутри. Она слышит, как отваливаются куски обшивки самолета, как

взрываются двигатели, как консоли сгорают, исчезая в небытие. Крики становятся лихорадочными, затем звучат приказы.

Внезапно наступает тишина. Как будто все смирились с тем, что должно произойти.

Она смотрит вверх и видит, что Дэрен закрыл глаза.

За окном, которое он открыл, сменяют друг друга пятна красной земли и голубого утреннего неба. Все кружится, кружится, кружится.

Дыхание Дэрена становится реже.

– Доверься мне, – шепчет он.

Борт самолета разваливается. Ветер засасывает Айфи в пустоту, и она крутится так быстро, что мир превращается в бешеный калейдоскоп красок. Голубая, коричневая, красная.

И – темнота.

Глава 13

Дорога становится ровнее.

Онайи точно определяет, когда они выезжают из леса и даже самые отдаленные территории лагеря остаются позади, потому что начинаются настоящие дороги. Ни рытвин, ни резких поворотов, чтобы избежать мин, ни хлещущих по ветровому стеклу веток, ни слоновой травы, забивающейся в двигатели и магнитные разъемы грузовиков-маглевов.

Теперь девочкам станет немного легче. Даже в темноте под натянутым брезентом Онайи видела, как они корчились от боли, держась за сломанные руки и ноги и стараясь не плакать. А сейчас некоторые уснули, убаюканные покачиванием машины. Кто-то спит вполне мирно, и Онайи благодарна за то, что им выдались несколько минут покоя. Остальные напряжены даже во сне, что-то бормочут и ворочаются, продираясь сквозь свои кошмары.

Отломав кусок железки от металлического каркаса, на котором натянут брезент, Онайи начинает ковырять свой протез. Рукав порвался, обнажив механизм. Передачи и энергетические блоки, соединенные сухожилиями, клапаны, шестерни, суставы. Кисть цела, а вот предплечье – почти вдребезги. Она пытается сжать кулак, но пальцы онемели и не слушаются. Она копается в предплечье железкой. Летят искры. Кожа Онайи, клочками свисающая с предплечья, начинает обугливаться. Но затем она слышит, как что-то звякает. Осколок шрапнели между двумя цилиндрами давит ей на нерв. Онайи постукивает по нему. Стискивает зубы, когда боль выстреливает в руку и плечо. Глаза рефлекторно наполняются слезами. Она заставляет себя открыть их и продолжает копаться и постукивать. С каждым ударом тело пронзают огненные иглы, но вот осколок высвобождается. Длинный вздох облегчения. Полдела сделано.

Она подцепляет его железкой и тянет до тех пор, пока не находит подходящее отверстие. Затем прижимает его, поднимает руку и отпускает. Осколок выпадает ей на колени. Следом опускается металлическая рука. Онайи потратила слишком много энергии. Лоб покрывает испарина, плечи и спина взмокли. Майка потемнела от пота.

Она бросает взгляд на девочек. Интересно, сколько из них сейчас тоже думают о побеге. Некоторые, прищурившись, смотрят в потолок, строя планы. Но в глазах остальных – облегчение: кончилась борьба. Кончилась смерть. По крайней мере, пока.

Они пытались спрятаться. Онайи пыталась подарить им

мирное убежище, приют, где они смогут жить, где смогут избежать того, через что прошла она. Словно по щелчку, возвращаются воспоминания. В одних обе ее руки еще из плоти и крови. В других она уже изувечена. Покрыта шрамами. Но в каждом – в руках винтовка и мачете через плечо, поверх патронташа. Винтовка размером с нее саму. Ей восемь лет.

Онайи помнит, как пробиралась сквозь кусты, уже зная, как выглядят ямки, по которым можно понять, что здесь зарыты самодельные взрывные устройства. Под покровом ночи она совершала свой путь к деревням на окраинах нигерийских городов, оставляя за собой вереницу мертвых тел. Их командир называл это освобождением, но крестьяне с вражеской стороны, которые лежали в лужах собственной крови, разве они получили свободу? Рыдающие семьи. Люди, чьи тела заполняли могилы. Вскоре командир запретил им копать могилы. Слишком много времени теряем, говорил он. Но им все равно пришлось уходить. Все дальше и дальше.

Бело-зеленые пробовали бомбить, но лес был слишком густой, и они хорошо умели прятаться. Когда военные пытались отлавливать их, группа Онайи и другие повстанческие отряды устраивали засады и похищали снаряжение. Иногда бело-зеленые были настолько глупы, что посылали за ними мехов. Онайи и остальные захватывали мехов как нечего делать.

Это были первые дни войны, когда победы давались легко. Когда все недооценивали силу и решимость биафрийцев. Война шла за независимость.

Онайи помнит ликование, когда они захватили аэродром с космопортом и получили доступ к шаттлам. Почти все плакали от счастья. Некоторые сдерживали эмоции, но Онайи уже тогда хорошо читала настоящие чувства окружающих. Для нее не было секретом, кто рад достигнутому, а кто думает о потерях, которые ради этого пришлось понести.

Она вспоминает бомбежку, в которой у них отобрали тот аэродром. Вспоминает битвы, в которых они едва устояли.

В воспоминаниях к ней возвращаются стратегические маневры, передвижения отрядов, рейды по приказу командира. Иногда вспоминаются и сами рейды, и люди, молившие о пощаде. Но командир говорил: «Они первыми напали на нас». И для Онайи этого было достаточно.

Еще одно воспоминание медленно подкрадывается к ней.

Она снова в школе. Все еще ребенок. Одноклассницы выстроились перед столом учителя в классе. Учитель ходит вдоль шеренги с хлыстом в руке, рассеянно похлопывая им по своим тощим голеням. Воспоминание туманно, и Онайи не помнит ни

голоса учителя, ни лица, зато помнит его узловатые руки, костяшки которых будто опухли от пчелиных укусов. Учитель спрашивает, почему они были в церкви вместо того, чтобы спать и готовиться к послеобеденному уроку. И Онайи знает: что бы они ни ответили, их побьют. Поэтому девочки молчат, а учитель идет вдоль шеренги, велит каждой девочке вытянуть руку и молниеносным движением бьет по руке хлыстом. От удара нельзя не взвыть от боли. Одна из девчонок переминается с ноги на ногу, кусая губы. Все примерно ровесницы, кроме Качи – она такая способная, что перескочила через несколько классов. Качи очень маленькая, ее ветром может снести.

Когда учитель доходит до Качи, Онайи вытягивает руку.

– Не бейте Качи, – говорит она, опустив голову. – Ударьте меня вместо нее.

И она вспоминает, как учитель-хауса[4] останавливается, пораженный, а потом по его лицу расползается широкая улыбка.

– Окей, – говорит он, замахивается и бьет с такой силой, что Онайи падает на колени.

Рука онемела на весь день. И прошла неделя, прежде чем можно было нормально пошевелить пальцами. Неделю вечерами она держала руку в ледяной воде. Целую неделю не могла быстро одеться. Целую неделю училась писать другой рукой.

Сидя в грузовике, Онайи сжимает металлическую руку в кулак. Многое живо в памяти. Она все еще слышит свист хлыста, рассекающего воздух.

Грузовик резко поворачивает, и спящие девочки просыпаются от толчка.

Со своего места Онайи хорошо видит всех.

Я снова протянула бы руку – за каждую из вас, хочет она сказать им.

Но когда ворота лязгают, открываясь, и грузовик тормозит и останавливается, Онайи вспоминает: Качи погибла в первый год войны.

– Эй, выходите! – рявкает солдат снаружи. – Живей!

Онайи спрыгивает на площадку, где совершенно негде укрыться от палящего солнца.

Солдат хватает ее за руку, но она вырывается и в мгновение ока приставляет железку, которую все еще держит, к шее солдата.

– Сначала я посмотрю, как все выйдут, – шипит Онайи. – Даже не пытайся разлучить меня с сестрами.

Слегка в шоке, солдат фыркает:

– Ну давай, смотри, тупая коза, – и отступает.

Первая девочка подходит к краю платформы и загораживается рукой от солнца.

– Я здесь, – говорит Онайи и страхует ее в прыжке.

Она помогает спуститься каждой, и, когда в грузовике никого не остается, девочки окружают ее. Самые маленькие держатся за ее порванные штаны.

– Все нормально, – говорит Онайи, зная, что врет, но она давно поняла: иногда старшей сестре надо врать, хотя бы для того, чтобы успокоить их. Пусть и на короткое время.

Не бейте их. Ударьте меня, говорит она миру. Говорит войне, что ждет их за углом.

Солдат ведет Онайи и ее подопечных вглубь лагеря, где их уже ждут девочки из других грузовиков. Они стоят, сбившись в кучку, и при виде знакомых лиц Онайи немного расслабляется. Там Чинел, Кесанду, другие.

Солнце высасывает влагу из всего живого. Что-то слабо зудит, но это не комары. Звук металлический. Створки палаток колышутся на ветру, который не приносит прохлады. Несколько мехов неподвижно застыли на краю лагеря.

Одна из палаток гораздо больше других. Из нее выходит генерал-майор. Лицо блестит от пота. Он снимает берет, вытирает им лоб и надевает снова. Солдаты, охраняющие девочек, стоят навытяжку. Он машет им – вольно! – и улыбается так, что у Онайи мурашки бегут по коже.

По пути сюда, выглядывая из грузовика, Онайи видела два диггера – машины, вскрывающие землю в поисках минералов, обеспечивавших питанием всю технику и в их лагере, служивших источником энергии для беспроводной сети. Здесь она не видит ни Обелиска, ни Терминала, ничего, что давало бы шанс выйти на связь с внешним миром или друг с другом. Вдалеке ржавеют два воздушных меха, их гигантские фигуры отбрасывают тень, в которой отдыхают солдаты. Трудно поверить, что это и есть Армия Биафры, а не какая-то кучка повстанцев или банда террористов, решившая выкрасть для себя юных невест. Годами она видела, как такие действуют: мародерствуют на дорогах, рыскают по лесам и пустыне, хватая ничего не подозревающих девочек, чтобы сделать рабынями.

При этой мысли Онайи крепче прижимает к себе девочек.

– Проголодались с дороги? – спрашивает Онайи генерал-майор. Он игнорирует Чинел, словно говоря: Мне плевать на твои выкрутасы. Я знаю, кто тут главный. – Мы приготовили для вас еду в казарме. Вы как раз успели к обеду. Ну, точно вовремя!

Он щелкает пальцами, и солдаты окружают девочек, готовые вести их под прицелом винтовок.

Онайи делает шаг вслед за ними, но генерал-майор останавливает ее, поманив пальцем.

– Нет. Ты пойдешь со мной.

Напрягшись всем телом, Онайи чувствует: вот-вот сорвется. Сдерживает себя огромным усилием воли, и Чинел, увидев это, одним взглядом успокаивает ее. Чинел собирает девочек вокруг себя, над ними вьется рой насекомых. Нет, не комары, понимает Онайи. Это пчелы Чинел.

Ее мышцы слегка расслабляются, она поворачивается к генерал-майору и следует за ним в палатку. Это чуть ли не самое большое сооружение во всем лагере. Посередине – тяжелый металлический стол, на нем стеклянное пресс-папье, планшет и стилус. В углу стола подгнившее недоеденное яблоко. Вокруг понаставлены ящики с боеприпасами и статуи неизвестных Онайи божеств. Целая куча бесполезных вещей.

Генерал-майор садится за стол.

Онайи негде сесть. Но, даже если бы он предложил, она бы отказалась.

– Судя по выражению твоего лица, ты не очень-то впечатлена. – Он достает из нагрудного кармана какую-то узкую цилиндрическую штуковину, обернутую в табачный лист. Рассматривает, проводит ею под носом, затем зажимает зубами и поджигает. Едкий дым моментально заполняет палатку.

Онайи усмехается:

– Что-то я не вижу никакого оборудования для прикрытия вашей деятельности.

Он хмыкает, не вынимая изо рта штуки, которая, как вспоминает Онайи, называется сигарой.

– Это потому что мы – аналоги. Вы были цифровыми, как и враги. Поэтому они видели вас. Вот вам цена связи.

Он отстегивает старый черный прибор, висящий у него на бедре.

– Вот. Это рация. Называется уоки-токи. Работает на радиочастотах. Старая, в отличие от меня. – Он кладет ее на стол, тяжело стукая. Но рация не ломается. – Я молодой человек. Я буду жить вечно.

– Чего вы от меня хотите? – Она сыта по горло его болтовней. Если тут нет связи, то как они управляют мехами? Вслепую? Если нет диггеров, от чего питаются воздушные аппараты? Может, они заранее собрали и подготовили минералы? Онайи лихорадочно перебирает варианты, одновременно придумывая и отметая разные способы побега.

Генерал-майор откидывается на спинку стула:

– Хочу увидеть своими глазами.

– Увидеть что?

– Божью Десницу. – Он смеется, но закашливается,

поперхнувшись сигарным дымом. Когда перестает кашлять, улыбка все еще не сходит с лица. – Оказывается, Божья Десница – женщина. Дитя с глазами Демона. Я про тебя слышал еще в самом начале Войны за независимость. Как ты идешь туда, куда никто не осмеливался. Как тебе не нужно даже говорить, что делать. Ты словно шла на запах нигерийцев. Ты убивала всех, кто встречался на пути. А когда повзрослела достаточно, чтобы подняться в небо, стала истреблять пилотов в небе. Говорят, что никто не дрался, как ты.

Руки Онайи сжимаются в кулаки:

– Это было давно.

Генерал-майор с презрительной ухмылкой машет рукой:

– Несколько лет назад. Может, чуть больше. Не так уж давно. И ты все еще ребенок. Время пока не отыгралось на тебе.

– Чего вы хотите? – Кроме того чтобы болтать, болтать, болтать и слушать только себя.

– Хочу, чтобы ты жила с комфортом. – Он закидывает ноги в ботинках на стол.

Слишком тяжелый звук. Это не мускулы и кости. Металл. Он – аугмент.

– Я хочу, чтобы ты была богаче, чем можешь себе представить. Хочу, чтобы тебе больше никогда не пришлось лезть на дерево, чтобы сорвать манго. Чтобы тебе подавали манго. Я хочу, чтобы у тебя были слуги, которые станут готовить тебе оги и жарить акару. Ты никогда больше не будешь работать и сможешь купить все, что пожелаешь. Тебе просто нужно вернуться на службу. – Он затягивается и выпускает клуб дыма. – Снова стать солдатом.

– Я никогда не переставала быть солдатом.

Через секунду улыбка исчезает с его лица, и он поднимается из-за стола. Онайи замечает, что его шаги стали тяжелее – каждый шаг оставляет следы на земле.

– Конечно. Поэтому, едва ты оказалась здесь, тут же начала оценивать оборону моего лагеря. Наверное, чтобы сказать мне, как можешь помочь?

Он стоит так близко, что она чувствует запаха пота, смешанный с едким дымом.

– Или думаешь, как сбежать? – Он наклоняется к ней так, что их носы почти соприкасаются. – Это не так просто, как тебе кажется.

Прежде чем Онайи успевает отреагировать, он ловит ее руку и выхватывает железку. Она совершенно забыла о ней. Генерал-майор улыбается, держа Онайи на расстоянии вытянутой руки, и медленно проводит железкой себе по шее, по тому месту, куда

Онайи готовилась вонзить осколок, защищая Чинел.

Кровь цвета нефти сочится из раны, но генерал-майор двумя пальцами раскрывает рану еще шире, обнажая металлические пластины и клапаны.

– Ты все равно не смогла бы даже поцарапать меня там, где это опасно. – Он спокойно возвращается к столу и вытаскивает тюбик хирургического герметика «МеТро», похожий на зубную пасту. Выдавливает по контуру раны. Кожа стягивается, и вскоре на месте раны остается лишь тончайший шрам. Кровотечение прекращается. Он бросает тюбик Онайи, и та ловит его одной рукой. Садится обратно за стол:

– Итак, богатство не сработало. Мне что, начать взывать к чувству патриотизма? К твоей любви к юной Республике Биафра?

Онайи молчит.

– А может, начать угрожать твоим подружкам? Этого ты хочешь?

Ее руки, сжатые в кулаки, дрожат. Она яростно уставилась на него, прикидывая расстояние. Интересно, успеет ли она добраться до его шеи. Нужно схватить пресс-папье, разбить, перепрыгнуть через стол и проткнуть ему глаз, чтобы вывести из строя, пока она не найдет разъем – наверняка где-то на затылке, – и вырвать его. А она его обязательно найдет.

– Моя смерть тебе не поможет.

– Зато мне полегчает.

Его губы раздвигаются в усмешке. Разводит руками, словно сдаваясь:

– Так чего же ты хочешь?

– Найти сестру.

– Твою сестру? – Он машет в сторону входа. – Конечно. Она же где-то здесь. Разве они тебе все не сестры? Ты ведь тут самая главная сестра.

– Нет. – Она сознает, что говорит это слишком твердо, словно отметая всех остальных. И нет, она не хочет, чтобы этот отвратительный человек думал, что они не важны. Просто не знает, как сказать этому тюремщику, что именно ей нужно. – Есть одна девочка. Когда бело-зеленые ушли, я пошла к ее убежищу, но ее там уже не было.

– И ее не было среди мертвых?

Вообще-то у них не было времени осмотреть всех, но Онайи отвечает:

– Нет.

– Думаешь, ее забрали?

– Да. Я найду ее. Я верну ее.

– Куда? – Впервые за разговор генерал-майор злобно

повышает голос. – Куда ты ее вернешь? У вас что, есть дом?

Онайи отвечает сквозь зубы:

– Мы построим новый.

– Помоги мне бог! – в сердцах бросает генерал-майор, бессильно всплескивает руками и плюхается на стул, как сдувшийся скафандр.

Онайи слышит шаги позади себя. Подойдя ко входу, военный отдает честь.

Генерал-майор подзывает его:

– В чем дело, лейтенант?

– Место крушения, которое вы приказали осмотреть. – У него в руках видавший виды, ободранный планшет. Он вытирает грязь с экрана, прежде чем передать его генералу.

Генерал-майор бросает взгляд на Онайи, скользит пальцами по экрану, затем приближает что-то, раздвигая пальцы, и сдвигает их снова. Швыряет планшет со всей силы на другой конец стола, где он зависает на краю.

– Твоя сестра! – говорит он, нахмурившись.

– Что? – выдыхает Онайи. Она хватает планшет и пытается разглядеть что-нибудь на перепачканном экране. Наконец находит сенсорную панель. Ее пальцы танцуют над клавишами. Перед ней возникает голограмма. Трехмерная проекция чьего-то поля зрения.

Они в лесу. Несколько человек. Солдаты Биафры. Потом помехи, а потом они оказываются в пустыне. Взбираются на холм. То, что они видят, открывается перед Онайи.

– Только животные на это способны, – говорит генерал-майор. В его голосе нет злобы, только брезгливость. – Но я слышал, что на севере все такие. Живут тем, что дает земля, и мы, возможно, первые настоящие люди, которых они увидели. Они не знают, что не должны есть нас. Не знают, что люди не поступают так – только те, кто стоит ниже человека, способен на такое. Но ничего не поделаешь. Собаке можно скомандовать, но бессмысленно приводить ей разумные доводы. – Он качает головой. – Единственное, чему собака может научить человека, – то, что собака глупа. Ничего не поделаешь…

Планшет с треском разламывается пополам.

– Ты что творишь? – кричит лейтенант, бросаясь к Онайи. Заносит руку для удара, но что-то останавливает его. Онайи, сгорбившись над разбитым планшетом, чувствует, как он уставился на нее в страхе. Но Онайи все равно. То, что она видела, намертво впечаталось ей в мозг. Картина, прожигающая насквозь.

Ее начинает трясти. Сначала пальцы, потом руки. Ноги тоже

дрожат.

А потом она чувствует, как что-то нарастает в ней. Тепло расцветает и превращается в жар, который заполняет грудную клетку. То самое чувство, с которым она бросала мех в атаку, чтобы защитить лагерь. Нет в ней больше ничего мягкого и доброго – осталась только сталь.

Стоящий рядом солдат отступает назад.

Онайи не двигается, когда приближается генерал-майор.

Он качает головой и цокает:

– Я же говорил тебе. Вот что они делают. – Склоняет голову. Когда он переводит взгляд на Онайи, в его глазах появляется новое выражение. Озабоченность.

Она чувствует привкус меди во рту. Смотрит прямо ему в лицо.

– Я буду сражаться.

Его черты смягчаются:

– Во славу Биафры.

Она закрывает глаза и чувствует: все мягкосердечное, что еще жило в душе, уходит без остатка. Картина, которую она увидела, будет преследовать ее всегда. Заполнять ее мысли. Толкать ее вперед.

– Нет. Не ради Биафры, – отвечает она. – Ради мести.

Интерлюдия

Волны сверкают в солнечном свете. Стоп-кадр. Голоса. Ссора. Дети. Девочки. Драка из-за мяча булубу. Стоп-кадр. Цветок. Лепестки медленно поднимаются под стальными пальцами, которыми управляют наномашины. Стоп-кадр. От огня светлячками разлетаются искры. В воздухе клубится дым. Вопли. Стоп-кадр. Молодая женщина несет через комнату фигурку ито-ито, фигурка болтает рыхлыми ручками. Стоп-кадр. Две девочки, сестры, улыбаются друг другу. Стоп-кадр. Женщина на столе баюкает ито-ито. Стоп-кадр. Вопль. Стоп-кадр. Стоп-кадр. Стоп-кадр.

Энаймака гудит, возвращаясь к жизни. Она все еще чувствует дым.

Она лежит на земле скрючившись, руки согнуты, будто она кого-то обнимает.

Воспоминания проносятся через ее центральный процессор. Она что-то защищала? Кого-то? Сенсоры сообщают, что у нее спина в шрамах, – значит, взрыв, сровнявший строение с землей, произошел позади нее.

Она медленно распрямляется и встает.

Память то и дело прерывается и зависает, но внутри уже монотонно гудят резервные системы, и она чувствует с помощью проводов, которые служат ей венами и артериями, что наномашины приводят ее в порядок.

Сенсорная информация переполняет ее. Картинки, звуки. Тишина в воздухе. Она выходит из разрушенного здания, где очнулась, и не видит вокруг ничего, кроме следов кровавой бойни. Небольшие постройки повалены друг на друга, на обугленной земле – осколки флексигласа, сбитые мехи, отключившиеся звери. Тела – повсюду. Смерть вступила в свои права.

Она не знает, что произошло здесь, но догадывается. По положению мехов может понять, откуда именно они упали. Ей известны марка и модель каждой гильзы от каждой выпущенной пули. Она получает информацию о каждой группе крови, которая здесь пролилась. Тела изувечены. Некоторые завернуты в тряпки, в которых она узнает нигерийский флаг. У других нашивки на куртках с флагом Биафры. Она не помнит, кому принадлежит эта земля. Что это – Биафра или территория Нигерии. Все, что она знает, – здесь были люди. Здесь учились, играли, сражались, лечили и лечились. Двух девочек она помнит особенно хорошо. Одна постарше, такая темнокожая, что отливала синим в лунном свете. Вторая – маленькая, с кожей цвета песка и фиолетово-золотой радужкой глаз. Перестав принимать сигналы извне и вернувшись к фрагментам памяти, она ясно видит их. Они сохранены в чипах ее мозга.

Те, что во всем черном, должно быть, враги. Но Энаймака не видит здесь врагов. Тела в черном принадлежат людям, которые тоже учились, играли, сражались, лечились, принимали душ – точно так же, как девочки, которых она помнит. Сквозь дыры порванной формы их кожа тоже отливает синим, когда начинает светать.

Наноботы, плывущие по венам Энаймаки, посылают ей в мозг команды.

Неторопливо она идет по лагерю и, найдя клочок пустой земли в центре, начинает копать. Вырыв яму, достаточно большую для тела, она приносит одну из убитых девочек и осторожно кладет ее туда. Хоронит. Находит неподалеку металлическую рейку, сгибает, делает крест и ставит у изголовья могилы. Она хоронит каждое тело, и вокруг множатся аккуратные ряды могил с крестами, отражающими зарождающийся солнечный свет. Затем, следуя командам наноботов, уходит прочь от лагеря.

Она останавливается, когда добирается до выжженной радиацией пустыни.

Разбившийся самолет лежит в грязи. Его уже наполовину занесло красным песком. Везде только красный песок, и больше ничего.

Сначала Энаймака думает, что шипение в воздухе – радиация, излучение, разрушающее металл, из которого она сделана. Нельзя оставаться здесь долго. Но она почему-то не может уйти. В этом воздухе витает какая-то тайна. Здесь было что-то еще. Кто-то еще.

Оживает новый блок памяти. Девочка с большими глазами прижимается к ее спине, обняв за шею. А потом они вдвоем сидят в лесу, изучая созвездия. Потом Энаймака аккуратно бреет ей голову. Энаймака знает этого ребенка. Она должна найти ее. У нее есть ответы на вопросы.

Питающая ее энергия слабеет. Наноботы замедляют движение. Жар Красной земли сжирает ресурсы батареи. Она еще не научилась самосохранению. Не знает боли. Поэтому Энаймака не знает, что радиация уже разъедает ее механизмы. Все, что она помнит, когда наноботы уходят в режим гибернации и в конце концов умирают, это то, что на свете жила маленькая девочка и она брила ей голову.

В сознании Энаймаки вдруг всплывает слово. Оно появляется из обугленных, разорванных клочков ее воспоминаний. Слово, соединяющее вместе все разрозненные образы и звуки – пальцы на лепестках роз, поднятая рука на уроке, чей-то взгляд в прицел винтовки. Слово, которое заполняет пробелы. Слово, которое остается с ней, когда свет в ее глазах начинает гаснуть.

Сестра.

Часть II

Глава 14

Четыре года спустя

Абуджа, 2176

Слоновая трава достает Айфи до плеч.

Ее платье переливается на солнце, что могло бы привлечь зверей, которые бродят рядом, но свет огибает ее, превращая в невидимку. Мир – голубое небо, зеленая трава и акации, которыми пестрит пейзаж, – все сияет золотом. Через бусины кимойо – браслеты и ожерелья – она получает данные из внешнего мира. Стадо животных, жующих траву в утреннем тумане, тоже очерчено золотым.

Некоторые из них покрыты броней, механизированы так, что живой организм сросся с проводами и приборами, другие – обычные существа из плоти и крови. Это и интересует Айфи. Животные, кажется, чувствуют свою общую природу. Металл не пугает их. Они не чета мутировавшим шотгорнам или волкам, которых радиация отравила и лишила рассудка. Они куда более прекрасны.

Акцент, усиленный бусами, позволяет рассмотреть биомеханическую лошадь изнутри. Айфи видит контейнеры с энергией, от которых работают микросхемы животного. Пищу, которую принимает животное, они превращают в топливо. Она заглядывает глубже, за клапаны и шестерни, и фокусирует внимание на сердце, в котором красная кровь превращается в черную и маслянистую, как нефть. Она видела такие технологии в лабораториях, где их использовали для аугментирования животных, дистанционного контроля над популяцией и их состоянием. Столько металла. Тут где-то должно быть отверстие. Это животное – автономная целостная система, которая, казалось бы, никак не связана с коммуникационной сетью, покрывающей Нигерийскую республику, где каждое устройство и каждый человек, оснащенный техническими устройствами, могут подключаться друг к другу. Но к животным должен быть какой-то доступ, их можно взломать. Она делала это и раньше, а ведь у нее еще не было таких крутых инструментов. Получится и сейчас.

Показатели жизнедеятельности биомеханической лошади появляются на голографическом экране, который она держит в руках. Она нажимает несколько клавиш, и данные о других

животных, включая окруживших лошадей рысей, заполняют экран. Наступит день, когда она сможет взламывать тех, кто из плоти и крови. Но сначала надо разобраться, как проникнуть в главный процессор этой лошади. Айфи воображает свое триумфальное возвращение в столицу верхом. Шарф развевается по ветру, лошадь несется галопом, так быстро, что прохожие на улицах шарахаются в стороны, лошадь перепрыгивает через вагоны скоростного вакуумного поезда и эффектно останавливается прямо перед президентским дворцом. А сначала для пущей театральности встает на дыбы, оглашая площадь громким ржанием.

Но нет, пока ничего. Акцент не обнаруживает ни единого разъема. Система животного абсолютно автономна. Кажется, ее невозможно взломать. Ключевое слово – кажется. Если Айфи чему и научилась за четыре года, что прошли с тех пор, как ее спасли от повстанцев Биафры, так это ясному пониманию: ничто не является тем, чем кажется.

Несколько минут она стоит и смотрит на загадочное пастбище. Должно быть какое-то решение. У нее затекли ноги, но она не хочет садиться и терять животных из виду. Ключ, алгоритм, тот недостающий кусочек пазла, который позволит получить контроль над ними, наверняка где-то здесь, прямо перед ней. Просто нужно найти его.

Ей нравится уходить в поля и работать вдали от шума столицы, где постоянно что-то происходит. Информация. Столько информации поступает в ее систему. Скорость машин на магнитной подвеске, записи столкновений горожан с полицией, количество минералов в ювелирных украшениях для богатых, сведения о том, когда киборгизированные жители последний раз проверялись у механика. Столько данных вокруг. А здесь, в полях, данные – это ветер, что целует ей щеки, урчание животных, мирно поглощающих пищу, блаженно не ведающих о ее присутствии.

Некоторые наставники отчитывают ее за то, что она так любит проводить время под открытым небом. Она знает, что многие мальчики за глаза называют ее «девчонкой из леса», потому что она провела детские годы в лесах с биафрийцами. Но они не догадываются, что каждое их слово, каждая колкость записаны и ждут своего часа. Она пустит записи в дело, когда захочет. И не только это, но и разговоры, которые, как они думают, никто не подслушивает. Разговоры, в которых они делятся надеждами и страхами, рассказывают, кто в кого влюбился, кто списывал на каком экзамене, кто рассчитывает на стипендию для учебы в Америке, а кто настолько глуп, что не попадет даже на стажировку в одну из сотен лабораторий

Среднего пояса. Это одна из привилегий ее принадлежности к группе наблюдения Абуджи. В свои почтенные четырнадцать лет она все еще не привыкла, что ее называют дозорным, но с гордостью носит это звание. Раньше ровесники подшучивали из-за того, что ее воспитали биафрийцы, смеялись над шрамами, которые нанесла ей Онайи. Теперь они держат эти мысли при себе, но даже мыслям не укрыться от дозорного, наблюдающего за ними с одной из башен, разбросанных по всей столице.

Она лежит в траве на спине, подложив руки под голову, и смотрит на облака. Из толстых длинных кос вылетают нанопчелы и пляшут невдалеке от лица. Ее телохранители. Гудящий звук обволакивает ее, погружая в дремоту.

Когда она просыпается, небо уже начинает темнеть. Но потом она моргает и понимает, что это тень.

О нет.

Цепляясь за землю, она поднимается. Животные позади нее замирают. Даже не глядя, она чувствует, что они навострили уши, их системы уже проникли в ее защиту. Игра света больше не скрывает ее. И вот она неловко стоит, нервничает, и они знают, что она не отсюда, и скачут прочь. А вместе с ними и мечта Айфи о том, как она, словно настоящий воин, въезжает на лошади в сердце Нигерийской республики, завоевывая восхищение всех граждан.

Дэрен не выглядит сердитым. У ее названого брата вечно усмешка на лице. Словно он всегда немного удивлен. Его серебристые дреды сверкают под полуденным солнцем. В Биафре, когда она была ребенком, ее ругали за пропущенный урок. Нигерийцы добрее. В них больше искреннего любопытства, они интересуются миром и взращивают этот интерес. Каждый раз, когда Айфи идет по столице или по другому крупному городу Нигерии, она замечает, как замысловато переплетены транспортные системы, видит, что здания государственных университетов самые высокие в городе, выше только мечети, и все это для нее – свидетельство любознательности нигерийцев. «Наши выдающиеся предки заложили фундамент, а наше любопытство возвело на нем башни», – часто повторяет Дэрен, как мантру.

– Так вот где ты прогуливаешь уроки. – В руках у него два свертка.

– Иногда. – Айфи опускает голову и ждет нагоняя.

Дэрен смотрит по сторонам и глубоко вдыхает:

– Тут так тихо. А запах тебе не мешает?

– Запах? – Айфи вспоминает, что отрегулировала Акцент так, чтобы он подавлял обоняние. Этому она научилась, когда Акцент

встроили ей во внутреннее ухо. Теперь она не чувствует запахов. По крайней мере, когда не хочет.

Дэрен смеется.

– Почти все дети целыми днями пялятся в экран и не замечают мир вокруг. Или слушают свою дурацкую джага-джага-музыку и ничего больше не слышат. А ты, Айфиома Диалло, – он смеется и кладет свою металлическую руку ей на плечо, – ты предпочитаешь не вдыхать запахи мира. – Он качает головой и усмехается еще сильнее. – Должен признаться, это производит впечатление.

– В городе я перегружена информацией, – объясняет Айфи, ковыряя землю носком туфли.

– Конечно. – Дэрен подходит к ней, кладет руку на затылок и притягивает к себе. У него под кожей столько металла, но он все равно теплый. Айфи кажется, что ничего мягче его шелковой одежды никогда не прикасалось к ее щеке. – Не хочешь ли посмотреть запуск шаттла?

У нее расширяются глаза. Сердце колотится.

– Запуск шаттла? – Она выскальзывает из объятий и смотрит ему в глаза. – Правда? – Она хочет спросить, чем заслужила такое удовольствие, и пытается вспомнить, получала ли недавно высокие оценки или похвалу на занятиях в лаборатории. Ничего не вспоминается. Просто подарок-сюрприз. Что ж, не каждый вопрос требует ответа.

– Да, Кадан. Но нужно поспешить. Ради нас откладывать вылет никто не будет.

Дальний отголосок пения доносится из города. Он приглушен, но мелодия, похожая на плач, слышна ясно. Дэрен протягивает Айфи один из свертков. Это молитвенный коврик.

– На дорогу, – говорит он, улыбаясь.

Они расстилают на траве коврики и, когда муэдзин призывает к молитве, совершают намаз, который каждый правоверный мусульманин должен совершать пять раз в день. Закончив, сворачивают коврики, и Айфи протягивает свой Дэрену.

Гладкий, обтекаемый, как капля, автомобиль-маглев ждет их у подножия холма. Айфи прыжками мчится к нему, и ее платье весело развевается на ветру.

Глава 15

Гигантские металлические крылья и кабины, руки, ноги, куски панели управления плывут в воздухе, волоча за собой провода, которые искрятся и горят. На вражеский лагерь дождем сыплются обломки. Пилоты внутри мехов мертвы. Либо задыхаются и кашляют кровью, не в силах даже испустить предсмертный стон. К тому времени, как обломки падают на землю, ни мужчин, ни женщин, что переключали передачи, нажимали кнопки на панели управления и пытались бороться с Онайи, Демоном Биафры, уже нет в живых.

Двигатели Онайи выбрасывают пламя, она разгоняется над линией деревьев, граничащих с нигерийским лагерем, и резко приземляется, пробуксовав между вражескими мехами. Парализованные страхом пилоты не открывают стрельбу. Взмахивая глефой, она разрезает первого пополам, молниеносно поворачивается и наносит удар по второму, двигаясь быстрее, чем можно представить. Остальные пилоты приходят в себя и начинают стрелять, но Онайи с коротким хлопком малых двигателей взмывает вверх, и бело-зеленые поражают огнем друг друга. Онайи приземляется в тот миг, когда они взрываются, и врезается в еще одну группу мехов. Некоторые отступают в воздух и пускают в ход пушки. Онайи прыжком бросается влево, вправо, снова влево, щитом блокируя огонь тяжелых орудий, затем резко взлетает навстречу одному из мехов с пушкой.

Она видит, что противники в полете выстраиваются в боевой порядок в форме бриллианта. Огонь. Она поднимает щит как раз вовремя, затем сгибает руку в локте, чтобы достать новое оружие. Производит несколько залпов, которые отбрасывают ее назад. Строй в небе распадается. Один из мехов несется на нее, врезаясь прямо в щит, но она с силой отшвыривает его на землю. Двигатели включаются по одному, чтобы прекратить вращение. Она устремляется вниз к другому меху и клинком глефы вспарывает его кабину.

В небе все затихает. Противники отступают.

Но что-то происходит за спиной Онайи. Она вихрем разворачивается и наносит удар глефой по приближающемуся врагу. Последняя жертва, возомнившая себя воином. Теперь это не больше чем металлолом для солдат Биафры. Куски меха взрываются. Онайи поднимает щит, чтобы закрыть кабину. Взрывом ее отбрасывает назад, но броня только немного опалена.

Теперь-то уж точно тишина. Заслуженная тишина.

У нее даже не сбилось дыхание. Бои становятся все легче и

легче. Вероятно, оттого, что о ней уже наслышаны. Она – боец передовой линии фронта. Безжалостный пилот, уничтожающий врагов, как мух, роящихся в воздухе. Без страха смерти. Она почти не похожа на человека: механический глаз, разъем на затылке, техоболочка, которая закрывает пол-лица, спускаясь по плечу к правой аугментированной руке. Воплощение зла. Демон Биафры.

Мех выпрямляется. Шум механизмов музыкой звучит в ушах Онайи. Перед ней разрушенный лагерь. Она видит языки пламени над Терминалом, тела убитых солдат на земле перед столовой и складом боеприпасов. Множество мелких мехов, разбитых на куски, некоторые самоликвидировались, чтобы биафрийцы не смогли взломать их. Другие солдаты либо погибли прежде, чем успели подорвать себя, либо сбежали. Может, они даже наблюдают сейчас за захватом лагеря, из леса, который им кажется безопасным. Кто-то, наверное, убежал аж в пустыню, за пределы леса, перебравшись через реку по пути.

Люк открывается, кабину заполняет свистящий звук. Из разъема на шее Онайи появляется провод. Медленно она взбирается по лестнице и встает на выступ нагрудной брони меха. Четыре года боев и все, что случилось с ее телом, не изменили для нее послевкусия битвы. Сейчас она ясно видит все. Без данных, без тепловых сигнатур, что превращают тела в красные силуэты на зеленом фоне, без счетчика Гейгера, определяющего уровень радиоактивного излучения. Без своих и вражеских координат, постоянно мелькающих перед глазами. Странно слышать здесь пение птиц. Короткие трели, словно они проверяют небо: не обрушится ли снова из облаков лавина обломков, не загрохочут ли выстрелы и взрывы, раскалывая и поджигая их деревья.

Онайи хочет сказать им, что теперь можно спокойно петь, но она знает, что это ложь. Затишье здесь ненадолго. Настоящего мира не будет, пока Биафру не признают самостоятельным государством, пока Нигерия полностью не прекратит атаки. Бывают дни, когда Онайи кажется, что это лишь вопрос времени. А иногда по ночам она чувствует, что война не кончится никогда. В глубине души она не сомневается: война будет продолжаться, пока есть враг.

И вот она смотрит вниз на развалины лагеря, а из леса появляются биафрийские джипы и, как муравьи, суетятся около добычи. Биафрийские солдаты, в форме такого же цвета, как у нигерийцев, которых только что убила Онайи, бросаются к сбитым мехам. Инженеры подключают приборы к консолям, чтобы скачать то, что можно спасти в процессорах мехов. Часть

информации совершенно бесполезна: чьи-то воспоминания, разговоры солдат со своими семьями, наставления отца, который велит сыну хорошо учиться, чтобы получить стипендию на учебу в Америке; или вот молодая женщина говорит младшему брату, что он единственный мужчина в доме и, если ее не станет, должен заботиться об их больной матери. Но среди данных можно наткнуться и на координаты врагов. Бывало, они находили целые карты, которые помогали Онайи и другим бойцам устраивать засады на конвои и окружать противника, зажав ничего не подозревающий лагерь в клещи.

Когда молодые бойцы, расхрабрившись, спрашивают Онайи, почему она летает так стремительно, она объясняет причину. Убить пилотов надо прежде, чем они уничтожат ценные данные. Но это такое же вранье, как и слова, которыми ей хочется успокоить птиц. Она носится с такой скоростью из азарта. Чем стремительней она летит, чем безрассудней ее маневры, тем сильнее захватывает ее высота. Правда в том, что это приносит ни с чем не сравнимую остроту ощущений. Она с детства узнала вкус битвы. Сначала он показался отвратительным, как кажется ребенку отвратительным пальмовое вино, когда он пробует первый глоток. Теперь же речь не идет о том, любит она сражаться или ненавидит. Ей это необходимо.

Биафрийцы возвели сооружение с полупрозрачными полиуретановыми стенами и металлическими опорами. Вход прикрыт пластиковым пологом.

Раньше Онайи стояла перед столом генерал-майора. Теперь она садится, не спрашивая разрешения. «Мое тело устало», – могла бы объяснить она, если бы кто-то осмелился спросить. И никто ей не перечит: все видели, что она делает с врагами. Здесь живые свидетели того, как сражается Демон Биафры. Живые только потому, что она воюет на их стороне.

Генерал-майор разворачивает голографическую карту, подключенную к обугленному прибору, который, похоже, сняли с одного из поверженных мехов. Генератор уже включен. Снаружи работают диггеры, определяя глубины залегания минералов, которые будут обеспечивать энергией лагерь.

– Отличная работа, солдат! – говорит он ей, улыбаясь, словно ее работа – участвовать в каком-то веселом представлении. – Без помощи Содружества Колоний нигерийцам в космосе до нас далеко. Точнее, до тебя далеко. – Он ухмыляется. Онайи чувствует, как он ее умасливает. – Мы приближаемся к Среднему поясу. Сразу за ним главный оплот нигерийской армии. Но последняя победа обеспечила надежную буферную зону между Биафрой и бело-зелеными, так что мы можем считаться

настоящим государством.

Онайи поднимает бровь. Со стороны кажется, что она ведет себя дерзко и неуважительно; сидит развалясь, одна нога закинута на подлокотник кресла, руки раскинуты в разные стороны. Но ей так удобно. И уж это она заслужила.

– Настоящим государством?

– Ну, знаешь, с экзаменами в школах и регулярными отключениями электричества. – Он хмыкает. – В общем, вся эта дребедень, которая есть в нормальных государствах. Может, когда-нибудь у нас даже будут поезда, которые опаздывают. Выбоины в асфальте. Все как у них на севере.

– А зачем нам быть как они? – усмехается Онайи.

Генерал-майор хлопает рукой по столу:

– Шучу, солдат. – Вытягивает сигару из нагрудного кармана и зажигает. – Как будешь отмечать победу?

– Буду планировать следующие атаки.

– Нет покоя Демону Биафры.

Она ненавидит это прозвище с тех пор, как впервые услышала его в перешептываниях за спиной. Она ненавидит, когда слышит его от товарищей. Ненавидит, когда слышит его от врагов. Ненавидит, когда слышит от командира. Но для нее это как боль в костях. Огненные иглы, пронзающие позвоночник сверху донизу. Это стало частью ее жизни, как голубизна неба и чернота горелой земли. Такая же часть жизни, как пот, комары и пение птиц.

– Что ж, солдат. – Генерал-майор затягивается сигарой. Едкий дым заполняет комнату. – Ты свободна.

Онайи собирается с силами, заставляя свое тело встать. Суставы буквально вопят от боли, когда она отдает честь.

Позади остается мягкое гудение генератора, она выходит туда, где ревут работающие диггеры, сквозь шум перекрикиваются солдаты, визжат лазерные пилы, вгрызаясь в металл, из которого были сделаны мехи бело-зеленых.

Никто не замечает, как Онайи сворачивает в узкий проход между палатками. Никто не замечает, как она достает небольшой пузырек из кармана на поясе и глотает раскрошенные минералы.

Она закрывает глаза. Шум вокруг затихает. Небо из голубого становится розовым, птицы снова заводят свои трели. Их переливы звучат то выше, то ниже, падают и устремляются вверх, она различает мелодию, мелодию, похожую на песню из очень-очень далекого прошлого.

Глава 16

Айфи смотрит в окно автомобиля, в котором едет с Дэреном. Каждый раз, возвращаясь откуда-нибудь в Абуджу, она вспоминает, каким казался ей город поначалу. Даже четыре года назад все поверхности были отражающими. Город из стекла. Стеклянные небоскребы, такие высокие, что верхние этажи теряются в облаках. Стеклянные купола мечетей, пронизанные золотом. Плексигласовые туннели высокоскоростных железных дорог. Все прозрачное. Везде свет. Ослепляющий, невыносимый свет. Но таким он кажется только Айфи, ее глаза очень чувствительны – привыкли к естественному освещению леса, к приглушенным краскам.

Первое время люди таращились на нее. Ну, по крайней мере, когда не приветствовали, не плакали от радости и не показывали на нее пальцем, восхваляя величие нигерийской армии. Ей почти не дали отдохнуть, прежде чем выставили на всеобщее обозрение – прямо в старом тряпье, еще пахнувшую Биафрой, с племенными шрамами, оставленными Боевыми девчонками. Но спасенную. Вернувшуюся. Единственную из семьи выжившую в той резне. Ее возвращение превратили в целый спектакль, который транслировали по телевидению на весь мир. Только сейчас, четыре года спустя, журналисты, политики, случайные знакомые, одноклассники перестали спрашивать о том, как ей жилось с дикарями. Теперь она просто одна из талантливых учениц, с прекрасными оценками, которые однажды обеспечат ей место в школе пилотов в Америке.

Но память о том, как она оказалась здесь, не покидает ее.

Когда Акцент отремонтировали и вживили ей, весь мир превратился в мешанину данных. Вокруг нее кружились и оглушительно кричали числа, буквы, показания. Дэрен научил ее фильтровать информацию – отключать часть лишних данных, оставляя включенным нужное.

Айфи по-детски ерзает на кожаном сиденье автомобиля, мягком как масло. Усаживается поудобнее, хихикает. Дэрен бросает быстрый взгляд, точно собирается сделать выговор, но только улыбается. Айфи поворачивается к окну и смотрит на мужчин и женщин – кто-то киборгизирован, кто-то аугментирован, – они останавливаются ненадолго, прежде чем войти в магазины или офисы, и их сканирует специальное устройство. Аугменты не скрывают свои протезы, на некоторых джеллабы без рукавов, а руки полностью металлические. Кибернигерийцы внешне не отличаются от остальных, но внутри

у них оптоволокно и микрочипы. Мозг расположен в титановой черепной коробке. В ресторанах ужинают пары, с виду – молча, но самом деле они оживленно беседуют по своим коммуникаторам. Родители беззвучно обсуждают погоду, пока дети бегают и хохочут на улице. Высоко в воздухе плавают серебристые шары – зонды наблюдения. Айфи поднимает голову и видит сторожевые башни, к которым они подключены. Все в городе находится под контролем.

Несколько минут они едут в тишине, потом поворачивают на скоростную трассу и скользят высоко над пешеходами. Они устремляются к воздушным коридорам, а поезда по дуге мчатся вверх вдоль стен блестящих башен.

Уровень гравитации установлен заранее, поэтому, когда автомобиль едет боком или медленно поворачивается вдоль своей оси, Дэрен и Айфи остаются на местах. Дэрен вытягивает руку, и, пока они совершают оборот, бумажный журавлик у него на ладони не двигается.

Автомобиль перестает вращаться как раз в тот момент, когда Айфи тянется вперед и на короткий момент отделяется от сиденья, зависнув в воздухе. Они снова накреняются правой стороной вверх, и Айфи осторожно держит журавлика, чтобы не раздавить.

Молнией в голове проносится образ: пол больничной палаты, усеянный бумажными журавликами. Кусочки бумаги, оторванные от чего-то, от чего – Айфи не видит со своей койки, сложенные одной рукой – новой механической рукой – в небольшие оригами. А потом – оброненные на пол, словно это все, на что у этой новой руки хватило сил.

Айфи помнит, как очнулась в больнице. Не чувствуя боли и не видя ничего, кроме яркого света над головой. Заключенная в какую-то оболочку, не позволяющую двигаться. Кокон. Потом, когда рассеялась паника, затуманивающая разум, она вспомнила крушение. Взрыв, самолет крутится в воздухе. Крики. А потом ощущение, что со всех сторон стегает ветер. Боль от перелома костей. Потом тишина. Каким-то образом одеяло, в которое завернул ее Дэрен, спасло ее. Оно образовало твердую оболочку и защитило ее тело.

Дэрен позже сказал ей, что оборудовал одеяло радиомаяком, сигналом бедствия на случай, если с ними что-то произойдет. Но сказал уже потом, а до того долгие недели врачи выхаживали его после катастрофы. Ему заменили несколько органов и выстроили новый скелет. Перемонтировали почти всю нервную систему, чтобы подготовить ее к киборгизации. Сделали новый череп и успешно перенесли туда сознание.

Прежде всего ему заменили руку. Айфи тихо лежала на кровати и только слабо стонала, когда ее несколько раз в день поднимали, прямо в коконе, и погружали в ванну с целительной жидкостью. Однажды она сумела повернуть голову – кокон едва позволил это движение – и в просвет между разделявшими их занавесками увидела мужские пальцы. Они двигались механически. Отстраненно. Откуда у него бумага, она не знала, но движения были уверенными.

Так она наблюдала, как он поправляется.

Первые журавлики получались бесформенными, одно крыло больше другого, складки в неправильных местах. Но постепенно линии стали точнее, более симметричными, а потом и вовсе превратились в чудеса геометрии. Он складывал журавликов снова и снова и бросал на пол.

Дэрен никогда не упоминал журавликов, после того как их выписали из больницы. Но в его офисе она видела парочку на краю стола. Иногда Айфи думает, что он делает их для нее.

В машине с Дэреном Айфи чувствует себя как дома. Под ними бурлит и шумит город, но здесь, надо всем этим, у нее есть он. И каждый раз, когда он смотрит на нее и улыбается, думая, что она не замечает, сердце Айфи трепещет. Когда-нибудь она получит стипендию для учебы в Америке, будет создавать потрясающие вещи в Колониях, увидит космос и все то, что там есть. Изучит планеты, познакомится со звездами и принесет все эти знания в Нигерию. Она мечтает построить уникальные сооружения, которые будут сдерживать океанские волны, отбирающие с каждым месяцем все большую часть побережья. Она найдет способ обуздать эту энергию и обеспечить ею целые города. Рассчитает, как отвоевать у пустыни поглощенные ею пастбища. Будет учиться и поймет, как лучше всего расселить племена. Она сделает Нигерию маяком для континента. Дэрен будет гордиться ею.

Когда она была младше, все это казалось просто мечтой. Чем-то, что занимает мысли, чтобы не думать постоянно о дразнивших ее девчонках, о том, как опять придется скоро рыскать по лесу в поисках еды, или о том, что в теплице перегорел свет и урожай может пропасть. А здесь все хорошо, все работает, и она будет изучать и узнавать, как сделать мир еще лучше. Как будто для нее сбывается пророчество, как будто все это предначертано судьбой.

Стартовая станция уже мерцает вдалеке.

Их машина спускается по воздушному туннелю и скользит над дорогой с гигантскими магнитами, расположенными под асфальтом.

Пусковая площадка и здания вокруг нее светятся, как храм. Как будто сюда идут молиться. Автомобиль преодолевает первый пост, и охрана кивает Дэрену. Когда они проезжают, ей кажется, что она вступила на священную землю.

Шаттл отправляется в космос. Как буднично Дэрен говорит об этом. Конечно, он наблюдал запуск много раз. Но для Айфи это чудо.

На дороге платформа поднимается над землей, и машина направляется в туннель с флюоресцентными огнями по всему потолку. Наконец они останавливаются в гараже. Дэрен выходит из машины, Айфи за ним. Прежде чем войти в лифт, Айфи благодарно обнимает его и утыкается лицом ему в бок.

– Ну-ну, Кадан, – говорит он. И добавляет: – Наступит день, когда я один буду смотреть на запуск шаттла. А ты будешь в нем. Помашешь на прощание моей крошечной фигурке, когда ракета будет уносить тебя в космос.

Поднимаясь на смотровую площадку, Айфи берет руку Дэрена в свою. В другой она бережно несет бумажного журавлика.

На площадке Айфи включает обонятельные датчики. Дэрен здоровается с людьми в костюмах, кожа у них белая как мел. Белые люди. Некоторые потеют. У остальных внутри работают системы охлаждения, поддерживая комфортную для киборгизированных температуру. Больше всего они напоминают ту почти бесцветную глину, из которой дети лепят кукол. Ойнбо. Люди с облезлой кожей.

– А нам обязательно стоять так близко к ним? – шепчет Айфи Дэрену.

Он сильно сжимает ей руку, и Айфи понимает, что это наказание. Она должна вести себя достойно в присутствии глав – как сообщает ей Акцент – горнодобывающих компаний из американских и британских Космических Колоний.

Дэрен выглядит прекрасно, он распустил свои серебристые волосы, которые царственно спадают с плеч. Охрана разместила людей у каждого входа и выхода, они вытягиваются в струнку при появлении Дэрена. Белые замечают это, и Айфи кажется, что она улавливает тень страха на их лицах. Но Дэрен совершенно спокоен и легким шагом переходит от одного к другому, пожимая им руки. Айфи с трудом подавляет дрожь, видя, как его гладкая кожа касается их скользких ладоней. Она изо всех сил старается не показать, что ей противно.

Несмотря на большое расстояние и толстое стекло, Айфи слышит шум шаттла, готовящегося к старту. Команды из пункта управления полетом доносятся приглушенно, но Айфи все равно различает слова. Инструкции даются в чрезвычайно быстром

темпе. Потом кто-то называет координаты, объявляя данные по расчету запуска. Наконец начинается обратный отсчет.

Из нижней части ракеты вырывается дым, окутывая шаттл. Опоры отпадают со свистящим звуком. Грохот двигателей. Первый рывок – словно шаттл покидает чрево матери – и он уходит все дальше и глубже в небо, и Айфи выгибается, чтобы посмотреть, как он летит все выше и выше. Вокруг мигают огни, и она понимает, что ракетные ускорители уже отделились. Их приземление давно рассчитано, и Айфи знает об укрепленных сетями песчаных карьерах, куда они должны упасть. Все спланировано и учтено. Она не знает точно, что там, на самом шаттле, но ее это не очень волнует. Ей достаточно просто наблюдать за чудом полета в космос.

Дэрен на несколько секунд прерывает разговор и поворачивается к Айфи, чтобы посмотреть на взлет вместе с ней. В его глазах блеск восхищения. «Аллах акбар», – тихо шепчет он. Мгновение спустя он снова беседует с боссами из горнодобывающих компаний.

Айфи слышит, как Дэрен тихо произносит ее имя. Один из ойнбо пытается его повторить. Айфи знает, что не должна шпионить, но не может удержаться. Украдкой пробежавшись по ним через Акцент, она видит массу всего. У них черные костюмы и белые рубашки, а животы выпирают, как символ их процветания. «Посмотри, как мы хорошо едим», – говорят их животы Айфи.

Она с легкостью запоминает их имена. Буквы после имен, кажется, означают, какой университет они закончили. Эти названия Айфи помнит из уроков географии. Может быть, именно там они получили профессиональный опыт. Потом она пробегается по их биометрии, хмурится, увидев показатели кровяного давления и индексы массы тела, а нейрологические данные просто поражают ее. Так медленно?! Как люди с такими плохими мыслительными способностями могут стать такими успешными в Америке? Говорят, в Колониях цвет кожи может давать определенные преимущества. В Нигерии у всех один цвет кожи. Успех тут зависит от способностей. Айфи умная, и все, кто ее окружает, умные. Точно так же, как талантливые спортсмены всегда тренируются с другими талантливыми спортсменами.

Эти боссы – просто загадка. Быстро пролистав ссылки в информационной базе, к которой у нее есть постоянный доступ, она обнаруживает, что они представляют компании, стремящиеся получить доступ к полезным ископаемым Нигерии. Тем самым ископаемым, что питают энергией всю страну. Айфи едва не фыркает. Они не могут даже обеспечить себя самостоятельными

источниками энергии.

Речь заходит о Биафре. Вот они упоминают мехов, и перед глазами Айфи возникают схемы огромных человекоподобных роботов. Постукивая по бусинам браслета, она открывает экран, на котором играет в нехитрую игру – собирание алмазов, – чтобы не выглядело, будто она подслушивает. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы раскусить ее уловку, но она не отступает. Они говорят о мехах и далекой земле, но Айфи знает, что географически она очень близко – только кажется далекой. Снова слышно про месторождения, и тут Айфи понимает, почему Биафра все время всплывает в разговоре.

Дэрен посмеивается:

– Биафрийцы думают, что минералы – дар их верховного бога. А еще у этого бога есть ангелы, рангом поменьше, которые летают и сажают ямс на их полях. Такой примитивный народ не заслуживает природных богатств.

Сердце Айфи все еще замирает, когда так говорят о Биафре.

Боевые мехи – якобы подарок Дэрену и нигерийцам. Дэрен называет их игве. Несмотря на возможные недостатки, качество американской военной техники остается непревзойденным.

Она знает, что их заставят сделать и куда направят. Она уже видит грязные биафрийские лагеря, на которые они будут сбрасывать бомбы, ржавых биафрийских мехов, которых они раскроят, как бумагу. У нее болит сердце, ведь это означает, что Дэрен отправится сражаться.

Но когда она украдкой бросает на него взгляд, ее сердце ликует. Суперорел Нигерии.

Его чествуют на каждом футбольном матче. Приветствуют. Особенно горячо, если Нигерия принимает команду из другой страны. И когда нигерийский нападающий забивает гол, поле буквально взрывается эмоциями. Забивший гол делает сальто или выкидывает еще какой-нибудь акробатический кульбит, и указывает на Дэрена, где бы тот ни сидел в толпе, как бы говоря: «Мы делаем это для тебя, великий защитник Нигерии!» Но Дэрен всегда напоминает, что он не король, не принц, не член королевской семьи. В конце концов, у нас демократия. А он просто скромный пилот. Его слова вызывают взрыв веселья, все знают, что он в одиночку переломил ход нескольких решающих сражений с начала гражданской войны. Если Нигерия сейчас вплотную подошла к тому, чтобы разгромить Биафру, то это благодаря ему.

Мужчины тихо смеются. Снова пожимают друг другу руки. Айфи старается не морщиться. Дэрен подходит к ней:

– Ну что, видела?

В небе все еще стелется легкий след дыма, оставленный шаттлом.

– Потрясающе!

Дэрен гладит ее по голове, слегка сжимая косички.

– Я бы тоже выбрал это слово.

Они долго стоят и смотрят на тающий след в небе.

– Я знаю, что тебя тревожит. Война и как долго все продлится. Мы почти закончили. – Дэрен говорит о войне так, словно эта тема только для взрослых. Будто надо долго объяснять и она все равно не поймет. Редкий случай, когда она теряет терпение, слушая его. – Скоро наступит мир. – Он наклоняется ближе к ней. – Может быть, тогда эти вонючие ойнбо оставят нас в покое.

Айфи хихикает над шуткой, но на сердце беспокойно.

По пути к гаражу она лезет в карман. Пальцы натыкаются на что-то, и она вытаскивает бумажного журавлика. Он помялся так, что его уже не расправить.

Глава 17

Онайи пробуждается, ее держат ремни в кабине. Слышен скрежет лазерной пилы, прорезающей корпус ее меха. Дождь искр летит на нее. Она ребенок. Это всего лишь сон. Но она не может избавиться от него.

Она тянется к пряжке, освобождается от ремней и падает, как только отслаивается первый кусок металла над ее головой. Тут где-то должна быть винтовка, пистолет. Что угодно, чтобы защититься от нигерийцев, которые сбили ее. Или хотя бы чтобы не даться им в руки живой. Металл над ней трещит, внутрь разломанного меха врывается поток воздуха. Чьи-то руки внезапно подхватывают ее и рывком вытаскивают наружу.

От пота все тело скользкое. Под кожей разгорается жар – начинается лихорадка. Адаиз. Где Ада?

Она пытается сопротивляться, но солдаты гораздо сильнее. Просто гиганты. Один тычет прикладом винтовки в затылок, колени подламываются, и она падает на землю.

Ее тащат туда, где ждут еще несколько солдат, среди них пилот, который ее сбил. Он снял маску, лицо открыто. Онайи понимает, что это означает. Ей не уйти отсюда живой.

Ее боевые подруги корчатся от боли на земле. Кто-то молча, извиваясь всем телом, кто-то истошно кричит. Онайи смотрит вправо и видит, как там плещется что-то раскаленное и шипящее, а потом – как нигерийские солдаты бросают очередную девочку из Биафры на землю. Собираются пытать. Сердце Онайи сейчас выскочит из груди. Взгляд перебегает с одного солдата на другого – может, удастся у кого-то выхватить оружие.

Солдаты подтаскивают Онайи к пню, который уже залит красным. Самый здоровый тянет ее руку, другой держит так, что не дернуться. Первый со всей силы толкает ее вниз и прижимает руку к пню. Как ни сопротивляйся, вырваться невозможно.

Пилот, сбивший ее, выходит вперед. У него лазерный нож. Клинок длиной как рука до локтя. Шагает медленно, уверенно. Ухмылка на лице – звериный оскал.

Онайи выворачивает шею, чтобы посмотреть вверх – на него. Рыча, ощеривает зубы. Она все еще пытается дергаться в руках солдат, но знает, что сопротивление бесполезно. Все равно. Пусть видят, что она не сдается.

– Лучше убей меня, нигерийская собака, – шипит Онайи. – Если оставишь в живых, я до тебя доберусь.

– Стервятница, – с сожалением говорит пилот, качая головой. – Чем будешь держать оружие?

И заносит клинок.

Что-то толкает Онайи в ногу. Или крыса, или еще какое-нибудь мелкое животное. Она не будет его убивать. Ей не до того, чтобы наказывать неразумное существо за то, что оно следует зову природы. А если это змея, что ж, пусть кусает. Мозг затуманен. Мир – сплошная клякса мельтешащих красок. Пинки не прекращаются. Наоборот, становятся настойчивее. И это ботинок. Чей-то ботинок.

Очертания мира становятся четче. Все проясняется. Туман исчезает. На нее напали. Она перекатывается на спину и вскакивает, держа в руке нож. Но двигается слишком быстро. Ее настигает головокружение, мир снова вращается. Она почти падает, но чья-то рука крепко обхватывает ее и возвращает в вертикальное положение. Онайи моргает. Хотя солнце светит так ярко, что не видно ничего, кроме силуэта, она все равно понимает, кто это.

– Когда ты в последний раз мылась? – спрашивает Чинел. – Тебя называют Демоном Биафры, потому что, когда к тебе подходишь, сразу понимаешь, как пахнет в аду.

Онайи моргает быстрее, пытаясь избавиться от головокружения. Чинел перекидывает ее руку через плечо. От нее пахнет цветочными духами. Форма аж хрустит, четкие, отглаженные линии. Ни единого пятнышка.

Когда они выходят из тени на солнце, кожа Чинел буквально светится. Пота нет совсем – ни пятен под мышками, ни капель на лбу. Онайи кладет голову ей на плечо, и Чинел почти несет ее. Слышно, как под кожей Чинел мурлычут механизмы. Система охлаждения? Это уже жульничество, хочет сказать Онайи. Хотя бы чтобы снова увидеть усмешечку, которой Чинел одарит ее в ответ.

– Твоего Буру Ибу отправим обратно в Энугу. – Чинел говорит с ней самым обыденным тоном, хотя туман снова окутывает Онайи и грани реальности размываются. – Я говорила с генерал-майором. В чем-то убедила, в чем-то нет, но главное – договорилась, что тебе нужен перерыв. Ты практически в одиночку расчистила нам путь к Среднему поясу. Тебе положен длительный отпуск.

Ноги Онайи волочатся по земле, она их почти не чувствует. Оглянувшись, она видит ребенка, идущего позади с ружьем наперевес. Лицо ребенка скрывает низко надвинутая шляпа. Он не идет, а марширует. Как машина. Онайи едва держит голову. Рот будто набили ватой. Не получается даже набрать слюны, чтобы сплюнуть. Она хочет позвать ребенка. Айфи… Айфи… Не может быть. Нет. Айфи мертва. Айфи в братской могиле.

Чинел ослабляет хватку. Дверь открывается, и Онайи

внезапно оказывается внутри маглева «Рендж-Ровер». Единственное, что есть здесь грязного, – сама Онайи.

Смутно доносится голос, вроде бы спрашивают, нужно ли ей воды. Подушки так приятно касаются тела. В них можно утонуть.

Сознание чуть прояснилось, и она понимает: если закрыть глаза, кошмары немедленно нахлынут. Она снова склонится над планшетом, который несколько лет назад протянул ей генерал-майор. Снова будет смотреть на то, что в тот день перевернуло ее мир.

Искромсанные, изувеченные тела. Беспорядочная куча рук и ног. Некоторые изрешечены пулями. На месте оторванных рук у одних видны провода, у других – кости, еще не побелевшие от солнца. Желчь поднимается в горло Онайи, но ее побеждает холод. Тело леденеет. Что-то очень важное вымерзает глубоко в ней.

Наверху страшной свалки – а там явно убитые недавно – лежит то, что осталось от Айфи. Она изуродована до неузнаваемости.

Онайи известно: самое правильное – плакать. Но она не может горевать даже сейчас. Сколько ни горюй, Айфи не вернешь. Убийства тоже не помогут. Но Онайи знает, что делать дальше. И она держится за это знание, как за обломок дерева в океане, покрытом нефтяной пленкой. Это все, что у нее осталось.

Когда Онайи выбирается из воспоминаний, за окном джипа виднеются одноэтажные и двухэтажные магазины делового центра Энугу. Столица Биафры. Страна игбо. Над магазинами там и сям возвышаются многоэтажки с крошечными квартирами. Это однокомнатные помещения, жители которых делят общую кухню. Квартирки смотрят друг на друга, и здания образуют квадрат, в центре которого – вход. Она слышала, что такие жилые комплексы называли «лицом к лицу».

Флаги развеваются на ветру, который дует с холмов, окружающих город.

На улицах полно людей, они расступаются, когда проходит колонна военных. Онайи не слышит, как прохожие выкрикивают приветствия, только видит, что их рты беззвучно двигаются. Дети бегут рядом с джипами, размахивая флагами. Ojukwu, nye anyi egbe ka anyi nuo agha! Оджукву, дай нам оружие, чтобы сражаться!

Чибуикем Мозес Тунде Оджукву. Премьер-министр Биафры.

В конце концов джип останавливается во дворе жилого комплекса. Из некоторых окон за ними наблюдают. Чинел протягивает руку, чтобы помочь выйти Онайи, но она отмахивается, выжидает секунду и спрыгивает на твердую землю.

Еще несколько секунд на то, чтобы собраться с силами, – и распрямляется.

Чинел проводит Онайи через двор, где дети ухаживают за садом под присмотром седобородого человека. Должно быть, учитель. Они идут к лифту, который поднимает их на несколько этажей.

Свет в коридоре пробивается только через окно в дальнем конце. Когда они добираются до последнего блока квартир, Чинел прижимает электронную карточку-ключ к замочной скважине. Дверь плавно отъезжает.

Внутри – кровать и больше ничего.

– Я им сказала, что тебе ни к чему роскошь типа телевизионных обоев и корзины с фруктами, – говорит Чинел, улыбаясь. – Тут мало кто видел солдат, пришедших с фронта. – Она мягко похлопывает Онайи по спине. – Ты должна отдохнуть. Говорю не только как друг, но и как твой командир. – Она вкладывает карточку-ключ в ладонь Онайи и сжимает ее пальцы. – Не выходи без карточки, а то останешься снаружи. – Чинел делает шаг за порог. – Кто-нибудь из девочек придет к тебе утром. – Ее лицо смягчается. Шутливость пропадает, и в глазах светится грусть. – Хорошо, что ты дома, сестра моя. – Чинел улыбается и закрывает за собой дверь.

У Онайи снова болят руки и ноги. Она ложится на кровать, устраивает голову на подушке и чувствует облегчение.

По коридору кто-то бегает, топает и скачет, прямо у нее за дверью. Она слишком устала и не может двигаться. Потом слышатся голоса детей.

– Тыщ-тыщ-тыщ-тыдыщ! – кричит один ребенок.

– Дррр-та-та-та-та, – дробью отбивает второй.

И еще:

– Бах! Бах! Ба-бах!

Хихиканье, беготня взад-вперед. Онайи старается улыбнуться, ведь это дети играют так близко. Но она слишком хорошо знает, каким звукам они подражают.

Они играют в войну.

Глава 18

Айфи ныряет под простыню. На ней только скинсьют, в котором системы обогрева и охлаждения можно настроить, нажав пару кнопок на ключице. Она переводит костюм в автоматический режим, и он коннектится к ее нервной системе. Теперь скинсьют будет сам подстраиваться под температуру тела, и ей не придется просыпаться и вводить новые команды всякий раз, когда становится немного некомфортно. Она только что помыла голову и собрала волосы в узел. Но еще не деактивировала Акцент.

Уже в кровати она поворачивает бусину-кимойо на браслете, и перед глазами возникает голограмма. Сначала картинка светится голубым, затем золотая вспышка освещает нити, очерчивающие силуэты людей в помещении. Потом появляются цвета, и Айфи уже видит людей на смотровой площадке.

Она может легко приглушить свет в своей спальне, но это комната на одного человека, хотя в основном в общежитии живут по двое, иногда по трое. Айфи нечем украсить жилище. Никаких семейных фотографий или памятных вещей, вроде бумажных книг, доставшихся по наследству. Никаких украшений, одежды и сувениров от братьев и сестер. Свет голограммы падает на стол, на котором лежат несколько планшетов, несколько браслетов кимойо для запястий, ножные браслеты и несколько бумажных журавликов, помятых и потемневших от времени.

Но никто не слышит диалог, который слышит она.

Воздух плавится от их натужной непринужденности. Они изо всех сил стараются естественно вести себя с Дэреном, но получается плохо: или слишком натянуто, или чересчур раскованно, а когда смеются, смех звучит преувеличенно громко.

Но один говорит уверенно. Затрагивая месторождения и корпорации, он почти шепчет, будто и правда боится, что их подслушивают. Вскользь упоминает, что Дэрен может стать очень богатым, и тогда Дэрен смотрит на него сверху вниз так, что Айфи недоумевает, что же случилось между ними и почему у Дэрена так быстро изменилось настроение. Но по его выражению, по тому, как высоко он держит подбородок, понимает. Я не такой, как вы, говорит его поза, волны, которые от него исходят. Ей не нужно проникать в его мозг, чтобы узнать это. Не все, что я делаю, я делаю для себя.

Ничего нового Айфи, конечно, отсюда не вынесет. Просто еще одна возможность убедиться, как хорошо она умеет взламывать ближайшую камеру наблюдения с нужным ракурсом, чтобы

видеть лицо каждого из группы. Кроме того, она рада, что аудио такого хорошего качества.

Один из ойнбо говорит:

– Вы же их как-то называете, да? Udene? Стервятники?

Все умолкают. Это спросил тот, уверенный. Айфи запомнила: его показатели жизнедеятельности лучше, чем у остальных. Он довольно спортивный, хотя ясно, что большая часть тела механизирована. Глаза цвета льда, а волосы такие, словно солнце забрало из них весь цвет.

Дэрен неодобрительно смотрит на него и долго молчит. Потом говорит:

– Да, мы их так называем.

На голограмме он неподвижен и напружинен, как будто готов броситься на любопытного и взять за горло. Айфи видит, что все вокруг именно этого и ждут. Их нервы натянуты.

– И я вам скажу. – Дэрен делает шаг к мужчине. – Вам лучше не знать, как они называют вас.

Запись на секунду подвисает. Дэрен в нескольких сантиметрах от него. Лицо ойнбо исказилось. Зрачки расширились от страха. Айфи чувствует гордость, что Дэрен вселяет такие чувства в чужестранцев.

Потом ее мысли обращаются к воздушным биафрийским мехам, вступающим в бой с нигерийскими военными силами. Стервятники.

Радость куда-то испаряется. Айфи смотрит на мерцающий экран, потом удаляет запись не колеблясь. Она не хочет поддаваться искушению пересмотреть ее. Костюм охлаждает кожу и регулирует сердцебиение, подготавливая тело к хорошему сну по режиму. Но ум не прекращает работать.

Айфи до сих пор не может спокойно слышать, когда стервятниками называют тех, кто похож на Онайи.

Глава 19

Онайи нужно несколько секунд, чтобы вспомнить, где она. Она пытается встать, но все так онемело, что ее будто приковали к кровати. Внезапно до нее доходит: это самый долгий отдых как минимум за последний месяц, а скорее, за последние четыре года. Сражения. Перемещения из лагеря в лагерь. Онайи привыкла спать стоя, с винтовкой на плече. Иногда, сидя в мехе, удавалось закрыть глаза и подремать минуту-другую, пока не приходил приказ отправляться в очередной бой.

Онайи оглядывает комнату и не может найти винтовку. Переодеться не во что, только камуфляжные штаны да рваная темно-зеленая футболка, в которой она спала. В окно льется солнечный свет. По расположению лучей понятно, что сейчас утро. Но разум все еще затуманен. Тело болит, словно она переела сна и теперь ее тошнит от несварения.

Все же она заставляет себя сесть в постели, невзирая на боль и скрип суставов, и сгибает пальцы металлической руки. Трогает щеку живой рукой, нащупывает вмятины, оставленные металлом. Усмехается: некоторые привычки не умирают.

С трудом поднявшись, растягивает все тело. Наклоняется, касаясь живой рукой пальцев на ногах. Щелчки раздаются вдоль всего позвоночника. Она выполняет каждую растяжку медленно, даже продолжает зарядку сидя. Ей нужно время, чтобы переориентироваться, вспомнить последний бой и зачистку нигерийского лагеря, и как Чинел нашла ее, и как они потом ехали в джипе. Она помнит Энугу отдельными вспышками, как глючную голографическую запись. И все время – призрак ребенка, который, казалось, постоянно парит где-то возле Онайи, оставаясь невидимым. Призрак Айфи.

После растяжек она садится на пол и прижимает ладони к глазам. В голове ясность, какой не было давно.

Она выходит из комнаты.

Идя по другому коридору, находит большую комнату отдыха. Мебель в беспорядке, сдвинута, перевернута – здесь играют мальчишки. Кто-то из них лежит вниз головой на диване, ноги болтаются в воздухе, он подбрасывает и ловит мяч. Несколько развалились в креслах, одна нога на подлокотнике, другая на полу. Онайи насчитывает пятнадцать человек, почти все подростки. Все равно еще дети. Генерал-майор подыскал бы им работу.

Маленький мальчик с тарелкой еды в руках подходит к двери, один из валяющихся на диване, не поворачиваясь к нему,

командует басом:

– Толуоп, включи-ка свет.

Маленький послушно идет к выключателю, но другой мальчишка, с дивана напротив, басит еще страшней:

– Толуоп, если тронешь свет, убью.

Кучка подростков смеется, а тот, что лежит вверх ногами, говорит:

– Не приставай к моему бро. А то получишь у меня.

– Да ладно, ладно, – бурчит один из задир, и малыш садится на диван к своему защитнику.

Громкий стук заставляет всех вскочить навытяжку. Молодая женщина с палкой в руках стоит на входе недалеко от Онайи. Она стучит палкой по дверному косяку еще дважды. Все, даже маленький мальчик с тарелкой, замерли.

– Тренировка по рукопашному бою через пять минут. Вы должны одеться и быть снаружи через две, – говорит знакомый голос.

Начинается быстрая возня, мальчишки еще хихикают над какой-то шуткой, и все разбегаются по разным коридорам. Со всех сторон хлопанье открывающихся и закрывающихся дверей и топот босых ног.

Наставница заходит в опустевшую комнату. Качает головой при виде беспорядка. Поворачивается. И тут Онайи видит ее лицо.

Кесанду.

У Кесанду расширяются глаза. Жесткость мгновенно исчезает. Она бросается к Онайи и крепко прижимает к груди.

Не отпуская, отодвигает от себя и оглядывает сверху донизу. Даже сейчас, в момент радости, у нее очень крепкая хватка.

– Боже мой, Онайи. Я слышала, что ты здесь, но не могла поверить. Про то, как ты воюешь, столько историй ходит, но Чинел говорит, половина – выдумки. Боже мой, боже мой… Это и правда ты. – Она запинается от волнения. Сейчас Кесанду похожа на себя в детстве.

И тут Онайи замечает мальчика, лет одиннадцати-двенадцати, ростом примерно по пояс Кесанду. Его кожа вся в пятнах, местами совсем обесцвечена. Похоже на витилиго.

– А, да. – Кесанду перехватывает ее взгляд. – Это Калу. Мой абд. – Кладет руку ему на голову. – Калу, это твоя тетушка Онайи.

У мальчика каменное лицо. Ни страха, ни любопытства. В глазах ни единой эмоции. На плече кобура, на ремне – нож в ножнах.

– Поздоровайся с тетушкой Онайи.

Мальчик выбрасывает вперед руку. Так быстро, будто

выхватывает пистолет.

Онайи берет его ладонь в свою, и он стискивает ей пальцы. Слишком сильно. Механизмы в руке Онайи гудят и жужжат до тех пор, пока мальчик не отпускает ее.

– Давай я тебя отведу к остальным, – говорит Кесанду. – Они на полигоне. Они так обрадуются, что ты здесь.

Выходя из комнаты, Онайи не может глаз отвести от мальчика.

– Твой абд? – тихо переспрашивает она Кесанду.

– Да. Очень способный. Покажу тебе, когда выйдем на улицу.

Онайи пытается подобрать подходящее слово на игбо, но его не существует. Она слышала его только от фулани и от нигерийцев с севера.

По-арабски «абд» означает «раб».

Ветер относит отрывистый треск выстрелов к холмам и дальше, через горы, окружающие полигон. Кесанду ведет джип вверх по едва прикрытым магнитным рельсам, уходящим в поле. Когда они добираются до места, Онайи видит повсюду девушек: одни рассеяны по стрельбищу, другие собрались небольшими группками. Маленькие мальчики, такие же как абд Кесанду, стоят на своих местах возле ящиков с боеприпасами и стреляют по мишеням, которые еще не видны Онайи.

Онайи слышит голоса девушек уже издалека. Они кажутся старше. Вполне ожидаемо. Прошло четыре года. Как сильно человек может измениться за четыре года?

Джип останавливается, Кесанду и ее абд выпрыгивают наружу. Онайи медлит, и, как только выходит из машины, ноги подкашиваются. Она опирается о капот, пытаясь восстановить равновесие, смотрит на Кесанду и Калу, которые уже ушли вперед. Кесанду что-то кричит, обернувшись, показывает на Онайи.

Кто-то роняет то, что держал в руках. Кто-то бежит навстречу Онайи. Кто-то просто застыл на месте и радостно улыбается. Словно все выиграли какое-то тайное пари. К Онайи несется Обиома. Останавливается на полпути и кричит через плечо:

– А вам кто сказал перестать стрелять?

Прекратившаяся было стрельба возобновляется.

Когда Обиома подбегает, Онайи несколько секунд разглядывает ее.

– Ого-го! Блудная дочь вернулась! Мы про тебя наслышаны, да-да! Нам тут рассказывали! – Обиома похлопывает Онайи по спине.

Онайи остается только удивляться. Юная женщина перед ней неизмеримо далека от той застенчивой, дрожащей как осиновый

лист девчонки, которая едва выжила во время налета на лагерь четыре года назад. Что-то совершенно новое раскрылось в ней. Она ведет Онайи дальше. Онайи видит нескольких своих ровесниц, но кто из них кто? За эти годы можно было измениться до неузнаваемости. Онайи понимает, что должна бы сейчас радоваться встрече, радоваться, что ее подруги живы и невредимы, но прислушивается к себе и ничего не находит в душе. Только омертвелость.

Обиома подводит Онайи к их кружку.

– Нгози, – представляется девушка с косичками до талии.

– Джиника, – называет свое имя другая, в майке, с татуировкой на левом плече в виде полусолнца.

Каждая пожимает Онайи руку и отступает на шаг. Словно ждут, что она что-то им скажет. Будет соответствовать историям про Демона Биафры.

Нет никакого Демона Биафры, хочет сказать им Онайи. Есть всего лишь Боевая девчонка.

Онайи косится на маленького мальчика с винтовкой через плечо. Он стоит неподалеку за спиной Нгози.

– А, это Ннамди! – улыбается Нгози.

Ннамди берет винтовку наизготовку и целится. Справа от него другой абд раскладывает патроны для полуавтоматического пистолета. Руки и шея у него в таких же пятнах, как у Калу.

– Хорошо. Начинаем! – говорит Нгози.

Ннамди выпускает по три выстрела по мишеням, установленным в пятистах метрах. С каждым выстрелом мишени дребезжат, трясясь как в припадке. Он спокойно кладет «Беретту-AR70/90» на стол и машет кому-то вдалеке. Корректировщик. На столе коробка с патронами и две запасные обоймы.

– Ннамди! – Звонкий голос корректировщика слышен отчетливо. – Первый, в голову и грудь, – точное попадание. Второй, в голову и грудь, – точное попадание. Третий, в грудь, – точное попадание.

Онайи ждет, что мальчик улыбнется, но лицо его остается таким же бесстрастным, как у абда Кесанду. Механическим движением Ннамди отсоединяет приклад. Нгози кладет ему руку на плечо:

– На сегодня достаточно.

Он стоит неподвижно, как андроид, ожидающий указаний.

– Кто он? – спрашивает Онайи.

– Выживший, – отвечает Нгози, улыбаясь.

Джиника окликает кого-то:

– Голиб! Эй! Иди сюда!

Мальчик с дробовиком «Бенелли» подходит к ней.

– Да, мама, – говорит Голиб. Он чешется, на бритой голове отрастают волосы.

– Сгоняй, прибери патроны. И помоги корректировщику принести мишени.

Мальчик мчится в поле, в ту сторону, куда стрелял Ннамди. Он бежит ритмично и очень быстро. Онайи невольно следит за его движениями.

– Абды – они особенные, – говорит Джиника, поймав ее взгляд. – Лучше не видеть в них мальчиков.

– Что ты имеешь в виду?

– Они – оружие. Это новая программа Чинел. Каждая из нас работает в паре с абдом. Мы их тренируем для особых миссий. Для секретных операций. Когда нужно сделать какой-то тонкий ход, явно не для пилота меха, который несется напролом.

Джиника смотрит в сторону, произнося это, но Кесанду видит, как напряглась Онайи, как сжались ее кулаки. Она встает между ними, делая вид, что все в порядке.

– После того, как нигерийцы бомбят город или деревню, мы пробираемся туда и ищем, кого можно спасти. Некоторым еще можно сохранить жизнь с помощью киборгизации. Мы даем им новые тела, восстанавливаем разум и дарим шанс послужить стране, сражаться за Биафру. Приводим их в нормальное состояние и тренируем, как видишь.

Онайи наблюдает за всем этим и, возможно, из-за того, что наконец отдохнула, представляет себе слишком яркие картинки. Она ясно видит развалины после бомбежки бело-зеленых. Семьи, погребенные под руинами, биафрийцев, чьи крики о помощи заглушили кучи земли и пыли. Видит спасательные команды, которые перебегают с места на место, пытаясь вытащить людей из завалов. И в спасательных командах – вот эти самые девушки. Ищут мальчиков, чьи тела еще можно сохранить. Приделать к чьим-нибудь рукам и ногам. Трансплантировать кожу с дюжины других людей. Набор частей тела на искусственном скелете. Набор воспоминаний разных людей в одной черепной коробке. Понятно теперь, почему у них обесцвечена кожа.

– Они – синты, – с горечью произносит Онайи. Несколько лет назад именно синт разбомбил их лагерь. Тело, напичканное нейроданными, способное притвориться человеком. Тело, которое посылают выполнить задание. Без души. Без собственных мыслей. Раньше она видела только взрослых синтов. Андроидов, собранных так, чтобы максимально походить на взрослых людей. Здесь же что-то новое.

Кесанду придвигается ближе.

– Мы даем им шанс отомстить. – Она понижает голос и

добавляет: – Это то, чего они сами бы хотели.

– Как синт может чего-то хотеть? – Онайи смотрит на свою металлическую руку, сгибает ее. Так вот что имела в виду Чинел, говоря об отпуске. Она готовит ее к новой миссии. – Где кабинет Чинел?

Подбоченясь, Обиома хохочет:

– Ты прямо вот так к ней и заявишься?

– А что, она считает, что может просто забросить меня в общагу к этим мальчишкам и забыть о моем существовании? – Онайи усмехается, вытаскивает из оружейного ящика пистолет и засовывает за пояс. – Не переживай. Сама найду. Иди играй дальше с малышами.

Она пытается говорить шутливо, но на самом деле чувствует себя не в своей тарелке. Все это время один из абдов палит из пистолета. Звуки выстрелов с равными промежутками преследуют Онайи, пока она уходит с полигона.

Глава 20

Когда Дэрен рассказал Айфи про детей-солдат из Биафры, она почувствовала боль в сердце и тошноту. Отвращение до глубины души. Но шли дни, и это чувство сменилось иным, осознанием: она сама чуть не стала одной из них. Ребенком, попавшим в ловушку в кипящей войной Южной Нигерии. Вот во что бы ее превратили, если бы им хватило времени.

Думая об этом, она обходит с Дэреном лагерь, где расположены изоляторы, в которых содержат недавно попавших в плен биафрийских солдат. Для всех она – помощник старшего офицера Вооруженных сил Нигерии, подразделения мобильной обороны. Прилежно ведет записи, ассистирует офицеру в административных вопросах. Честь, которой не удостоился никто другой из студентов Нигерийского консорциума социальных и технических наук. Но она знает, что для Дэрена это просто возможность провести время вместе. И так хорошо, что Даурамы нет рядом, хотя Дэрен всегда с удовольствием находится в обществе родной сестры.

Ее пугают бетонные здания. Здесь все из бетона, а не из стекла и стали, как она привыкла в Абудже. В Абудже можно смотреть, куда душа пожелает, а здесь все закрыто от посторонних глаз. Даже охранники носят маски.

– Почему они скрывают лица? – спрашивает Айфи Дэрена. Их одежда развевается на ветру, сверкая. Бегущие по экрану шлема Айфи строки информируют о радиации. Здесь еще не установили Терминал. Территорию покорили лишь недавно, и воздух еще не очищен полностью. Но Айфи не беспокоится. Шлем – только дополнительный слой защиты. Акцент подсказывает, что уровень излучения низок. Достаточно будет принять ванну в регенерационном бассейне дома, чтобы быстро очиститься от пыли и химикатов, в которых может содержаться остаточная радиация.

Проходы между бетонными зданиями до сих пор не заасфальтированы. Облачка пыли с каждым шагом поднимаются вокруг лодыжек Айфи. Подол балахона Дэрена стал красно-коричневым от радиоактивной пыли, но его, похоже, это не волнует.

– Покажешь мне?

– Что, Кадан? – Он смотрит вперед, кажется, куда-то совсем далеко, за пределы видимости.

– Реабилитационный центр. Для детей. – Она хочет рассказать ему так много обо всем, что тревожит душу, обо всех

мыслях, что вертятся в голове. О том, что помнит про свою жизнь в лагере биафрийцев, о том, что едва не разделила судьбу этих детей, и о том, что у них есть шанс когда-нибудь разделить ее судьбу. Ей нравится думать об этих детях как о нигерийцах, о своих соотечественниках. Нравится думать о том, как их отведут в душ, постирают одежду, будут следить за их гигиеной, дадут им хорошее образование, жилье, научат, как вести себя и жить самостоятельно. – Я хочу увидеть их.

– Ты точно не хочешь посмотреть школу, которую мы строим? Это чуть подальше. Она очень простая, но только потому, что лагерь временный.

– Я хочу посмотреть, как выглядят эти дети.

Дэрен колеблется, потом улыбается и оглядывается в поисках ближайшего изолятора. Склонив голову, поворачивает и ведет Айфи за собой в очередной грязный проулок.

Только когда он кивает двум охранникам в масках, стоящим снаружи, и они входят в темный коридор, Айфи вспоминает, что Дэрен так и не ответил на вопрос про закрытые лица. К ним подходит еще один охранник, смотрит на Айфи сверху вниз и переводит взгляд на Дэрена.

Дэрен улыбается ему:

– У нас тут экскурсия. Это одна из наших лучших студенток в Абудже, ее интересует изучение повстанцев. Она думает, что станет антропологом, когда вырастет, но я лично убежден, что она захочет исследовать космос.

Айфи хмуро смотрит на Дэрена. Зачем он врет? Она вовсе не хочет «изучать» биафрийцев. Но если подумать… Разве не с таким намерением она пришла сюда? Поговорить, понаблюдать, узнать их привычки. Чем это отличается от изучения физики в аудитории или наблюдения в полях за полумеханическими животными, которых она хочет взломать? Понять, как они работают.

У нее нет времени разобраться. Гаркнув на других охранников, страж отдает им несколько приказов и снова смотрит на Айфи.

– Прошу прощения, мисс, но мне придется забрать ваши украшения.

– Что? – Айфи инстинктивно сжимает бусины кимойо. По спине мурашки от мысли, что придется войти в новое пространство без браслета. Акцент гораздо слабее без него. Кимойо усиливает его мощность. Она упустит столько данных! И не сможет читать мысли детей, узнать состояние их здоровья, уровень интеллекта, понять, какой эффект на их тела оказало постоянное воздействие радиации – если оказало вообще. Она

отступает к Дэрену, который приобнимает ее за плечи.

– Все в порядке, Кадан. – Его прикосновение дает уверенность и тепло. – Мы их заберем, когда будем уходить.

– Но зачем оставлять их?

Безликий страж делает шаг вперед:

– Хоть мятежники и за решеткой, они могут попытаться использовать наши технологии как оружие. Они очень сообразительные, пусть и необразованные. Нельзя их допускать ни к каким средствам, которые помогут им совершить побег или причинить вред нигерийцам, работающим здесь. – Лицо под маской вроде бы смягчается. – Это для вашей же безопасности. И нашей.

Айфи смотрит на браслет, нехотя поворачивает одну из бусин, чтобы отключить его. Поворачивает бусину на ожерелье и снимает его. Отдает украшения охраннику, и он кладет их куда-то – куда, не видно. Айфи едва не тянется за Акцентом, но вовремя спохватывается. Снять Акцент – уже чересчур. Слишком болезненно. Он почти прирос к ней. Как сережка, но внутри уха. Без Акцента она совсем потеряется. Охранник не замечает ее попытки.

Удостоверившись, что все в порядке, он ведет их через узкий проход, который, расширяясь, превращается в большой коридор. Здесь все из камня, и, попытавшись включить Акцент, Айфи понимает почему. Чтобы блокировать сигналы. Чтобы никто не мог подключиться к более крупным сетям. Она пытается представить, как это – не просто не иметь доступа к сети, но даже не надеяться когда-нибудь получить его.

Повернув за угол, они оказываются в следующем коридоре, по одну сторону его – одиночные камеры, некоторые пустуют. Дверей нет, вход кажется свободным, но Айфи видит легкое мерцание в воздухе и слышит слабый писк сигнальной лампы: детей в камерах удерживает силовое поле.

– У них специальные ошейники, – объясняет охранник Айфи и Дэрену. – Чтобы не делали лишних движений. Как что-то недозволенное – их бьет током. Хотя некоторые приспособились к боли. Поэтому мы установили еще одно устройство, чтобы наверняка. Если заключенный уходит слишком далеко от места, где должен быть, ошейник взрывается.

Айфи содрогается от ужаса. Заглядывая в камеры, она видит мальчиков, грязных, одетых в какие-то отрепья. Их даже не отмыли. Большинство сидит с опущенной головой, тело совершенно неподвижно. Она не понимает почему – от стыда? А может, от злобы? Другие смотрят прямо в лицо тюремщикам, бесстрастно и одновременно вызывающе. У многих в глазах

пустота.

– Их всех держат по отдельности?

Охранник взглядом сканирует каждую камеру, то и дело поворачивает голову, как в патруле.

– По отдельности держим старших, тех, кто прошел аугментацию. Они могут попытаться создать закрытые нейронные сети и устроить заговор.

– Все – мальчики? – Айфи чувствует, что спрашивает как ученый, а не как человек, обеспокоенный чужими проблемами. Ей это не нравится.

– В Биафре не особо ценят женщин. – Охранник усмехается. Вот и весь ответ.

Айфи хмурится. Это неправда, но что она может сказать? Что сама раньше жила с ними? Что солдаты, которые воспитали ее, были самыми неукротимыми бойцами? Что в их лагере женщины были и командирами, и учителями, и садовниками, и солдатами? Заговорить о Биафре так, что ее заподозрят в государственной измене?

– Семьи отправляют их воевать, потому что считают это патриотическим долгом. – Голос Дэрена тихий и ровный, будто он рассказывает про то, как передвигаются гусеницы. – Кто-то просто дичает в джунглях. Они только частично киборгизированы.

Дэрен заходит в одну из камер и смотрит на мальчика, свернувшегося клубком на полу.

– Неряшливая работа, между прочим.

Кажется, Дэрен еле сдерживается, чтобы не плюнуть на мальчика. Айфи никогда не видела его таким.

Она подходит ближе и поворачивается к охраннику.

– Они все – военные? Солдаты наших противников?

И Дэрен, и охранник удивленно смотрят на нее. Она говорит:

– Согласно статье три Центаврианской конвенции о правах ребенка, члены племени младше пятнадцати лет не могут считаться комбатантами. Это гражданские лица. Даже если им дали оружие.

Дэрен и охранник переглядываются, а Айфи продолжает:

– Это означает, что не позже чем через семьдесят два часа после взятия в плен они должны быть освобождены и размещены в гражданском убежище на территории вражеского государства.

Охранник резко разворачивается:

– Послушай, ты…

Дэрен поднимает руку, обрывая его на полуслове, и спокойно обращается к Айфи:

– Поэтому мы и строим школу для них. Несмотря на то что

многие только притворяются беженцами, несмотря на то что мы видим, что они пытаются нас обмануть, мы все равно даем им убежище. – Он смотрит на охранника, как бы ожидая подтверждения. – Здесь они накормлены. Им тепло. Они в безопасности. До них не доберутся свои, чтобы убить за то, что они сбежали или попали в плен.

И вот как с ними здесь обращаются. Айфи опускается на корточки и пытается заглянуть мальчику в лицо, но он не поднимает голову и не двигается. Она знает, что лучше не включать Акцент и не провоцировать охранника – наверняка он и сам аугментирован. Прямо перед ней, по ту сторону невидимой двери в камеру, есть проблема, которую она не может решить. Пока.

Она встает и разглаживает руками платье.

– Ну а где те, кто из плоти и крови?

На лице Дэрена снова читается удивление.

– Ну, через это место ведь проходят только те, кто киборгизирован? – Она нарочно делает упор на слове «проходят», чтобы охранник понял, что она не намерена настаивать на противозаконности содержания в плену. Если им, для беспрепятственного совершения военных преступлений, нужно говорить, что мальчики здесь временно, – пусть говорят. Может, он тогда не станет ей мешать. – Так мальчиков из плоти и крови держат в отдельном помещении?

Дэрен кивает охраннику, как бы говоря: я все контролирую, доверься мне. Охранник кивает в знак согласия:

– Идемте.

Они снова заворачивают за угол, и охранник быстро ведет их по следующему коридору, вероятно, чтобы Айфи не успела рассмотреть, что происходит в камерах. Пересекают залитый солнцем двор и переходят в другое крыло здания.

Коридоры здесь шире. В одной из стен окно, сквозь которое видно большое помещение. По нему ходят взрослые, без оружия. На рукавах белые и зеленые нашивки. Дети здесь разбиты на группы. Есть совсем маленькие – видно, только научились ходить. Некоторые прислонились к стене – эти постарше. Айфи видит через окно движение, дети общаются друг с другом. Одни вполне бойкие, другие замкнуты. Но все они… живые.

– Мне нужен доступ туда, сэр, – говорит она охраннику. Айфи уже срослась со своей ролью и знает, что она тут на особом положении. Привилегированная гражданка Абуджи. Одна из самых умных, блестящих студентов, чье предназначение с самого юного возраста – вести страну в будущее. Ей открыты пути в самые престижные университеты. Она займет место за одним

столом с теми, кто управляет Космическими Колониями. Так кто такой этот охранник, чтобы отказывать ей в доступе в это помещение детской тюрьмы?

Охранник стучит пальцем по наушнику, произносит несколько слов, и дальше по коридору распахивается дверь. Войдя, Айфи видит рисунки, развешанные на стене. Одна из картинок – как будто взгляд сверху: солдаты, взрыв, руки и ноги, взлетевшие в воздух. Шахид. Террорист-смертник. Кто-то в бронежилете в правом нижнем углу листка внимательно смотрит на эту сцену. И на Айфи. На другом рисунке – нигерийский самолет с бело-зеленым флагом на боку, вооруженные биафрийцы внизу страницы падают под его огнем. Она поворачивается к группке детей – один смеется не переставая. Почесывает голову, застенчиво хихикая. На полу валяются игрушки.

Надзирательница с улыбкой встречает Айфи и Дэрена:

– Сегодня у многих прогресс. С ними работать легче, чем с киборгизированными. Тем биафрийцы изменили лимбическую систему, изменили эмоциональные центры, поэтому они не чувствуют горе, грусть. Но эти дети… – Она широким жестом обводит группу детей позади себя. – Здесь есть надежда.

Айфи наклоняется к мальчику постарше, угрюмо стоящему у стены.

– А у него?

Женщина опускает голову.

– Некоторые чувствуют вину. За то, что попали в плен.

Она не стесняется говорить в полный голос, и Айфи догадывается: она считает, что никто из детей не понимает ее язык – хауса с примесью арабского. – Некоторых посылали в учебные лагеря в лесу, где из них готовили отборных солдат. Там условия – еда, кров – были лучше, чем в деревнях. Они были надеждой для своих семей. А теперь они в плену.

– Их выпускают наружу? – спрашивает Айфи. – Они видят солнце?

– Разрешен час на свежем воздухе днем. Но они из плоти и крови, поэтому не могут долго находиться в радиоактивной среде, – вздыхает женщина. – А некоторые потом отказываются от лечения, и приходится… силой загонять их в заживляющие ванны.

Айфи хмурится, затем подходит к кружку с хихикающим ребенком. Кто-то поднимает голову, завидев ее. Она садится на ковер рядом с ними и улыбается.

– Это я нарисовал вон ту картинку, – говорит один мальчик, показывая на рисунок с самолетом. – Когда я поправлюсь, стану

пилотом. Я хочу помогать своей стране.

Айфи улыбается.

– А я хочу стать инженером-строителем, – кричит другой.

Хихикающий мальчик замолкает.

– А ты? – улыбаясь, спрашивает его Айфи.

Он прячет лицо в ладонях, глубоко вздыхает.

– Я не люблю жестокость, – говорит он. Голос звучит приглушенно из-за рук. – Война, кровь. Мне все это не нравится. Я надеюсь на мир. – Он снова замолкает. – Иногда мама дает деньги на печенье, и я покупаю двадцать листов бумаги, чтобы рисовать. Я могу стать великим художником, знаменитым во всем мире. Иногда тут слишком пыльно. Из-за этого воду трудно пить, и еще почти ничего не видно.

– Например, чего?

– Например, розы.

Айфи моргает.

– Розы, которые растут на стене.

Айфи хмурится и смотрит по сторонам, но не видит ничего, кроме рисунков на стене, которые почему-то начинают дрожать. Пол вибрирует. Дэрен кидается к Айфи как раз в тот момент, когда снаружи раздается взрыв.

Все падают на пол. Надзиратели выхватывают одеяла из шкафов и собирают детей вокруг себя. Мальчик, который расслабленно стоял у стены, несется к остальным, взрыв согнал с него безразличие.

Дэрен накрыл собой Айфи. На них сыплется пыль. Свет мигает, затем включается снова. Слышно, как снаружи солдаты кричат и отдают распоряжения. Айфи закрывает глаза, ее уносит назад, в прошлое, в лагерь Боевых девчонок. Она видит, как летят мехи, поливая огнем дома. Онайи мчится в мехе по воздуху, стреляя в танки-крабы, которые крушат школу и теплицы. Воспоминания овладели ей. Она чувствует запах гари, слышит грохот выстрелов, видит землю, камни и осколки металла, взлетающие в воздух с каждым взрывом…

Через некоторое время все стихает.

Еще несколько долгих секунд никто не двигается. Надзирательницы не видно. Солдаты выстроились вдоль стен, выглядывают в окна, стараясь не попасть на возможную линию огня.

Мальчик, который хихикал, теперь улыбается.

– Что это было? – спрашивает одна из воспитательниц.

Дэрен, похоже, забыл, что Айфи здесь. Только так она может объяснить его мгновенный ответ:

– Стервятник подорвал себя возле здания.

Хихикающий мальчик пристально смотрит на Айфи. Он больше не смеется, но его улыбка пугает.

– Розы, – говорит он. – Когда пыль сойдет, на стене будут новые розы.

У Айфи падает сердце.

Розы.

Мальчик думает, что пятна крови на стенах – это розы.

Глава 21

Немного поблуждав по территории и поспрашивав встречных офицеров и солдат, куда идти, Онайи в конце концов находит корпус, где, как она полагает, и расположен штаб, которым руководят из Энугу. Выглядит как пристройка к университетскому кампусу. Во дворе и вдоль коридоров все еще висят таблички «Университет Энугу», но никто здесь не похож на студента. Молодые женщины и мальчики дежурят на постах, кто-то стоит у орудий на башнях, кто-то с винтовками в руках сидит на перевернутых ящиках.

Онайи бродит по коридорам. Карта, которую она скачала, устарела и не показывает, где чей кабинет. Но ее все пропускают, репутация явно ее опередила. Может, Чинел лично сказала всем, кто она такая, и велела предоставить полную свободу. Может, они слышали, как она расправлялась с бело-зелеными. Может, ее фото гуляют по местным планшетам. Онайи изучает лица, пытаясь распознать реакцию. Она привыкла видеть страх в глазах людей. Но во взглядах светится уважение. Некоторые даже отдают честь, хотя она не имеет никакого звания. Целую вечность она чувствовала себя не то странствующим солдатом, не то призраком, но никак не частью военного формирования или иной структуры. Кружащим демоном, который летит, куда укажут, стреляет, рубит, громит, врезаясь во вражеские ряды. Демоном, которому генерал-майор указывает на врага. Ojukwu, nye anyi egbe ka anyi nuo agha! Оджукву, дай нам оружие, чтобы сражаться!

Она останавливается – похоже, дошла до места. Деревянные панели на стенах, двустворчатая дверь. Перед дверью два охранника. Они кивают ей, как бы говоря, что Чинел сейчас не занята. Хотя она и не принимает посетителей, для Демона Биафры вход свободен.

Один прикладывает ее большой палец к кнопке на панели, и дверь открывается.

Онайи видит Чинел, которая склонилась у стола и разглядывает голограмму. Онайи входит.

Как только за ней закрывается дверь, она получает сильный удар в лицо. От неожиданности едва не падает, обретает равновесие в последний момент. Как раз вовремя, чтобы отразить следующий удар. И еще один. Кулаки бешено мелькают перед ней. Кулаки мальчика. Невероятно быстро. Все же удается перехватить кулак, и, когда она готова ударить в ответ, мальчик вырывается, уворачивается и наносит два яростных удара по

ребрам. Апперкот – и она отшатывается назад. Он снова бросается к ней. Онайи удается отшвырнуть его от себя.

Он влетает в книжную полку, и несколько толстых книг грохаются ему на спину.

И снова налетает. Онайи хочет пнуть его, но он хватает ее за ногу. Она подпрыгивает и бьет его другой ногой по лицу. У нее буквально секунда, чтобы перевести дыхание.

Мальчик снова бьет. Она блокирует. Еще удар, еще удар. Молниеносно. Она отражает их ладонью, предплечьем. Следующий удар приходится на плечо. Мальчик кидается и начинает душить ее. Как ему удается так долго двигаться в немыслимом темпе? Откуда в маленьком теле столько силы?

Онайи вспоминает про пистолет в кармане.

Мальчик пытается двинуть ей по голове. Она пригибается, проскальзывает ему за спину и приставляет пистолет к затылку. Крутанувшись, он отбрасывает ее руку. Пуля попадает в окно. Следующая пробивает пол. Снова и снова она делает разворот, но, как только собирается выстрелить, мальчик отбрасывает ее руку. Еще попытка – и он бьет ее по запястью так сильно, что пистолет отлетает к окну.

Мальчик выпрыгивает вверх. Онайи блокирует очередной удар металлической рукой и за долю секунды до того, как он рушится на пол, замечает удивление на его лице.

Она пытается зажать ему голову, но он откатывается – снова упустила. Бой продолжается.

Она блокирует удар, нацеленный в грудь, но он настолько силен, что ее кидает назад. Она наносит встречный удар локтем и едва не вцепляется противнику в горло, но он выворачивает ей руку. Трещат суставы. Онайи кое-как высвобождается. Оба тянутся к горлу друг друга. Ситуация патовая.

Только сейчас Онайи слышит, как Чинел из-за стола кричит, стараясь остановить их:

– Chineke mbere! Господи, помоги мне! – В голосе, несмотря на напряжение, пробивается смешливая нотка.

Противники смотрят на Чинел, сжимая друг друга мертвой хваткой, кровь струится из уголков рта, волосы у обоих пыльные, всклокоченные.

Чинел качает головой:

– Чиамер! Оставь ее.

Неохотно, с умоляющим взглядом, Чиамер выпускает Онайи из железных тисков.

Через секунду она делает то же самое, затем массирует горло, откашливаясь.

– Дай угадаю, – говорит она, когда восстанавливается

дыхание. – Твой абд?

– Ты уже проверила его?

– Он напал первым. – Онайи расправляет одежду и касается пальцем губы. Кровь все еще идет. – Я даже не заметила, – говорит она скорее себе, чем кому-то еще.

Она никогда не видела, чтобы кто-то двигался так быстро в рукопашном бою. И так точно использовал тесное пространство. Она понимает, что каждый раз, когда стреляла, Чиамер разворачивался так, чтобы она никоим образом не попала в Чинел.

– Он запрограммирован. Его главная задача – защищать меня любой ценой. Даже ценой собственной жизни. Такой же солдат, как и ты, Онайи. – Чинел словно оправдывается. – Он сражается не хуже нас. – Усмехается, глядя на кровоточащую губу Онайи. – Или даже лучше. У меня есть что тебе показать. Пойдем.

Она проводит Онайи через заднюю дверь, и они попадают в комнату, похожую на спартанского вида спальню, как у Онайи, разве что чуть более обжитую.

Кровать, тумбочка, на тумбочке планшет. У дальней стены лампа. Перед кроватью стоит мальчик, лет десяти-одиннадцати, не старше.

Чинел с удовлетворением смотрит то на него, то на Онайи.

– Онайи, познакомься. Это твой абд, Агу.

Они долго молчат. Потом Онайи нервно спрашивает:

– Мне пожать ему руку?

– Как хочешь.

– А что бы ты сделала?

– Обласкала бы и приготовила ему шашлык, – мурлычет Чинел. – Какая тебе разница, что бы я сделала?

Онайи хмурится. Сарказм Чинел кажется неуместным. Она смотрит на абда и совершенно не понимает, как быть дальше.

Чинел уходит, потом возвращается с пистолетом Онайи. Отдает ей.

– Пусть покажет тебе, что он умеет. – Она сжимает плечи Онайи и понижает голос: – Попроси разобрать.

Онайи протягивает Агу пистолет, рукоятью вперед.

Агу держит его перед собой, будто никогда в жизни не видел оружия.

– Разбери, – приказывает Онайи.

Несколько секунд – и детали пистолета лежат на кровати, вынута даже пружина. Закончив, Агу складывает руки за спиной и спокойно смотрит на Онайи.

Онайи не верит своим глазам. Однако после всего, что она сегодня видела, она уже понимает, на что способны такие вот

мальчики. И как легко они умеют разрушать.

– Теперь собери, – говорит она.

Агу тянется к пистолету, но Онайи перехватывает его запястье:

– Закрой глаза, – и отпускает.

Поколебавшись секунду, Агу закрывает глаза. Его руки танцуют над деталями, пока пистолет не возвращается в первоначальный вид. Мальчик выдыхает, открывает глаза и передает его Онайи рукоятью вперед.

На этот раз Онайи уже не так поражена. Она усмехается. Невозмутимое лицо мальчика расплывается в улыбке, словно он принес из школы отличную оценку и показывает дневник старшей сестре.

– Добро пожаловать в программу «Абд»! – ухмыляясь, говорит Чинел.

Глава 22

Айфи долго сидит одна в лимузине-маглеве. С Акцентом она может подключиться к системе наблюдения, смотреть сквозь непрозрачные окна автомобиля, поворачивать камеры, чтобы увидеть, как, например, осела пыль. Она может посмотреть информацию об устройстве автомобиля, о том, способен ли он выдержать взрыв случайных мин и реактивных гранат. С помощью камер можно многое слышать. Но Дэрен разговаривает с охранниками и администрацией лагеря слишком далеко. Не рассказывает ли он о случившемся по коммуникатору Даураме? Айфи представляет, как эта женщина расспрашивает, все ли с ним хорошо, но даже не интересуется, что с Айфи. Даурама никогда не проявляла к ней ни малейшей симпатии.

Внутри лагеря все словно вымерло. Он закрыт. Снаружи тоже ничего не происходит. По крайней мере, ничего, что привлекает внимание. Раньше тут стоял продавец воздушных шаров. Они были привязаны к ручке тележки. Его не могут найти. Наземные мехи теперь гораздо ближе. Лучше видны и солдаты, стоящие вдали возле своих летающих мотоциклов. Все строительные шумы стихли.

Айфи останавливает просмотр с камер автомобиля – бусин размером с дождевую каплю. Ей кажется, что она играет в какую-то игру. Но, как только она замирает, поднимается страх. Немеют ноги, и руки трясутся при воспоминании о том, как дребезжал под ней пол. Она слышит громкий вопль, а затем тишина – будто заткнули ушли, чтобы заглушить все звуки мира. Она не может кричать, плакать, стонать. Слезы текут по лицу. Сердце колотится. Она задыхается. Кажется, что она в капкане. Крепко стянута невидимым одеялом, выдавливающим воздух из легких, выжимающим разум из головы.

Дверь открывается и закрывается.

Она выходит из транса и видит, что Дэрен уже сидит напротив нее, закрыв глаза и бессильно откинув голову на подголовник.

– С тобой все в порядке, Кадан? – наконец спрашивает он.

Айфи кивает и отворачивается к окну. Она не знает, что хочет увидеть там, но знает, что не может сейчас взглянуть ему в лицо.

– Но ведь так будет не всегда, – говорит она с утвердительной интонацией, хотя хотела задать вопрос.

Выражение лица Дэрена смягчается. Он придвигается к ней.

– Это очень важно, что тебе не все равно. Но пойми, ты не можешь своей любовью заставить их слушать рассудок. Ты не

можешь сделать их мирными.

– Они в клетках, как звери. Животным мы хотя бы позволяем пастись на лугах. А они? – Рыдания настигают ее. Еще долго не получается произнести ни слова. Она чувствует прикосновение Дэрена, его руку на своем плече, хочет стряхнуть, но у нее нет сил.

– Не нужно было приводить тебя сюда, – шепчет он, прижимаясь губами к ее волосам.

Она отталкивает его.

– Нет. Не говори так. Я хотела увидеть их. – Айфи с трудом подбирает слова. – Я хочу, чтобы наступил мир. Так не должно быть, как сейчас. Мы все нигерийцы.

Дэрен качает головой:

– Конечно, не должно. Ты права. Мы – один большой народ. Но я вижу, как ты к ним относишься, и беспокоюсь за тебя. Нельзя победить безрассудство добротой. Представь, что ты копаешь землю, надеясь отыскать воду. Если ты умираешь от жажды, капля этой грязной воды будет для тебя лучшей водой, что ты пробовала. Если ты умираешь от жажды, ты выпьешь любую воду без вопросов. И слушать не станешь того, кто скажет, что в десяти метрах есть еще колодец.

– Ты назвал их udene! Стервятниками!

Тут Дэрен замирает. Хмурит брови.

– Они ради своих дурацких целей отправляют детей на смерть. – Он произносит это сквозь зубы. – Если бы мы тебя не спасли, с тобой бы тоже так было. Если бы мы не вернули тебя домой.

– Домой? Там был мой дом! Там была моя семья!

– Это не твоя семья!

– Онайи моя сестра! – Айфи шмыгает носом, борясь со слезами. – И она не стервятница! Она любила меня. Она заботилась обо мне. Она просто пыталась защитить меня… – Не закончив фразу, она обрывает себя на полуслове.

– Ну, скажи. – У него сжимаются кулаки. Кажется, он весь сделан из металла. – Давай. Скажи это. – Кулаки дрожат. – Защитить тебя от кого?

Айфи трясет.

– Защитить от кого?

Слова – пуля, пронзающая ей грудь. Айфи не может шелохнуться.

– От вас, – всхлипывает она. И видит наконец всю яростную и сдерживаемую силу Дэрена. Энергия клокочет в нем. Кажется, что сейчас взорвется воздух.

Но он смягчается. Дорога до дома проходит в молчании.

Глава 23

Онайи наблюдает, как Агу целится из полуавтоматического «Маузера-С96» в мишень, находящуюся в двухстах метрах. Поднимается ветер, солнце медленно заходит за горы, окрашивая вершины огненно-золотыми и розовыми лучами. Кесанду и Калу собирают вещи, и Онайи поглядывает, как Кесанду гладит Калу по затылку. Чуть подальше Нгози нависает над Ннамди, который собирает гильзы после дневной тренировки. Нгози видит, что Онайи смотрит на них, и хмурится, племенные шрамы, три маленькие вертикальные линии на каждой щеке, говорят, что она из очень состоятельной семьи. Из семьи, где неодобрительно цыкают на таких аугментированных, как Онайи.

Онайи сплевывает и окликает Агу:

– Эй! Ждешь, когда луна взойдет? Вперед!

Агу непросто держать тяжелый маузер, и он пытается помочь себе второй рукой. Первый выстрел бьет далеко справа от мишени. Он молчит, затем снова принимает стойку и стреляет. Пуля задевает одну из мишеней Ннамди почти в десяти метрах слева. Еще выстрел – чуть ближе к цели, но все равно смехотворно далеко. Нгози хмыкает. Слезы подступают к глазам Агу.

– Направляй ствол чуть в сторону, – шепотом советует Ннамди. – Целься в бок мишени, и дуло само уйдет горизонтально куда надо. Не пытайся полностью его контролировать. – Он возвращается к Нгози, унося с собой кучу гильз.

Агу делает новую попытку, целясь немного правее от мишени. Нажимает спусковой крючок, и пуля откидывает мишень. В следующее мгновение Агу поражает вторую мишень, и так все пять, одну за другой. На его лице появляется слабая усмешка, но быстро сменяется прежним равнодушным выражением.

Онайи подходит к Агу:

– Корректировщик сказал, тебе потребовался целый день, чтобы попасть по мишеням. – Наклоняется и шепчет ему в ухо: – Догадываешься, почему я дала тебе маузер?

Агу не знает.

– Очень плохо. – Онайи качает головой.

С неба падают первые капли дождя.

– Перезаряди и продолжай стрелять. И еще, передвинь мишени на триста метров. Тренируйся, пока не научишься сбивать все, а еще подумай, зачем я тебе дала именно маузер.

Нгози и Ннамди уже поднялись на гребень холма. Онайи засовывает руки в карманы и идет за ними. Скоро ужин.

В столовой несколько абдов сидят вокруг здоровенной миски каши из муки – гари. Рядом с каждым – полоскательница с водой и плошка с перцовым супом. Тихо переговариваясь, они берут в пригоршню гари, скатывают в шарик и макают в суп.

Онайи то и дело поднимает глаза от тарелки с рисом и тушеным мясом, ковыряет жареные бананы, снова утыкается в тарелку. Все растворяется, словно в тумане: болтовня абдов, стук дождя по крыше, приглушенное гудение генераторов. Мысли плывут по течению.

В воспоминании руки Онайи двигаются сами собой.

Мускулы напрягаются и расслабляются, когда она сжимает винтовку и со щелчком сдвигает затвор. Цилиндр с глухим стуком выпадает на клеенку, за ним падает пружина, и вскоре винтовка аккуратно разобрана на части, которые лежат перед ней в идеальном порядке. Она долго смотрит, запоминая каждую деталь, и за сорок пять секунд собирает все обратно. Повторяет упражнение. Сознание – как чистый лист, абсолютно пустое пространство. Движения автоматические, но внезапно боль пронзает палец, и кровь капает на клеенку.

Она с изумлением смотрит на крохотную лужицу крови, которая увеличивается с каждой каплей. Придя в себя, зализывает ранку.

Кто-то рядом звякает посудой на подносе, и она выходит из задумчивости. Она ожидает увидеть Чинел, которая вечно подшучивает, но это Кесанду. Онайи выдавливает улыбку и возвращается к еде.

– А у тебя улучшился аппетит по сравнению с тем, что было в нашем старом лагере, – говорит Онайи. Рот Кесанду набит слоеными пирожками. Она быстро жует и еще быстрее проглатывает.

– Ну кто-то же должен все это съесть. И я не против принести себя в жертву. – Она вздыхает. – Я видела тебя с Агу сегодня. Маузер совершенно устарел. Никто больше ими не пользуется. Зачем ты заставляешь Агу стрелять из него?

– Чтобы умел управлять своими мышцами. И нервами. Только за этим. Если не научится контролировать прыгающее дуло старого маузера, никогда не сумеет стрелять из ЗИГ-зауэра.

Снаружи раздается раскат грома.

– А ты, кстати, его давно видела? – Онайи кивает на группу абдов, которые уже закончили еду и убирают тарелки. – Он не с ними, и, когда я проходила мимо его комнаты, его там тоже не было.

Брови Кесанду ползут вверх:

– А ты на полигоне смотрела?

– Что? Гроза ведь. Уже несколько часов прошло. Кто в своем уме останется…

Она резко поднимается и выбегает из столовой, Кесанду за ней. От страха ноги наливаются свинцовой тяжестью, но вот наконец полигон, и Онайи уже достаточно близко, чтобы различить одинокую фигурку, стоящую среди металлических столов. Руки вытянуты вперед.

У Агу зуб на зуб не попадает. Дрожат руки, и он с трудом удерживает маузер, когда нажимает на спусковой крючок. Отдача едва не швыряет его на землю. Промежутки между выстрелами все длиннее.

Когда патроны заканчиваются, он бредет к другому столу и снова заряжает пистолет. Кровь струится по пальцам, смешиваясь с дождевой водой. Шатаясь, он возвращается на место, на секунду замирает и падает в обморок.

Онайи подбегает прежде, чем Агу оседает на землю, и сгребает его в охапку.

– Все хорошо, – шепчет она, сама не понимая зачем. – Все хорошо, все хорошо.

Втроем они добираются до лагеря.

Всю ночь она пытается уснуть, но не может. Лежит и смотрит в окно, ждет, когда кончится дождь.

Утром после грозы лагерь сияет зеленой свежестью. Когда солнце на полпути к зениту, деревянные скамейки уже полностью просыхают. Онайи садится, бессознательно постукивая камешком по деревянному подлокотнику. К ней подходит Кесанду в длинной оливково-зеленой шинели, улыбается, потом что-то чертит на грязи носком ботинка.

– Он просто выполнял приказ, – говорит Кесанду, словно пытаясь ее обнадежить.

Онайи смотрит в пространство и долго молчит. Потом переводит взгляд на Кесанду:

– Они все такие?

Кесанду перестает возить ботинком по грязи:

– Какие?

– Сломанные. – Онайи хмурится, пытаясь сформулировать. – Калу кажется довольно уравновешенным, но, может, потому, что он уже долго с тобой. Чиамер вроде бы в порядке рядом с Чинел. Ннамди и Нгози вроде бы тоже ладят. Может, это Агу сломан?

Кесанду пожимает плечами:

– Сначала они все сломаны. И, конечно, никогда не восстановятся полностью, но такова жизнь.

Онайи смотрит на подругу:

– И как ты удерживаешь Калу от таких глупостей, ну, как Агу вчера сделал?

– Я думаю, все дело в мозгах. Они заново учатся двигаться. Вести себя. – Она встречается глазами с Онайи. – Научи Агу писать. Или играть на музыкальном инструменте. Я научила Калу играть на ксаламе. Правда, у него от струн мозоли на пальцах. – Она усмехается. – Не знаю. Может, Агу понравится пианино.

– Но я сама не знаю, как играть на пианино. Как я его научу?

– Ха, а кто сказал, что он должен учиться у тебя?

Стены студии, где свалены пыльные инструменты, покрыты звукоизоляционными плитами, местами они отслаиваются. Почти посередине комнаты на табуретке сидит Агу, перед ним балансирует на гибкой подставке сенсорная клавиатура. Он оборачивается и встает, слыша шаги Онайи.

– Мне передали, что я встречаюсь с тобой в четырнадцать тридцать, сестра.

Он всегда так выговаривает «сестра», что Онайи забывает: это не ребенок. Это синт.

Она щелкает пальцами, и сферические лампы освещают комнату. Садится на табуретку рядом с ним.

– Ты тоже садись.

Онайи долго молчит. Что я делаю? Она неуверенно дотрагивается пальцем до клавиатуры, звучит случайная нота. Звук немного глуховат, но все равно чистый. Она снова кладет руку на колени и смотрит, как Агу прикасается к клавиатуре. На его лице высвечивается любопытство – Онайи готова поклясться, что смотрит на ребенка.

Она ставит палец на другой конец клавиатуры – гулкий низкий раскат. Агу тянется левой рукой, чтобы сделать то же. В глазах загорается интерес.

Онайи касается третьей клавиши, на этот раз решительней, и Агу делает то же, Онайи касается еще одной, быстрее, и Агу в точности повторяет все за ней. Их пальцы перебегают по клавиатуре, нажимают случайные клавиши – Онайи знает, это шум, а не музыка, но все равно не может удержаться от улыбки до ушей. Смотрит на Агу и видит улыбку и на его лице.

Через мгновение она перестает улыбаться и встает:

– На сегодня достаточно.

На долю секунды у Агу появляется умоляющий взгляд и тут же исчезает.

– Да, сестра, – говорит он, затем встает и уходит.

Она пытается вести себя и говорить как командир. Как будто ее интересуют только тренировки и его готовность к бою. Но она

знает, почему велела ему остановиться. У него еще не зажили пальцы. Кровь размазана по всей клавиатуре, а он даже не заметил.

Ночью ее будит музыка. Громче и громче. Словно медленно взлетающий самолет. Гладкий и серебристый. Низкие ноты сливаются, потом выстраиваются друг за другом, обретая стройное звучание. Мелодия звучит увереннее.

Онайи медленно встает с кровати и следует за мелодией вниз, в студию. Дверь открывается перед ней, но Агу не оборачивается. Даже не слышит ее. Шнур из его шеи тянется к консоли у противоположной стены. Она вдруг понимает, что он делает. Он скачивает музыку.

Его плечи ритмично покачиваются, забинтованные пальцы летают над клавиатурой. Он вернулся сюда без приказа Онайи. Она не отдавала такой команды и ничего не меняла в его настройках, не меняла главную установку. Он… он захотел сюда прийти.

Никто никогда не рассказывал, чтобы синты выражали свои желания и их исполняли, но то, что слышит сейчас Онайи, – самое прекрасное из того, что она когда-либо слышала.

Глава 24

Даурама стоит у входа в здание Нигерийского консорциума социальных и технических наук.

Айфи застывает на верхних ступеньках широкой мраморной лестницы. Даурама ждет ее, скрестив руки, возле гладкого пуленепробиваемого микроавтобуса, на котором ее должны отвезти домой. Обычно Дэрен встречает ее после занятий и они гуляют по городу или в парках. Иногда он даже берет ее с собой на крышу башни «Миллениум» в центре Абуджи. При виде Даурамы она понимает, что Дэрен до сих пор сердится.

Помрачнев, она спускается по лестнице. Даурама заранее открыла дверь автомобиля. Айфи забирается внутрь, Даурама следует за ней.

– Ты опаздываешь, – говорит она.

Это, наверное, самое длинное, что сестра Дэрена сказала ей за последние годы. Айфи внезапно осознает, что они вообще редко оказывались где-то вдвоем. Когда она видела Дэрена вместе с сестрой, Даурама тут же собиралась уходить. Айфи так ни разу и не решилась спросить Дэрена, за что Даурама так ненавидит ее.

– Извини, – бормочет Айфи. Она смотрит в окно на проплывающий мимо город.

Вдруг микроавтобус останавливается. Не говоря ни слова, Даурама лезет под сиденье и вытаскивает свернутый в трубочку молитвенный коврик. Дверь открывается, и Айфи слышит пение, затем дверь закрывается, и Даурама исчезает. Айфи забирается на свое место и смотрит в окно – Даурама преклонила колени, повернувшись лицом к востоку. Над ней полупрозрачный шатер, спешно возведенный охранниками, лица которых тоже обращены на восток. Вздрогнув, Айфи понимает, сколько сейчас времени.

Она шарит под своим сиденьем, но там нет коврика. Сердце ее падает. Пение раздается из всех громкоговорителей Абуджи – призыв к молитве. Как она могла пропустить?

Сердце бешено колотится, может быть, коврик еще найдется. Она продолжает искать, когда Даурама возвращается. Сестра Дэрена выглядит так, словно только что проснулась после мирного сна. Даже смотрит Айфи в глаза и улыбается.

Она кладет свернутый коврик обратно под сиденье. Улыбка не сходит с ее лица и когда машина трогается. В одной руке четки, которые она рассеянно перебирает. Выражение ее лица почему-то беспокоит Айфи. Оно напоминает ей о ком-то – или о чем-то – из прошлого. Что-то смутное, но такой взгляд она точно

видела раньше.

– Что ты сейчас прошептала? – спрашивает Айфи и тут же мысленно ругает себя за то, что нарушила спокойствие Даурамы.

– Аллах акбар.

Инстинктивный страх поднимается в Айфи. Давным-давно, когда она была одной из Боевых девчонок, ее научили, что эту фразу нигерийцы произносят перед тем, как убить. Выкрикивают, прежде чем пролить кровь. Сначала Айфи слышала ее только от тех, чьи лица искажали бешенство и ненависть. Из пасти чудовищ. Но с тех пор, как она приехала в Абуджу, она слышит ее постоянно. Каждый раз, когда пожилая смотрительница общежития делает вечерний обход, чтобы убедиться, что девочки спят и все в порядке. Каждый раз, когда «Суперорлы» забивают гол. Однажды Дэрен произнес это, когда они ходили в лес понаблюдать за животными и случайно наткнулись на неаугментированную олениху и ее детеныша.

Даурама продолжает с тем же мечтательным взглядом:

– Я впервые услышала эти слова осознанно еще ребенком. Лет в пять. Мама молилась при мне. Когда она целовала землю, казалось, что она приникает к ней всем телом. Она была преисполнена любви. Она вставала, шептала эту фразу и снова опускалась на колени. Ее нос касался коврика, и мне казалось, что ей, наверное, щекотно. – Улыбка Даурамы становится еще шире. – Это было так нежно и красиво…

– Как прекрасно, – говорит Айфи, думая, не должна ли она сейчас тоже сказать Аллах акбар.

– Тогда я запомнила эту фразу. Но впервые услышала раньше.

– Когда же?

– Когда я появилась на свет. Это были первые слова, которые отец прошептал мне на ухо. – Ее взгляд останавливается на Айфи, и в нем светится любовь. – Я уверена, что и твой отец шептал тебе эти слова.

Автомобиль останавливается, Айфи все еще смотрит на Даураму. У нее буквально глаза лезут на лоб от удивления. Ум раздирают вопросы. Кто эта женщина и что случилось с Даурамой?

Айфи видит, что они приехали в библиотеку. Правильно. Через несколько месяцев ей сдавать экзамены. Нужно заниматься. Но шок от слов Даурамы еще не прошел.

– Не волнуйся, – говорит Даурама в открытую дверь. – Брат не сердится на тебя. Он просто занят. Он передает тебе привет.

– Даурама! – кричит Айфи за секунду до того, как машина отъезжает.

Даурама вопросительно поднимает бровь.

– Я хочу совершить хадж. С тобой и Дэреном.

Не этого ли ждала Даурама? Подтверждения того, что Айфи действительно верит? Что больше не молится богам Биафры? Так? Она понимает, что такое ожидание не пустяк. Ждать, что человек обратится в твою веру. Чтобы знать: человек разделяет твою веру, тихую, глубокую часть твоего существа. Да, я горжусь, что я мусульманка, хочет сказать Даураме Айфи. Ей хочется крикнуть это. Но она молчит.

– Конечно, сестра, – говорит Даурама. – Я уезжаю ненадолго. Но как только вернусь со своего задания, мы начнем готовиться, и ты совершишь свой первый хадж.

Конечно, сестра. Эти два слова звучат в голове Айфи весь оставшийся день. Она даже не может ничего учить.

«Аллах акбар», – шепчет она в планшет, улыбаясь. И светится.

Глава 25

Онайи ничком лежит у окна в каменной башне разрушенного бомбежкой здания. Она лежит так уже долго. Она все еще ребенок. Ей едва исполнилось десять.

Она поднимается, чтобы распрямить ноги, и бросает взгляд в окно, на пустынную улицу внизу. Наступила ночь, окрасив все вокруг в темно-синие тона. Услышав шаги в коридоре, она бросается к окну и припадает к прицелу снайперской винтовки. Ей нельзя покидать пост, даже на секунду. Когда входит Адаиз, Онайи пытается понять, не заметил ли ее куратор, что она отвлекалась на пару минут.

Онайи лежит на полу башни с винтовкой. Адаиз за ней. Я все сделаю как надо.

Их цель, важная нигерийская шишка, выходит из здания, улизнув от своей охраны, наверное, чтобы глотнуть свежего воздуха. Вот ее шанс.

Онайи настраивает зум, думая об Адаиз и надеясь, когда все закончится, увидеть ее ободряющую, гордую и ласковую улыбку. Так она улыбалась, когда Онайи только стала солдатом.

Она нажимает на спусковой крючок.

Выстрел, прозвучавший во сне, будит Онайи.

Минута уходит на то, чтобы восстановить дыхание. На коже холодный пот.

Онайи как на иголках, слишком много времени провела ничего не делая. Она чувствует, что скучает по кабине своего меха. Светящиеся экраны, переключатели скорости в руках, металл гудит и ревет, гул полета. Закрыв глаза, она обхватывает себя руками и чувствует, как по телу разливается тепло. Чувствует, что тепло идет от нее самой. Еще мгновение. Она стоит одна в слишком тихой комнате. Со вздохом натягивает форменные штаны и уходит.

Она наконец освоила все коридоры и коридорчики комплекса и вскоре добирается до кабинета Чинел. Из-под закрытых дверей виден свет. Сегодня дежурят другие охранники.

– У себя? – спрашивает Онайи. – Принимает?

Охранники переглядываются, соображая, что делать дальше.

Онайи хочется просто растолкать их и войти, но ей так надоело бороться.

Один из них прикладывает палец к наушнику. Онайи ждет, что он что-нибудь скажет, но его глаза стекленеют, и она понимает: передает информацию. Наконец глаза охранника становятся обычными.

– Можете идти, – вежливо говорит он. Нажимает кнопку, и дверь открывается.

Входя, Онайи уже готова обороняться, но Чиамер стоит у дальней стены, скрестив руки на груди. Он в упор смотрит на Онайи.

Перед Чинел голограмма, вращающееся трехмерное изображение, похоже – пусковой площадки.

– Не спится?

– Как всегда, – отвечает Онайи.

Трехмерная карта исчезает, и Чинел поднимает голову:

– Ну как он тебе?

– Агу?

– Да.

Онайи усмехается и чешет затылок.

– Учится играть на пианино.

Чинел щурится:

– Да? – Она кладет планшет-проектор и выходит из-за стола. Скрещивает руки на груди, точь-в-точь как ее абд. – Хочешь увидеть его в действии?

Онайи удивленно поднимает бровь, и Чинел продолжает:

– Ты здесь всего несколько недель. Я бы, конечно, дала сестре время притереться к абду, прежде чем посылать вас вместе в бой, но мы только что получили секретную информацию, очень важную. Мы не можем позволить себе ждать.

Предвкушение щекочет Онайи нервы. Она пытается скрыть волнение и спокойно спрашивает:

– А именно?

– Мы только что узнали, что нигерийцы ожидают поставку мехов от Британских Космических Колоний. Они высадятся где-то на побережье и направятся вглубь страны. Колонии Содружества должны соблюдать нейтралитет в конфликте. Но они встречались с нигерийскими военными. И один из их лучших пилотов, по-видимому, возглавлял сделку. Отлично ублажил белых людей. Если мы успешно проведем рейд, то сможем разоблачить их и даже перетянуть другие государства на нашу сторону. А еще сможем угнать их технику. А что не угоним, то уничтожим. – Нахмурившись, она замолкает и смотрит на Онайи. – Ты готова?

Онайи понимает, что Чинел спрашивает, способна ли она привести себя в порядок. Сможет ли не допустить, чтобы дурные мысли и кровавые воспоминания не завладевали разумом. Сумеет работать в команде и выполнять задание? Для этой операции Чинел не нужен Демон Биафры. Ей нужна Онайи.

Это ее шанс.

Я все сделаю как надо.

– Да.

Сбор остальных занимает совсем немного времени, и час спустя все сидят за массивным столом в зале для совещаний, смежном с кабинетом Чинел. Над столом светится цифровая карта мира. Чинел стоит во главе стола и проводит пальцем по сенсорному экрану главной консоли. Карта Нигерии приближается: зеленая там, где правят нигерийцы, красная – отравленная радиацией зона Красной земли, которая как открытая рана врезается в самое сердце страны, и желтая – на юго-востоке, под контролем Биафры.

Чинел говорит негромко, но ее голос разносится по всему залу.

– Наша миссия – собрать разведданные о мехах, присланных Колониями Содружества, и представить доказательства, что нейтралитет, о котором они говорят, является фарсом, что в действительности они помогают нигерийскому правительству вести войну на уничтожение народа Биафры, способствуют геноциду. Мы должны захватить все мехи, что удастся, и убраться оттуда как можно скорее.

Молодые женщины стоят у консолей, расположенных по стенам, рядом их абды с остекленевшими глазами. Пугающее зрелище – наблюдать за тем, как они загружают информацию и просчитывают различные сценарии. Все это напоминает Онайи, что в конце концов эти мальчики – машины.

– Нужно пробудить Макоко для выполнения плана. – Чинел листает страницы на планшете. Приближает изображение трущоб за Лагосом.

Макоко – небольшой город на воде с лачугами на ржавых металлических сваях, утопленных в грязной лагуне Лагоса. На голограмме, вырастающей из настольного экрана, видно, как люди толкутся у деревянных построек со стенами, облезлыми от старости. Кто-то плывет в каноэ из школы домой или в магазины. Торговцы стоят в лодках и трясут своим товаром, зазывая покупателей, идущих по покосившимся мостам.

– Тут не так шумно, как в Лагосе, – продолжает Чинел, – но все же движения и суеты хватит нам для маскировки. Они все еще пользуются генераторами. Мы полетим низко и высадимся на побережье, там есть небольшой плацдарм недалеко от города. Зарослей достаточно, спрятаться можно. Потом отключим мехи. Мы к ним не вернемся. Доберемся до Макоко, а оттуда – вглубь материка к нефтяным месторождениям Окпай.

Джиника разводит руками. Ее татуировка – полусолнце – отливает на плече голубым в свете голограммы.

– А почему не пойти через лес? – Она указывает на карту.

Изображение Макоко исчезает, и все вновь смотрят на двухмерное изображение юго-восточной Нигерии. – Так нас не обнаружат.

Обиома отвечает из своего угла:

– Слишком близко к Лагосу. А это до сих пор оплот Нигерии. Большая часть береговой линии у них под контролем.

Ее абд выходит из транса и говорит:

– А еще в том лесу много шотгорнов. С двумя клыками и двумя головами.

– Если они проблема для нигерийцев, – добавляет Обиома, – то станут проблемой и для нас.

Чинел переводит взгляд с Джиники на Обиому и снова на карту, перемещаясь к нефтяным месторождениям Окпай. Открывает карту с какими-то заброшенными строениями и ржавыми буровыми вышками. По полю разбросаны прицепы и вагончики. Видно огромное многоэтажное здание, соединенное с двумя большими восьмиугольными сооружениями. Каждый угол подпирают балки, торчащие из воды.

Кесанду убирает упавшую на лицо прядь волос:

– А где они прячут мехи особого назначения?

– Где-то под землей. – Онайи осознает, что сказала это вслух. – Карта ведь неполная, так? – Она смотрит на Чинел, и это почти вызов. Первый раз кто-то указал Чинел на изъян в ее планах.

– Да. Мы понятия не имеем, как выглядит нижний уровень, – подтверждает Чинел. – Будем действовать вслепую.

Воздух между ними наэлектризован от напряжения. Вдруг Онайи разражается резким смехом. Все смотрят на нее в замешательстве, даже Агу. Но она хлопает себя по животу и успокаивается.

– Люблю такое, – говорит она наконец. – А то эта твоя операция казалась уж слишком безопасной. Ты же знаешь, что я не участвую в безопасных операциях.

Остальные усмехаются. На их лицах ясно читается: как и мы.

– Хорошо, – говорит Чинел, выключая экран. – Выступаем до рассвета. Все должны выспаться.

Чинел идет к выходу перед Онайи. У двери она оглядывается: Ты правда хотела подорвать мой авторитет? Онайи подмигивает. Ты что-то ведешь себя слишком самоуверенно, сестра, думает она. А ведь ты все та же девчонка, которая язвила насчет моего запаха. Не забывай об этом.

Глава 26

Айфи сидит на балконе, а внизу, в зале, вокруг большого стола собрались мужчины – ученые, юристы, правительственные советники. У всех на правом плече особые цветные нашивки – знаки различия. Очередная конференция по безопасности, которую проводит Дэрен. Здесь, в верхних рядах, где сидит Айфи, людей мало, побольше – на скамейках у входа в зал. Сегодня скучная сессия: контроль над климатом и лесные пожары. И точно, некоторые советники прислонились к стене, склонили голову, покачивают ногой в такт музыке, которую, вероятно, слушают в полудреме.

Дэрен – один из немногих – стоит. Айфи видит его спину – он повернулся к ученым. Их взгляды нервно скользят от Дэрена к советникам, дремлющим у стены, словно они сомневаются, кого тут важнее убедить.

– Понимаете, сами инструкции, правила, регламентирующие тушение пожаров, проблематичны, – говорит ученый с седым пушком на почти лысой голове. – Ландшафт к югу от нас слишком сложный, слишком разнообразный. Потепление истощает природу на больших высотах. Насекомые, которых раньше убивали холодные зимы, теперь выживают и губят деревья, поедая их изнутри. А засохшие деревья горят куда легче, чем живые.

– И все же я не вижу проблем с Правилом рассвета, – говорит министр в феске и в длинном, ослепительно белом одеянии. Он удобно устроился на стуле у стены, нога в красной туфле покачивается в свете луча, падающего из окна. – Любой лесной пожар к рассвету затухает сам.

– И оставляет еще больше мертвых деревьев, которые легко загорятся, как в горах, так и возле городов! – Ученый в очках, съехавших на блестящий от пота нос, поворачивается к столу, вытаскивает планшет и вводит последовательность клавиш. Над столом появляется голограмма: огонь у границы с Красной землей как нож прорезает пространство. Пламя беззвучно лижет воздух. Голограмма меняет угол, и камера летит сквозь огонь. Вероятно, запись с дрона.

С этого ракурса огонь выглядит совсем реалистично. Он рядом, у дороги, и Айфи понимает, что огонь добрался до населенных пунктов. Небольших, однако здесь уже не дикая местность. Видны маглевы, выстроившиеся вдоль дороги, черные и серые от копоти, а то и совершенно обгоревшие. Повсюду валяются какие-то бесформенные черные куски. Это может быть

что угодно. Или кто угодно.

Камера разворачивается, и кажется, что огонь поглотил вообще все, но беспилотник устремляется выше в небо, и им открывается вид сверху.

Одним движением ученый закрывает картинку.

– Обычно до восхода солнца верховой огонь уничтожает сухостой. Теперь эти деревья, безжизненные, мертвые, ожидают, когда до них по земле доберется тлеющий огонь.

Что думаешь?

Айфи вздрагивает. Этот голос. Дэрен?

У тебя гадкая привычка. Зависать где не надо, когда устаешь шнырять в головах других людей.

Это правда. Когда включен Акцент, каждый аугментированный человек в зоне действия сети становится для нее сияющим узлом, и, если отвлечься, ее тянет на свет, словно мотылька. Она может по неосторожности переступить барьеры, установленные для защиты мозга, и получить доступ ко всей информации этого человека, ко всему, что делает его собой. Айфи хмыкает. А пусть не оставляют двери открытыми.

Плечи Дэрена слегка поднимаются от смешка, хотя на лице не отражается ничего. Он смотрит на стол, где только что пылал огонь. Так что ты думаешь?

Люди хотят жить там. Они знают, что это за место.

Дэрен кивает и обращается к ученому.

– Многие из тамошних людей отказывались от эвакуации, пока не стало слишком поздно. Они давно решили, что не будут пугаться каждый раз, когда в воздухе появится струйка дыма.

Ученый умоляюще смотрит на него:

– Но, сэр, не каждое место пригодно для жизни.

Айфи хмурится, глядя с балкона на ученого. Откуда он знает, что пригодно, а что не пригодно?

– Может, они адаптировались, – говорит Дэрен.

Он прикасается к одной из кнопок на ближайшей панели. Последствия огненной бури. Люди выползают из вырытых в земле убежищ или заранее приготовленных бункеров, некоторые выходят из пустыни – она очень близко к Красной земле, но достаточно далека от эпицентра пожаров, чтобы чувствовать себя в безопасности. По крупицам они восстанавливают свою жизнь.

– Может быть, они действуют так не из беспечности, а для того, чтобы научиться жить рядом с огнем? – продолжает он.

Ему приходит сообщение по внутреннему каналу. Айфи видит все по-прежнему. Она хочет отключиться, но Дэрен забывает, что она еще здесь, и открывает рапорт.

– Сэр, произошло нападение, – говорит голос на другом

конце. – Нефтяная станция у побережья. В Дельте. У них заложники.

У Айфи перехватывает дыхание. Такого она не ожидала. Но теперь невозможно отключиться. Не сейчас.

У нас есть снимки с камер наблюдения? – передает мысленный запрос Дэрен.

Голографический экран перед его лицом заполняется серией фотографий – почти полностью темных. Потом разрешение улучшается, изображение приближается и становится ярче. На снимках одетые во все черное фигуры занимают позиции вдоль дорожек, огибающих массивные восьмиугольные здания, которые поддерживаются балками. Широкий обзор – и на картинке поблизости от зданий появляются буровые вышки. Мехи с берега смотрят на воду. Следующий набор голограмм показывает еще больше фигур внутри станции. Они бегут по металлическим мосткам, стоят наготове с винтовками возле генераторных установок. Еще один снимок: несколько черных фигур окружают связанных людей с кляпами во рту, посаженных спиной друг к другу. Кто-то без сознания, кто-то истекает кровью. В другом помещении (изображение более темное, с низким разрешением) видны силуэты двух гигантских мехов, таких высоких, что их головы теряются в полумраке. Игве. Это слово всплывает в сознании Айфи. Игве. Мехи, о которых Дэрен говорил с ойнбо.

На пути к кабине одного из игве – две фигуры, бегущие согнувшись. Дэрен приближает картинку, улучшает качество, приближает еще.

У Айфи кровь стынет в жилах. Она наклоняется, щурится, чтобы лучше разглядеть голограмму.

Это лицо.

– Нет. Ты же умерла, – шепчет Айфи.

Несмотря на то что половина лица – механические компоненты, несмотря на то что один глаз теперь киборгизирован, а металл от плеча разросся до головы, будто захватывая тело, Айфи все равно узнает ее.

Онайи.

Ее сестра.

Сообщение обрывается внезапно, и Айфи остается сидеть в оцепенении. Акцент отключается. По телу пробегает дрожь.

Она приходит в себя и успевает увидеть, как Дэрен выбегает из зала.

Глава 27

Рано утром они входят в лес за трущобами Макоко. Перед тем как шагнуть в высокую, по колено, слоновую траву, Агу поправляет рюкзак на плечах, кряхтя под его тяжестью. Плотные, мясистые листья деревьев сгибаются под утренней росой. Повсюду мелькают тени. Онайи настроила свой механический глаз на режим теплового обнаружения, чтобы лучше видеть, какие живые существа попадаются на пути и от каких лучше избавляться сразу.

Они доходят до края леса. Отсюда видно восточное крыло нефтеперерабатывающего завода. Выглядит он как заброшенный город. Но кое-что там есть. Кое-что настолько ценное, что нигерийцы напустили дымовую завесу. Однако они изучили разведданные, проверили источник информации, проконтролировали перекрестно все, что было возможно. Они знают, что нигерийцы не гнушаются никаким обманом и еще они самонадеянны. Оставить самое ценное без охраны в расчете, что биафрийцы не догадаются и клюнут на этот трюк. Но они недооценивают Биафру. И в этом их фатальная ошибка.

Агу перевешивает рюкзак на грудь, достает и раскладывает треногу для винтовки. Затем вытаскивает оружие, щелкает по прицелу и прикручивает к стволу удлинитель. Лежа на влажном мху, устанавливает винтовку. Секунда – и он готов. И Онайи знает после всех тренировок, что он может лежать неподвижно, но не ослабляя внимания, по крайней мере полдня. Сейчас они должны обеспечивать прикрытие до тех пор, пока не очистят побережье. Через минуту пальцы Агу начинают танцевать по прикладу и стволу винтовки. Неосознанно играет на пианино, которого тут нет.

Онайи должна наблюдать за лесом. Она тоже ложится в укрытие. Высокая трава надежно прячет их. Невооруженным глазом никто не разглядит здесь двух солдат, готовых к атаке.

Война почти закончилась. Какие у тебя планы? – спрашивает Онайи Агу.

Агу молчит почти минуту. Потом говорит: Я не знаю. Регулирует зум для прицела, потом возвращает прежние настройки, и Онайи понимает, что он просто пытается чем-нибудь занять руки, то ли чтобы пальцы не затекали, то ли нервничает. А синты могут нервничать? Но когда Агу заговаривает снова, его голос меняется. Немного, но меняется. У меня сохранились воспоминания. Я играю на пианино. Вокруг люди, слушают меня. Иногда только один человек. Но он улыбается. Всем нравится,

когда я играю. Думаю, мне тоже нравилось.

Онайи преодолевает минутное потрясение и улыбается. Она ведь просто следовала совету Кесанду, пробовала сделать из Агу еще более совершенную машину для убийства. В голову не приходило, что у Агу была другая жизнь до того, как его превратили в синта. Ее наполняет чувство гордости и благодарности. Если каким-то образом удалось наладить для него связь с прошлым, если он стал чуть счастливее, значит, она сделала что-то хорошее. И ее сейчас не волнует, лучше ли Агу от этого проявит себя в спецоперациях.

Но это фальшивые воспоминания.

Онайи вздрагивает.

Это импланты, вставленные в мой процессор, чтобы разнообразить эмоциональный фон и усовершенствовать главные функции. Как абд я готовлюсь не только к прямым боевым действиям, но и к более тонким акциям. Мои создатели считают, что я должен уметь выдавать себя за настоящего человека из плоти и крови, чтобы было максимально похоже. Он замолкает. Это самая длинная речь, которую он произнес за все время, что Онайи его знает. После войны я буду служить так, как ты сочтешь нужным. И тишина. Из разъема на шее Агу появляется провод, он вытаскивает его свободной рукой и подключает к разъему винтовки. Теперь он видит то, что видит винтовка. Винтовка теперь не его продолжение, он – ее продолжение. Просто еще одно оружие.

У Онайи жужжит коммуникатор. Она смаргивает слезы, о которых не подозревала, и слышит, как Калу говорит: «Листва закрывает мою локацию». Лезет в карман и достает комок пластичной глины.

Мышечная память не изменяет: пальцы отрывают кусочек и быстро лепят небольшую куклу. Ногтем она выковыривает маленькие полумесяцы вроде глаз на лице куклы. Вытаскивает провод из разъема на шее и вставляет в куклу. Кровь и жидкость запускают в нее наноботы. Как будто в готовую форму заливают ДНК. Через секунду кукла уже шевелит конечностями, которые превращаются в маленькие ручки и ножки. Она извивается, и Онайи ставит ее на землю. Еще четыре куклы ито-ито вскоре присоединяются к первой, трепыхая короткими ручками. Выстроившись в ряд, они кивают в ответ на ее мысленную команду и бросаются врассыпную, передавая Онайи всю информацию, которую собирают. Уровень радиации, тепловые сигнатуры, следы, по которым можно выявить маршруты патрулей.

Онайи берет свободный конец провода и подсоединяет ко

второму разъему за ухом Агу. Так она может передавать ему полученную информацию, а он – передавать ее другому абду. Как только Онайи включает сеть, где сама стала роутером, она замечает: в воздухе что-то изменилось. На их позициях все тихо, но она понимает, что кому-то из абдов удалось ликвидировать вражеский патруль.

– Закончили, – говорит Агу.

Они собираются и быстро идут мимо сдутых футбольных мячей и сломанных деревянных досок. Может, когда-то здесь играли дети. А может, кто-то откачивал нефть из ближнего трубопровода. Онайи, просто понюхав воздух, понимает, что ни один ребенок по этой грязи в последнее время не пробегал.

Трущобы Макоко, должно быть, уже оживают. Еще чуть-чуть, и начнется новый день.

Онайи и Агу расположились возле небольшого фургона, Агу вытаскивает маленький диск, который разворачивается в планшет. Онайи, с винтовкой за спиной и пистолетом в руках, медленно поднимается и заглядывает в окна фургона, проверяя, нет ли там кого. Пусто. Сквозь заляпанное окно она различает какую-то разбросанную технику, приборы, что-то похожее на музыкальный плеер. Но здесь явно в последнее время никто не жил.

Вдали появляются маленькие движущиеся фигурки. Ито-ито пробираются через кустарник прямо к Онайи в руки. Она сминает их и кладет глину в вещевой мешок.

Из планшета Агу вырастает голографическая карта. На ней – план одного этажа, затем еще нескольких этажей, затем все замирает на поверхности планшета.

Я не могу подключиться к камерам наблюдения на площадке, говорит Голиб по их связи. Замкнутая схема. Значит, систему не взломать.

Агу складывает и убирает планшет. Онайи хочет броситься вперед, но он хватает ее за руку.

– Слишком тихо, – шепчет он.

Онайи хмурится:

– Наверное, они хотели, чтобы мы не заметили это место.

Он отрицательно качает головой:

– Даже для этого слишком тихо.

– Что определяют твои сенсоры?

Наморщившись, он смотрит на землю:

– Это не сенсоры. Что-то другое. Глубже.

Это инстинкт. Его человеческий инстинкт.

Она опускается на колени, чтобы встретиться с Агу взглядом:

– Эй, послушай. Мы справимся. Выполним задание. Мы

разоблачим Колонии Содружества и добьемся прекращения огня. И тогда наступит мир и ничего этого больше не будет.

– Мне все равно. – У него дрожит голос. В нем идет какая-то внутренняя борьба. – Если скажешь мне идти в бой, я пойду. Скажешь убивать, я буду убивать. – Ему трудно подбирать слова. – Я буду защищать тебя. – Это, кажется, успокаивает его. – Я буду защищать тебя, – повторяет он как мантру.

– Ты защитишь меня. – Онайи чувствует, что на душе у нее теплеет.

Всю свою жизнь она сражалась за других и защищала других. Агу – ребенок, но он готов умереть, защищая ее. Ему важно только одно: чтобы она осталась жива. Она хочет погладить его по голове, но понимает, что такой жест его озадачит. Однако она позволяет себе улыбнуться. Легкое движение губ – и она поворачивается и ведет его к другому фургону, потом к грузовому контейнеру, брошенному посреди поля, и, наконец, мимо высоких ржавых труб, к боковому входу, спрятанному в тени металлической лестницы.

Они стоят по обе стороны потайной двери с винтовками наизготовку. Агу выпрямляет пальцы и подключается к электронной панели рядом с дверью. На панели мигают лампочки, дверь тихо открывается, и Онайи врывается внутрь.

Глава 28

Айфи стремительно выбегает из конференц-зала и несется вниз по коридорам, пока не оказывается на шумной оживленной улице. Дэрена нигде не видно. Люди куда-то идут как ни в чем не бывало. Раннее утро. Им нужно в магазины, они будут есть, будут флиртовать друг с другом, пойдут в университет – все как обычно. И тут Айфи понимает, что стала свидетелем тайны. Она украла тайну из сообщений Дэрена. Хакнула его систему. А это, между прочим, наказуемо. Дэрен, конечно, понял бы ее. Он всегда понимает. Айфи просто хочет быть рядом, хочет тоже всегда понимать его. Но нельзя было подслушивать. Она должна была отключиться. Но ведь он же ее сам впустил. Вот что такое любовь, пытается убедить она себя, пока мчится к зданию, где заседает командный состав.

Она идет ко входу, вспоминая, что нельзя выглядеть подозрительно. Однако охранники настораживаются: она впервые здесь без сопровождения.

– Мне нужно найти Дэрена.

Ей отвечают молчанием.

– Я…

– Мы знаем, кто ты, – обрывает ее солдат.

Они даже не потеют, и Айфи понимает, что перед ней аугменты с охлаждающими системами, встроенными в кибернетически измененные тела.

– Вход в здание без пропуска запрещен. – На губах охранника усмешка, будто он не может поверить, что Айфи вообще посмела явиться сюда.

Но ведь сколько раз она уже была здесь? Видела залы, бродила по коридорам, учила уроки, пока Дэрен проводил совещания?

– Офицера Диалло сейчас нет на месте, – говорит ей другой солдат, подобрее.

Так, значит, он уже на пути из Абуджи. Но вдруг все еще где-нибудь в городе?

– Спасибо, – рассеянно говорит она и спешит обратно к воротам. Терминал. Ей нужно к Терминалу.

Она включает Акцент, и мир освещается – его пронизывает множество золотых нитей, соединяющих между собой все узлы связи в Абудже. Ей виден каждый, кто подключен к сети. И зонды наблюдения, медленно передвигающиеся над бульварами, аллеями, переулками, сканирующие каждую улицу и каждую крышу. Их контролируют Наблюдатели в башнях, разбросанных

по всему городу. Если бы она смогла получить доступ к такому оборудованию, как у них, она бы точно нашла Дэрена.

Через несколько минут Айфи находит ближайшую башню – похожее на обелиск сооружение из блестящего металла и прозрачного флексигласа. Оно похоже на старомодные часы, сквозь стекло которых видно механизм, каждое колесико и шестеренку, всю сложную конструкцию, благодаря которой они тикают. В задней части башни есть лифт – прозрачный цилиндр. Она прикладывает большой палец к панели, молясь, чтобы ее статус дозорного давал доступ. Потный палец соскальзывает с панели, она вытирает его о майку и пробует снова. «Давай, давай». Официально она не является Наблюдателем, только иногда участвовала в городских рейдах, но она близка Дэрену. Именно близость к Дэрену открывала ей путь всюду, где она успела побывать, – не способности и успехи в учебе.

Лампочка на панели мигает зеленым, и дверь лифта поворачивается на шарнирах, впуская Айфи. Она заходит на платформу, откуда открывается вид на квартал, и поднимается все выше и выше.

Сердце бешено колотится. Безмятежная картина, люди, толпящиеся у торгового центра «Сахад», гуляющие возле башни «Миллениум» в центре города, – все это кажется абсолютно неуместным. Если бы они только знали то, что знает она…

Лифт поднимается на самый верх, цилиндр открывается с противоположной стороны, выпуская ее в коридор, ведущий к пункту слежения, где перед Терминалом сидит Наблюдатель. На нем шлем, который с помощью проводов и оптоволоконных кабелей, вьющихся через башню, соединяет его с каждым зондом в городе. Айфи нужен такой шлем.

Она не хочет беспокоить Наблюдателя, но времени мало. Поэтому она решительно подходит к нему и кладет руку на плечо. Парнишка вроде бы даже не удивляется, может, настолько сосредоточен. Но Айфи чувствует, что его спина напряглась.

– Пересменка, – говорит она дрогнувшим голосом. – Они проводят тестовые испытания в наружной зоне Катампе, и там нужен еще один наблюдатель.

Айфи ждет, что он даст ей отпор и начнет выяснять, когда и от кого поступило распоряжение. Она ждет, что он проверит наружную зону Катампе и узнает, что там все в порядке с Наблюдателями. Но Айфи сейчас не может придумать ничего другого, кроме этой дурацкой незамысловатой лжи.

Несколько секунд проходят в тишине. Наконец раздается звук отцепляющихся проводов. Парнишка снимает шлем, и упругие завитки его прически афро, освободившись, распушаются над

головой. Поверх черного комбинезона на нем длинный ниспадающий балахон в бело-зеленую полоску. Когда он встает, оказывается, что он даже ниже Айфи.

– Окей, – улыбается он. Отключившись от системы, он снова становится ребенком. Протягивает Айфи шлем и убегает.

Пораженная удачей, Айфи на миг зажмуривается.

Она устраивается в кресле и надевает шлем, убирая под него косички. Ей даже не нужно подключаться – провода так и остаются лежать на полу. Она активирует Акцент, и весь мир вдруг становится белым. Это чересчур. Шлем усиливает действие Акцента: если раньше она видела что-то перед собой, то теперь ей открываются все направления. Ее тело сжимается. Ничто не защищает от обрушившейся на нее информации. Каждый запах, каждый цвет, каждая сказанная шепотом фраза, каждый обрывок разговора. Это слишком. Она вцепляется в подлокотники, впивается в них ногтями. Из носа течет кровь.

Она не установила никакие фильтры перед подключением, и теперь сенсорные сигналы всего города атакуют ее голову. Если сейчас же не остановить процесс, она потеряет сознание. Город уничтожит ее мозг, сожжет нейроны, превратит в овощ.

IP-адреса возникают и исчезают перед глазами с бешеной скоростью. Сотни, тысячи за секунду. Ей нужно найти Дэрена. Моноимпульс расширяет диапазон. Зонды наблюдения позволяют ей идти еще дальше, усиливая возможности Акцента. Она видит, слышит и обоняет запахи всего, что видят, слышат и обоняют зонды. Все точки, где Дэрен входил в систему, все, к чему он подключался. Как следы на земле. Она молниеносно перепрыгивает из одной локации в другую, пока наконец не находит пустое пространство на юге. Он движется на юг. В мехе.

Она концентрируется и делает последний прыжок, покрывая километр за километром земли, где почти нет сети, чтобы найти Дэрена, который ведет отряд мехов, низко летящих над лесом. Они направляются к буровым. Направляются к Онайи.

Когда возникает его сигнал в системе, она хватается за него.

Дыхание сбито. Она подносит дрожащие пальцы к лицу, чтобы вытереть кровь из носа. Веки вдруг становятся тяжелыми. О нет. Что происходит? Рука безжизненно повисает. Тело обмякает. Что со мной? Нет. Нет нет нет нет нет.

Сквозь обморочный туман она видит мигающий красный огонек – отслеживается маршрут по электронной карте Нигерии, к которой она подключилась с помощью Акцента. Она пытается послать Дэрену на коммуникатор сообщение, самое важное из всех, что когда-либо писала, сообщение, которое могло бы спасти жизни. Но не может даже вспомнить, что нужно сказать.

– Дэрен, – шепчет она, – Дэрен.
И теряет сознание.

Глава 29

Они открывают дверь и входят в складское помещение, заваленное ящиками без маркировки и выкинутыми комбинезонами. С крючков на стенах свисают маски для фильтрации воздуха. Пыль такая густая, что на полу остаются следы. Онайи настраивает механический глаз, чтобы ориентироваться в темноте, и не видит тепловых сигнатур. Нужно как-то спуститься под землю. Она пробует пол каблуком. Вроде бы цельный.

Дверь в дальней стене ведет в коридор.

Сначала они идут вместе, потом Онайи дважды хлопает Агу по плечу, указывает ему направление, а сама уходит в другом. Они разделяются на повороте и вновь сходятся на следующем. У Онайи и нож, и пистолет наготове. Винтовка в закрытом помещении не поможет – даже наоборот. Она слышит стон и глухой стук, но продолжает обходить круг. Снова находит Агу – он склонился над мертвым офицером службы безопасности. Весь в черном, на левом плече нашивка – нигерийский флаг. Провод из затылка Агу подключен к затылку охранника. Глаза Агу стекленеют, он скачивает память охранника, затем отключается. Провод исчезает в разъеме на затылке, и он затягивается, как рана. Вместе они относят тело охранника обратно, на склад, – пусть собирает там пыль.

Возвращаются в коридоры; Агу ведет Онайи к двери, которую нашел, и набирает код, такой же, как на предыдущей дверной панели.

Они выходят к металлической решетке, окружающей гигантское пространство с огромной колонной в центре. Агу пригибается, целится и стреляет. Два охранника, впереди и справа от них, падают. Онайи поднимает винтовку к потолку и ищет другой проход; оба смотрят под ноги, но ничего не видят. Четыре лампы горят на металлических панелях. Лестниц нет, совершенно неясно, как добраться до других переходов. Панели, скорее всего, связаны с платформой. Возможно, это и есть путь вниз.

Они подходят к первой панели, Агу вытягивает руку и молниеносно набирает последовательность клавиш. Сине-красные маховики над панелью вращаются до тех пор, пока все красные части не разворачиваются в разные стороны. Что-то невидимое разблокировалось. Наверное, Агу украл код у охранника, когда взломал его. Громкий свистящий звук – и пар. Но с виду ничего не меняется. Они переглядываются и идут к

следующей панели. Агу повторяет свои действия. Маховики образуют другой узор. Пол под Онайи открывается. Она падает, но в тот же миг что-то выдергивает ее наверх. Агу крепко держит ее за запястье. Нож и пистолет улетают в беспросветную бездну. Кажется, что они падают целую вечность. Потом слышен тихий всплеск.

Агу вытаскивает Онайи обратно, и она становится на колено, переводя дыхание. Потом они медленно перебираются к следующей панели. Агу взламывает ее, и снова из-под земли раздается свистящий звук, еще громче, чем прежде. Они подходят к последней панели.

На этот раз, когда Агу заканчивает, все сотрясается от страшного грохота.

Они вскидывают винтовки. Из воды, которая плещется где-то в глубине, вырастает громадная колонна, завершающаяся закрытой платформой, похожей на шлем. Платформа окольцована стеклом, сверху и снизу – ржавый металл. С нее ручьями льется вода. Платформа останавливается прямо возле них. Передняя часть открывается, и перед ними рывками расстилается трап. Трап заржавел и истерся, но Онайи и Агу несутся по нему не глядя – на случай, если и этот путь предательски исчезнет.

Агу ищет консоль внутри или что-то еще, что может управлять их спуском, но, прежде чем находит, проход закрывается, отрезая дорогу назад, и камера начинает спускаться в воду.

Стенки трясутся и дребезжат так, что у Онайи стучат зубы. Держаться можно только за поручни по краям. Как только они погружаются в воду, меняется давление.

Камера-контейнер со скрежетом двигается по рельсам. Дергается, застревает на месте, затем начинает подниматься.

Поднявшись совсем немного, останавливается. С помощью Онайи Агу встает, опирается на нее, но уже через короткое мгновение снова приходит в форму. Онайи вытирает кровь под носом, кивает, и с оружием наизготовку они ждут, когда контейнер откроется.

Дверь со скрипом открывается. Вода потоком устремляется внутрь – сразу по щиколотки. О нет. Они не совсем над водой. Дверь заклинивает. В контейнер продолжает заливаться вода, и тут Онайи понимает, что происходит. Рельсы, по которым двигался контейнер, отказали. Если они не выберутся сейчас же, контейнер заполнится водой, слетит с рельсов и затонет.

Она отбрасывает винтовку за спину и шлепает по воде к двери. Вода уже до бедер. Просунув пальцы в щель, она тянет

дверь изо всех сил – не поддается. Агу спешит на помощь, и они тянут вместе. Ничего. Уровень воды растет. Уже ей по пояс. Агу едва достает до дна. Они продолжают тянуть.

У Онайи перенапряжены руки, суставы вот-вот треснут. В сознании мелькает картинка: безжизненное тело Агу плавает в воде лицом вниз. Она стискивает зубы, закрывает глаза, но поскальзывается и падает в воду. Вода уже высоко – она уходит с головой. Поднявшись, видит, что Агу по шею в воде. Лицо бесстрастное и твердое. На виске от напряжения пульсирует вена. Его тело на пределе возможностей.

Болезненный разрывающийся звук: провода и шестерни разлетаются в стороны. Агу падает спиной в воду, из разорванной руки хлещет кровь и масло. Онайи тянет мальчика к себе, прижимает лицом к плечу и продолжает изо всех сил тянуть дверь металлической рукой. Я должна его спасти. Я должна его спасти. Я должна его спасти.

Дверь скрипит и наконец отъезжает в сторону.

Обхватив абда одной рукой, Онайи выплывает и находит ближайший выступ. Нащупав опору на краю платформы, чуть не плачет от радости. Заталкивает на нее оглушенного Агу, затем взбирается сама. Вода течет с них ручьями.

Прижимая сломанную руку к груди, Агу пытается сесть, но падает навзничь. Онайи подтягивает его и кладет голову мальчика себе на колени. Прежде чем понимает, что делает, она нежно качает его на руках, пытаясь успокоить. Агу порывается встать, но она укладывает его обратно. Полежи спокойно. Отдохни. Все будет хорошо, проносится у нее в голове. Агу, должно быть, слышит и перестает сопротивляться.

– Моя рука, – шепчет Агу.

Кожа местами разорвана, детали, служившие суставами чуть ниже плеча, отломились. Провода на разрывах перекручены и разорваны.

Онайи тянется за сумкой и понимает, что ее нет. Видимо, соскользнула в контейнере. Она хлопает по карманам и открывает один на жилете, вытаскивает мокрый тюбик «МеТро».

Рука Агу безжизненно свисает, кожа оборвана, внутренние механизмы обнажены. Придерживая его руку своей, Онайи зажимает тюбик зубами и ищет в карманах компактно сложенные инструменты. Умудряется развернуть их во всю длину. Пальцы дрожат. Она закрывает глаза, чтобы унять дрожь. Она никогда раньше не нервничала на поле боя, особенно если речь шла о спасении раненого товарища. Но теперь сердце неистово бьется, и она прикладывает огромное усилие, чтобы прогнать тревогу.

Механизмы в ее руке включились и зажужжали. Она сверлит,

припаивает провода, режет, где нужно разрезать, скрепляет повязкой те, что разделились, подсоединяет к микросхемам, закрепляя в обгоревших разъемах, – все то, что она тысячи раз делала с собственной рукой. Закончив, стягивает поврежденную кожу и выдавливает герметик «МеТро» вдоль разрыва. На месте раны остается только рубец. Сама не зная зачем, наклоняется к мальчику и нежно дует ему на лоб. Приходит воспоминание: она поступала так с Айфи, когда та болела лихорадкой в сезон дождей.

Дыхание Агу постепенно восстанавливается. Он смотрит на Онайи снизу вверх. Слабая улыбка появляется на его лице и исчезает. Он садится и пытается сжать руку в кулак. Пальцы либо чуть сгибаются, либо не сгибаются вообще.

– Сестра, – говорит он, указывая куда-то пальцем здоровой руки.

Онайи следит за его взглядом и видит их.

Прямо за ней возвышаются гигантские человекоподобные машины – каждая своего цвета. Они такие огромные, что их головы теряются где-то в темноте. Устрашающие скафандры. К руке одного меха прикреплена чудовищного размера винтовка, у другого на спине дубинка, у третьего вокруг запястья цепи с клинками. Онайи смотрит на них в благоговейном ужасе.

Игве. То, зачем они пришли.

С помощью механического глаза она приближает их и фотографирует детали. Кабина расположена в туловище, высокоточные прицельные экраны на лицах, реактивные двигатели, оружие, хранилище для боеприпасов с пулями, ракетами, генераторами для лазеров. Они могут легко стирать с земли целые деревни, мех Онайи рядом с ними не больше комара.

Закончив, она вставляет провод из разъема на своем затылке в разъем на затылке Агу.

Она слышит треск разряда, резкий взвизг и отсоединяется. Что-то, вероятно из-за руки, вызвало короткое замыкание в его нервной системе. Ее желудок сжимается от страха. Он не сможет загрузить скачанные ею данные.

Онайи пытается удаленно подключиться к остальным, но слышит лишь помехи. Похоже, все далеко. А может быть, слишком толстые стены блокируют сигнал.

Пути назад нет, они в ловушке. Онайи смотрит по сторонам и видит на площадке сверху такую же панель, как та, что Агу хакнул в предыдущем помещении. Они бегут туда, и Агу кладет на нее здоровую руку. Быстро набирает код, и через несколько секунд в подземном ангаре включается свет.

Они слышат, как трется металл о металл, в помещение врывается вода. В глазах игве загораются огоньки. Теперь Онайи видит, что толстые кабели крепят машины к стенам. Быстро просканировав, Онайи находит, как подобраться к ним. Металлическая решетчатая лестница, длинная и тонкая, ведет к груди гигантских мехов. Онайи и Агу быстро залезают и по металлическим переходам добираются до кабин игве – каждый до своего. Когда они уже совсем близко, корпус приоткрывается, в кабине – мягкое кресло, панели управления и сенсорные консоли – как в любом мехе. Давно Онайи не сидела в таком кресле.

Она запрыгивает на сиденье, Агу следует ее примеру.

Онайи чувствует себя так, словно попала в объятия старого друга. Хотя текст, который она видит, на незнакомом языке и все элементы управления расположены иначе – педали, переключатели скоростей, оружейная панель, запуск двигателей, – ее опыт и мышечная память подсказывают, что делать. Ей кажется, что она всю свою жизнь пилотировала эту машину.

Над платформой, на которой стоят игве, поднимается вода.

Приборные панели мигают перед Онайи, и она вызывает на экран окно информации. «Они могут трансформироваться», – выдыхает она. Вводит последовательность клавиш, и игве начинает видоизменяться, сгибается и складывается, пока не превращается в робота-мечехвоста. По венам Онайи словно бежит электрический ток. Она не помнит, когда в последний раз испытывала такой восторг.

На экране коммуникатора появляется лицо Агу, и, набрав новое сочетание клавиш, она отправляет ему инструкции. Наблюдает, как преобразуется его мех.

Они вместе погружаются под воду.

Двигаются по какому-то туннелю. Заграждения расходятся по мере их приближения, и вот наконец открытое море. Сразу, как они всплывают на поверхность, туман в голове Онайи рассеивается. Она снова видит и чувствует окружающий мир. Издалека слышно, как закрывается дверь в хранилище с игве.

Онайи устанавливает соединение с Чинел, но первое, что слышит, – приглушенный звук автоматной стрельбы, доносящийся изнутри объекта.

Чинел разрешает Онайи доступ к своему коммуникатору, и с помощью пчел, которых она выпустила на разведку, Онайи видит последствия перестрелки: абд Голиб держит на весу окровавленную руку; женщина в комбинезоне лежит на земле в растекающейся луже крови; другие рабочие – всех рас и цветов кожи – сидят в куче, запястья и лодыжки связаны, во рту кляпы.

– Мертвая – это нигерийка, – объясняет Чинел. – Звали Даурама. Офицер, солдат, охраняла рабочих и руководила патрулированием объекта. Она отправила сигнал тревоги. Пыталась напасть на Джинику, но Голиб остановил ее.

– А заложники? – спрашивает Онайи.

– Со всего мира. Некоторые из Европейского Колониального Блока. Из космоса. Оказывается, не только Великобритания тайно помогала нигерийцам.

– Отпустите нас! – кричит заложник, которому удалось выплюнуть кляп. – Мы вообще ни при чем!

Один из абдов утихомиривает его, ткнув стволом винтовки.

Чиамер подходит к Чинел и что-то говорит ей так тихо, что Онайи не слышит.

Тогда Чинел обращается к Онайи:

– У нас проблема. Нигерийцы приближаются.

Онайи оборачивается. Вдалеке, на береговой линии, в свете полуденного солнца ослепительно сияют огни дюжины бело-зеленых наземных мехов.

Глава 30

Кажется, это было так давно, но Айфи помнит каждую деталь. Она сидит на стуле, в лицо направлен яркий свет. Какая-то женщина пудрит ей кистью щеки и лоб, наносит тампоном что-то железообразное. Видя немой вопрос в глазах Айфи, отвечает, что так лучше для освещения. Кто-то приглаживает сзади волосы, еще кто-то пытается расправить грязную коричневую рубашку, рубашку, которую она не меняла с тех пор, как ее поймали. Спасли. Теперь так нужно это называть. Спасли.

Она оглядывается, ища Дэрена и Даураму, но их нигде нет. Может быть, они в другой комнате.

Свет слишком яркий. Напротив Айфи сидит, положив ногу на ногу, женщина в костюме колониального стиля. Вокруг нее тоже копошатся, пудрят ей щеки и промокают лоб, а она ведет себя так, словно вообще не замечает этой суеты.

– Можете побрызгать ее? – спрашивает женщина, и Айфи понимает, что речь о ней. – Все будут видеть и слышать ее, но запах же они не почувствуют, так что избавьте и меня.

Айфи хочет сказать женщине, что, если бы ей дали возможность помыться, она бы помылась. Но ее держали в крошечной больничной палате, немножко покормили, а потом возили по новому незнакомому городу, и она никак не могла этого сделать. Она хочет грубо обозвать женщину, но в голову ничего не приходит. Ей не хватает слов.

Она надеется, что с Дэреном все в порядке. Она не видела его с тех пор, как вышла из больницы. С тех пор, как доктора сказали, что она оправилась от травм. Крушение самолета возвращается вихрем воспоминаний: взрыв, кружение, Даурама хватает ее за шею и угрожает, Дэрен успокаивает ее, Дэрен заворачивает ее в одеяло, выталкивает наружу, она кружится, кружится, кружится, а потом – боль, сильнее которой не было в жизни.

Она приходит в себя в больнице. Дэрен лежит на соседней койке.

У нее в руках бумажный журавлик – она подобрала его с пола и с тех пор не расставалась с ним. Она не может его выбросить. Если она его потеряет, то может потерять и Дэрена. А этого допустить нельзя. Ей нужно быть сильной для него. Она должна быть готова к тому, что он поправится и вернется за ней.

Кто-то обрызгивает спреем все вокруг Айфи. Она чихает, но женщина напротив, похоже, расслабляется. Лицо смягчается.

Она наклоняется ближе:

– Меня зовут Сафия, – тихим глубоким голосом говорит

она. – Сегодня мы с тобой побеседуем о том, что тебе пришлось пережить.

– Вы доктор? – спрашивает Айфи.

Сафия смеется:

– Нет, я журналистка. Мы хотим, чтобы твою историю узнали во всей Нигерии, чтобы люди знали: одну из нас возвратили к соотечественникам. – Она касается колена Айфи. – Ты столько пережила. Если в какой-то момент почувствуешь, что больше не хочешь говорить, просто дай знать, и мы прервемся.

Айфи должна быть сильной. Поэтому она кивает. Окей.

Удовлетворенная, женщина откидывается назад.

– Готовы? – спрашивает она куда-то в воздух. Потом пристально смотрит на Айфи. – Сегодня у нас в студии девочка, которую меньше месяца назад спасли нигерийские военные, осуществившие героическую операцию. Биафрийские террористы захватили ее много лет назад, после зверского убийства ее семьи. Сегодня, благодаря выдающемуся мужеству пилотов Нигерийских вооруженных сил, она снова дома. Пережив травму, которую сложно даже представить, эта девочка решила рассказать нам об ужасах, с которыми столкнулась в плену. Встречайте – Айфи.

Глава 31

– Нужно вернуться к ним, – говорит Онайи Агу по коммуникатору. Агу кивает ей с экрана. Нефтеперерабатывающая станция на большем расстоянии от береговой линии, чем ожидала Онайи, но все же достаточно близко, чтобы хорошо слышать остальных. Она напрямую подгружает все, что видит Чинел, и на панели появляются мелкие экраны с изображениями, которые передают пчелы. Онайи тоже видит коридоры, металлические ступеньки, переходы, похожие на пещеры склады, все помещения.

– Под балками есть место, – замечает Агу. – Можем спрятать там мехи. У меня на схеме станции видно, что до сестер и абдов добраться довольно просто.

Она изучает план этажа, сохраненный в его центральном процессоре, и намечает маршрут. Находясь под одной из балок, они смогут вскарабкаться по крутой лестнице, которая приведет к нижней части другой балки, а затем к дорожке, опоясывающей восьмиугольник. А потом по вентиляции они попадут туда, где находятся остальные и заложники.

Онайи снова подключается к Чинел.

– Они пытались выйти на связь? Хотя бы требовали освободить заложников?

Глазами Чинел Онайи видит, как все отрицательно качают головами.

– Ничего. Молчат. Перекрыли все входы и выходы. – В ее голосе не слышно ни обреченности, ни даже привкуса неудачи. Она отвечает твердо и уверенно, и Онайи понимает, что Чинел пойдет до конца. Эта девочка, которая раньше интересовалась только тем, как налаживать и совершенствовать технику, как сделать, чтобы в теплицах не гас свет и система фильтрации воды работала идеально, – эта девочка готова умереть за свой народ.

Хотя сердце Онайи поет от гордости, отчаяние все равно подкрадывается. Нет, сама она не стремится избежать конца, но хочет, чтобы такая любознательная девчонка, как Чинел, уцелела и увидела наконец мирную жизнь. Какие чудеса она смогла бы сотворить в будущем! Но нигерийцы несут смерть.

Онайи с Агу добираются до пустого пространства под балкой, где прячутся от самолетов и воздушных мехов. Их игве покачиваются в воде – только панцири видны над поверхностью.

Онайи вылезает наружу, на спину гигантского робота. Будь он полностью над водой, до края панциря не дойти бы и за сто шагов.

Агу идет прямо к лестнице. Онайи – за ним, забрав кое-какие боеприпасы из кабины игве. Абд на мгновение останавливается, снова пробуя сгибать пальцы и двигать рукой, но в итоге просто силой прижимает пальцы сломанной руки к перекладине лестницы и начинает взбираться. Онайи следует за ним, готовая в случае чего подхватить его.

Вот они уже на платформе. Ветер хлещет так, что они пригибаются. Они готовы. Быстро двигаются вдоль решетки, окружающей балку, подходят к вентиляционному люку. Онайи убирает винтовку за спину и резким движением открывает его. Когда люк перестает греметь, она замирает. Шаги. Стучат подошвы ботинок. Враг близко. Снова шаги. Теперь быстрее.

Крепко прижимая винтовку, Онайи забирается в отверстие, пока Агу, стоя на одном колене, целится, зорко глядя по сторонам, готовый встретить то, что появится из-за угла.

– Агу, – шипит она, забравшись внутрь. – Эй! Пойдем!

Он еще раз окидывает пространство взглядом, прежде чем протиснуться в люк. Онайи уже на другом конце трубы, которая ведет в генераторную. И тут она слышит выстрел. Агу.

Она пробирается дальше, но Агу кричит:

– Онайи, назад!

Вентиляционная труба заполняется серебристо-фиолетовым газом. Реактивная граната. Снова выстрелы, взрыв.

Труба изгибается и ломается; Онайи скользит, ей не за что ухватиться. Ноги разъезжаются в разные стороны, она вываливается в дыру на другом конце вентиляционного хода и падает навзничь. Винтовка в руках, она целится, еще не видя во что или в кого, а потом понимает, что смотрит прямо в дуло винтовки Кесанду.

Кесанду заливается резким смехом, словно не веря тому, что произошло. Через пару секунд Агу тоже вываливается из люка. Он приземляется, сгруппировавшись, и вскидывает винтовку.

– Реактивная граната, – говорит Онайи.

Увидев, что он среди товарищей, Агу поднимается на ноги.

– Я выстрелил в ответ. И еще послал вдогонку снаряд, чтобы он вытолкнул дым и чтобы ветер снаружи подхватил его. Теперь труба сломалась, – он показывает пальцем вверх, – и воздушный поток отрезан.

Чинел, Джиника и Обиома смотря на Агу с удивлением, а затем, с лукавым восхищением, – на Онайи.

– Ну, по-моему, они реально спелись, – улыбаясь, говорит Обиома без малейшего ехидства.

Онайи заглядывает за угол и видит заложников, сидящих на полу. Нгози и Ннамди сторожат их.

– Покажите мне убитую, – говорит Онайи.

Чинел ведет ее по коридору, и они находят прислоненное к стене тело молодой женщины в порванном комбинезоне. Под ним – обтягивающий бронекостюм. Онайи опускается на колени и щупает пульс на шее нигерийки, потом разрывает на ней одежду еще больше, стучит костяшками пальцев по груди и чувствует, как тверд бронежилет. Однако недостаточно тверд, чтобы защитить от той самой роковой пули.

Вдруг Онайи замирает. Это лицо. Из-за другой прически она не сразу узнала ее. Но сейчас – уверена. Воспоминания нахлынули, как цунами. Онайи, вся в грязи, лежит в лесной траве, ее ноги – искореженное месиво. От сбитого ибу-меха валит дым. Она лежит на спине и видит, как нигериец, одетый во все черное, тащит Айфи. А эта женщина стоит над ней с винтовкой. Она ждет, пока уйдут остальные, затем стреляет в воздух. Спасает жизнь Онайи.

Онайи смотрит на нее, под ней еще не высохла лужа крови. Ее звали Даурама. Минута – и Онайи стирает с лица эмоции.

– Идем, – говорит она, предоставляя Чинел догадываться, о чем думает ее боевая подруга. Они возвращаются к остальным.

– Вы уже приняли решение? – спрашивает Онайи, кивая в сторону иностранных заложников.

Чинел отводит ее в сторону.

– Мы думали, объект охраняется только солдатами, если охраняется вообще. Что придется иметь дело с мехами и синтами. Но эти… эти могут стать выходом для нас.

– А ты не подумала, что нигерийцы все равно их убьют, а вину повесят на нас?

На лбу Чинел появляется складка.

Один из ойнбо начинает дрожать.

– Посмотрите-ка, – ухмыляется Обиома. – Дрожит как осиновый лист.

Остальные заложники низко наклонили головы. Им не дождаться снисхождения от Онайи. Джиника подходит к ней и тихо говорит:

– Если отпустим, они расскажут своим нанимателям и под ударом окажемся мы.

Чинел хмурится еще больше.

– А если убьем, вызовем международный скандал. И вся репутация, за которую боролся премьер, чтобы склонить на нашу сторону Колонии, будет потеряна навсегда.

Чинел – лидер, и Онайи чувствует, как все смотрят на нее в ожидании.

Им может казаться, что Чинел – воплощение спокойствия, но

Онайи знает, как нелегко дается ей решение. Пусть для них она командир, вожак, стратег, готовый дать ответы на любые вопросы и решить любую проблему. Но Онайи видит девчонку, которая ничего этого не хотела, которой не нужны ни стрельба, ни кровь, которая взяла винтовку только потому, что заставили обстоятельства.

Вот что с нами делает война, говорит себе Онайи.

Чинел выпрямляется.

– Что? – спрашивает Онайи.

– Они близко.

Онайи знает: пчелы Чинел обнаружили активность – они следят за передвижением вражеских солдат, идущих на штурм. Больше нет времени.

Нгози и Ннамди сторожат заложников, остальные собираются плотным строем.

– Ты передала данные? – спрашивает Чинел.

– Нет, – отвечает Онайи. – Внизу не было сигнала.

Чинел тычет пальцем в потолок.

– Наши сигналы они тоже заблокировали. Мы не можем связаться с внешним миром.

– Так что, все эти разведданные, за которые мы сражались, умрут здесь, с нами? – Это Кесанду. Она хочет выказать бесстрашие и сарказм, но голос выдает ее.

– Чиамер, – зовет Онайи.

Бросив короткий взгляд на свою сестру, абд идет к Онайи. Онайи вытаскивает провод из затылка и вставляет в разъем Чиамера.

– А что с Агу? – спрашивает Чинел.

Не поднимая глаз, Онайи отвечает:

– Его ранили, когда мы были внизу. Повреждена рука, да так, что задело нервную систему. Я больше не могу к нему подключиться.

– Тогда как он передаст данные?

– Удаленно. Если данные есть у одного абда, они все могут скачивать их с помощью общего сознания, по закрытой сети.

Закончив, она отключается от Чиамера и протягивает конец провода Чинел. Ты не синт, но ты уже больше машина, чем человек. Онайи не хочет говорить этого вслух, не хочет даже предполагать, что Чинел хоть в чем-то похожа на абда – пусть со всеми технологиями, внедренными в ее тело, – что она не из плоти и крови. Поэтому она просто молча протягивает провод Чинел.

Чинел вставляет его в разъем у себя на шее. Онайи чувствует, как информация рекой течет от нее к подруге. По завершении

процесса провод выскальзывает из шеи Чинел и возвращается к Онайи.

– Хорошо, – говорит Кесанду, когда вроде бы все готово. – И что теперь? Мы в ловушке.

– Можем попробовать пробиться, – говорит Онайи, – или…

Все замирают.

Чинел и Онайи смотрят друг на друга, а затем куда-то в пространство. Их коммуникаторы получают одно и то же сообщение. На голографическом экране перед ними возникает лицо. Лицо молодого мужчины с серебристыми дредами, спадающими на плечи. На нем черный комбинезон, такой же, как на мертвой нигерийке. Его лицо освещено разноцветными бликами. Он подключился из меха.

Увидев его, Онайи прерывисто глотает воздух. Тело сжимается. Линия на ее плече, где встречаются плоть и металл, горит и леденеет одновременно. Эти глаза…

Ее мех разбился. Рука вытянута на пне. Вспышка лазерного ножа. Удар.

Это был он.

– Меня зовут Шеху Дэрен Сулейман Секоу Диалло, командир подразделения Нигерийских вооруженных сил, Мобильная оборона класса А. Предлагаю вам сдаться. Освободите заложников и уходите. В противном случае мы будем вынуждены вас уничтожить.

Глава 32

Тишина в зале суда. После ослепительного света, камер, шума нового города под названием Абуджа больше всего Айфи поразила тишина в зале суда, куда привел ее Дэрен. Она впечаталась в память.

Зал был похож на пещеру. Стены и арки под потолком-куполом расписаны арабской вязью. Пол покрыт геометрическими узорами, что-то такое было на картинках к урокам, которые Айфи читала на сломанном планшете в лагере.

По обеим сторонам центрального прохода – скамейки, впереди – стол и несколько стульев, развернутых к креслу, похожему на трон. По обе стороны трона два больших кресла с такими мягкими плюшевыми подушками, что, кажется, в них можно утонуть. В креслах бородатые люди в блестящих одеждах. У всех на головах шапочки того же цвета, что и одеяние. У каждого свой цвет: фиолетовый, темно-синий, оранжевый…

Держа Айфи за руку, Дэрен останавливается в конце прохода. Охранники с пистолетами на поясе и бело-зелеными лентами через грудь стоят вдоль стен. Дэрен коротко склоняет голову:

– Достопочтенный кади, ассалам алейкум.

Человек в центре, одетый в серебристую джеллабу с зеленой полосой посередине, кивает в знак приветствия:

– Алейкум ассалам.

Затем поднимает голову, обращаясь ко всем:

– Сегодня мы собрались здесь, в Высшем шариатском гражданском совете Абуджи, чтобы вынести решение о кафале, поручительстве. Заявитель, огласите вашу просьбу.

Дэрен отпускает руку Айфи и делает шаг вперед.

– Я, офицер Шеху Дэрен Сулейман Секоу Диалло, командир подразделения Нигерийских вооруженных сил, хочу принять эту девочку в свою семью на правах опекуна.

Судья смотрит на Айфи:

– Как тебя зовут, дитя?

Айфи выходит из оцепенения и отвечает, сначала совсем тихо, потом громче:

– Айфи.

– А фамилия?

– У меня… – Вопрос больно задевает ее, и она не может подобрать слова.

– Достопочтенный кади, этого ребенка освободили, она находилась у врагов. Ее семью убили террористы. У нее… нет фамилии.

Судья хмурится.

– Она мусульманка?

Это застает Дэрена врасплох. Он прикладывает руку к сердцу:

– Она готова подчиниться воле Аллаха.

– Не нужно отвечать за нее, молодой человек. Если она станет частью вашей семьи, значит, она станет частью огромной семьи мусульман всего мира. – Судья наклоняется к ней. – Дитя, ты мусульманка?

Айфи не знает, как отвечать. Просто не знает. Она знает, что Онайи научила ее ненавидеть нигерийцев, которые были не игбо. Знает, что Онайи однажды сказала ей, что все хауса – собаки, звери, которых нельзя назвать людьми, и что фулани сделаны из зла и металла, и что боги игбо прокляли их за то, что они молились Аллаху. Но еще она знает, что Дэрен добр с ней. Он спас ее из падающего самолета. И он сейчас рядом.

Ее глаза наполняются слезами.

Дэрен поднимает голову и смотрит на судью:

– Достопочтенный кади, разве нас не учат, что бедные и сироты должны в первую очередь получать помощь, если мы можем ее оказать? У этой девочки нет никого, кроме нас, о ней некому заботиться. – Он делает паузу. – Да, она мне не родня по крови. Но я буду любить ее как родную. Зовите их именами отцов, это справедливее перед Аллахом. А если же вы не знаете их отцов, то они являются вашими братьями по вере и вашими близкими. И не будет на вас греха, если совершите ошибку. Важно лишь намерение вашего сердца. Аллах воздаст по заслугам. Аллах милосерден. – Дэрен отступает на шаг, снова становясь рядом с Айфи. – Я дам ей свою фамилию.

Судья откидывается на спинку кресла.

– Разве не нашел Он тебя сиротой и не дал приют? Он нашел тебя заблудшим и повел прямым путем. Он нашел тебя в нужде и обогатил. Потому не притесняй сироту. – Судья не сводит глаз с Дэрена. – Вы готовы принять эту девочку в свою семью как свою родственницу?

Дэрен кивает.

– Поднимите руку и повторяйте за мной. Клянусь Аллахом, – начинает судья.

Дэрен повторяет.

– Клянусь Аллахом, что буду защищать эту сироту и заботиться о ней, как предписывает мне ислам, как провозглашает пророк Мухаммед, мир ему. Со мной она будет в безопасности. Я буду кормить ее пищей моего дома. Я отдам ей одежду со своего плеча. Для всего мира она будет частью моей семьи. Клянусь, что буду близок к ней, как близки два пальца на

руке. Я буду любить этого ребенка, как были любимы чада Пророка, мир ему. Я клянусь перед Аллахом.

Дэрен заканчивает речь, смотрит на Айфи – глаза его полны слез.

– Айфиома Диалло, – говорит он, словно пробуя новое имя на вкус.

– Диалло, – вторит она. Ей хорошо и спокойно.

Глава 33

Онайи старается запомнить черты пилота, цвет глаз, волосы, светлый оттенок кожи. Она представляет себе лицо генерал-майора, когда она принесет ему голову этого офицера. Убить эту собаку, изуродовавшую ее еще ребенком… Она видела его в кошмарных снах с тех самых лет… И вот он здесь, Онайи едва сдерживает усмешку.

– Ублюдок фулани, – ухмыляется Кесанду. Онайи видит, как свирепо смотрит она на экран. Она никогда не видела Кесанду в таком бешенстве. Плечи вздымаются. Руки сжимают винтовку. Вены вздулись на шее. – Ты только и знаешь, что убивать. Женщин, детей. Для тебя нет разницы. – Она делает два шага вперед. – Убиваешь так часто, что даже не помнишь их. Но все деревни, которые ты сровнял с землей, города, которые разбомбил, каждый лагерь, на который ты нападал, – ты сам создал себе тысячи новых врагов. Вот что случается, когда детям приходится видеть, как умирают их ровесники. Мы задавим вас. Мы победим.

Лицо нигерийского офицера остается безучастным. Словно он слышал подобное множество раз.

– Я и не ожидал, что вы пойдете на переговоры, – произносит он. – Но мне нужна эта запись, доказывающая, что я дал вам шанс сдаться.

Связь прерывается. Экран исчезает. Онайи продолжает смотреть туда, где он только что был. Ей доставляет удовольствие иметь конкретного врага. Она больше не сражается с безликой массой. Теперь можно направить всю ярость, все неистовство на этого человека. Если она убьет его, она, возможно, будет удовлетворена. Она повторяет клятву, которую дала много лет назад, на этот раз называя своего мучителя по имени: Шеху Дэрен Сулейман Секоу Диалло, я убью тебя.

Она видит, что Кесанду еще не удалось овладеть собой. Тут тоже явно что-то личное. Может, он разбомбил ее родную деревню. Может, лишил ее родителей. Может, Кесанду, как и Онайи, хочет сконцентрировать ненависть на ком-то одном. Одной мишени достаточно. Один человек, которому можно отомстить за все, что пришлось выстрадать.

– Думаешь, у нас еще есть время? – спрашивает Онайи.

– Не так много, – отвечает Чинел.

Агу делает шаг вперед. Шрам отчетливо выделяется на его плече.

– Они не станут бомбить объект, пока здесь их солдаты.

Задача солдат – нанести нам точечные удары и сохранить жизнь максимальному числу заложников. А тогда уж они взорвут станцию, чтобы убить нас всех.

– Мы ни в чем не виноваты, – кричит опять один из рабочих. – Вы так никогда не добьетесь мира!

Нгози бьет его прикладом, кровь льется из раны на виске.

– Мир не достается просто так. – Голос Нгози тверд, как металл игве. – Мир завоевывается. Они долго издевались над нами. Все начинается не с резни. Все начинается с того, что игбо изгоняют из правительства. Потом все хорошие рабочие места получают только хауса, фулани и йоруба[5]. Потом нас обвиняют в преступлениях, которых мы не совершали. Называют игбо животными. Говорят, что мы заполонили страну. И вот уже из-за нас растет Сахара, из-за нас Нигерия превращается в пустыню. Из-за нас засуха. Из-за нас радиация. Нас бросают в тюрьмы. А потом убивают.

Онайи наблюдает, как жестче проступают племенные шрамы на лице Нгози. Они придают ей величественный вид, выдавая принадлежность к королевскому роду.

– Мы пробовали мирные протесты, – продолжает Нгози. – Пробовали выходить на марши. Пробовали регистрировать всех игбо, даже из глубинки, для участия в выборах. – Она говорит то, что знает сама, а не цитирует статью или скачанный учебник истории. Говорит как человек, чьи родители обсуждали политику за семейным ужином. Отец носил ее на руках на этих мирных маршах. Она помнит, как жили до начала войны. До того, как началось насилие. – Ненависть не вызывает любовь. Говорят, что, если ненавидящий заставляет тебя ненавидеть его в ответ, он побеждает. Но вот вопрос: в чем же эта победа? Объясняют: если любить в ответ на ненависть, то одержишь победу. Но никто не скажет, в чем эта победа. Мы видим все собственными глазами. Мы видим, что эта «победа» – смерть от мачете. Изоляция. Бойня. – Нгози хмурится. – И все это сделали они.

Наступает молчание.

Чиамер, абд Чинел, что-то шепчет ей на ухо. Чинел поднимает голову, глаза полны решимости. У нее есть план.

– Сюда, сюда. – Она собирает всех. – Чиамер считает, что офицер снова выйдет на связь. Во время первого контакта он не пытался получить информацию. Не спросил даже, сколько у нас заложников, хотя им точно известно, что заложники здесь. Иначе они бы уже давно атаковали станцию. Его канал был зашифрован, вероятно, поэтому он и смог выйти с нами на связь. А может, у них есть другой способ проникать через блокировку. В любом случае это наш шанс. Мой абд хакнет коммуникатор этого

Дэрена, а потом использует его систему связи как VPN для передачи данных в наш штаб.

Кесанду подается вперед:

– Но в нашем штабе это будет выглядеть как сообщение от врага.

Чинел отвечает:

– Нам остается только верить, что они поймут и откроют его.

– Точнее, догадаются, – фыркает Обиома.

Чинел мрачно кивает.

– Итак, ждем, пока он снова выйдет на связь, – заключает Кесанду.

– У нас нет выбора.

– С ним кто-то еще, – говорит Калу. Все поворачиваются к абду Кесанду. – Пилот киборгизирован. Кто-то уже взломал его канал.

– Что? – У Онайи расширяются глаза. – Кто это может быть? Враг? Союзник, о котором мы даже не знаем?

– Этот кто-то подключен к Абудже, столице Нигерии.

Его слова вызывают общее потрясение.

Чинел приходит в себя первой. Усмехается.

– Ну, значит, нам даже не надо передавать инфу в штаб. Передадим ее прямо врагу.

Кесанду, все еще в шоке, с надеждой выдыхает:

– Мы транслируем ее по всей Нигерии. Покажем всем, что скрывает их правительство.

Чинел кивает.

– А они автоматически перегонят ее в Колонии. Мы обойдем их с помощью их же технологии.

Они сами не верят в свою удачу. Обиома шепчет беззвучно молитву благодарности.

Онайи думает о мертвой нигерийке и о той ночи в лесу, когда эта молодая женщина направила винтовку в воздух вместо того, чтобы застрелить ее. Слишком много воспоминаний. Слишком много эмоций. Онайи стирает их одной мыслью. У меня есть миссия, и я выполню ее.

Ее голову заполняет уже знакомое жужжание – нигерийский узел связи. Онайи смотрит на Чинел, и та кивает. Она тоже слышит сигнал. Вместе они запускают проекцию, и лицо Дэрена снова появляется на экране.

– Ну что, передумал, козел?

Брови пилота фулани сходятся в одну мрачную линию.

– Солдаты уже близко. Покажите заложников, и мы прикажем солдатам отступить.

– Так просто?

Онайи бросает взгляд на Чинел и понимает, что та тянет время. Другие девушки и абд стоят в стороне, их не видно. Как будто Чинел и Онайи тут вдвоем.

– Не думала, что вы, нигерийцы, так быстро пойдете на попятный.

– Ты забыла, – почти рычит Дэрен, – что ты тоже нигерийка. Мы все нигерийцы.

Чинел прикладывает руку к груди:

– Я нигерийка только потому, что так сказал белый человек. Я была игбо, потому что так сказали много лет назад мои соплеменники. Я биафрийка, потому что я сама так говорю. – Она опускает руку и продолжает: – Даже сейчас ты пытаешься защитить своих колонизаторов. Этих ойнбо. Да им плевать на вас. Им нужны только ваши ископаемые. Ваши машины. Им нужно то, что скрыто в биафрийской земле. Вот почему они помогают вам. У вас нет ничего общего. Им безразлична ваша культура, а вам – их. И вы все равно принимаете их помощь – помощь в уничтожении ваших братьев и сестер игбо.

Дэрен вздрагивает, и Онайи понимает, что сигнал прошел. Он обнаружил активность в своей сети связи. Но опоздал. Сигнал не остановить. Он уже во внешнем мире.

Очень скоро его получит каждое новостное агентство – и в Нигерии, и в космосе. Информация о том, как Колонии Содружества поставляют нигерийцам оружие массового уничтожения – в нарушение объявленного нейтралитета и галактического закона о правах человека. Колонии осудят применение такого оружия Нигерией. Последствия не заставят себя ждать, военные, политические. Все поменяется. Это будет расходиться, как круги на воде от брошенного камня. А потом – затишье, прекращение огня. Мир.

Они это сделали.

– Ты закончила свою маленькую речь? Все? – снисходительно спрашивает Дэрен.

Чинел расправляет плечи и говорит довольным тоном:

– Да, в самом деле все, ваше высочество господин козел.

Дэрен стискивает зубы – редко когда он не может скрыть злость. Берет себя в руки.

– А теперь покажите заложников. Как только я получу подтверждение, что они живы, я дам приказ отозвать солдат.

Один за другим, шаркая ногами, к экрану подходят иностранцы в грязных мятых комбинезонах, руки стянуты металлическими лентами. Подходят и снова исчезают из вида.

Дэрен внимательно оглядывает каждого, словно разыскивая кого-то.

– Там была еще одна. Где она?

Сердце Онайи бешено колотится. Мертвая. Даурама. Откуда Дэрен знает, что последним заложником была женщина? Она видит, что Чинел тоже лихорадочно думает об этом. Онайи отвечает:

– Ее посчитали опасной и поместили отдельно. Когда заложников освободят, она будет с ними.

На лбу пилота появляются новые морщины. Он заметно нервничает:

– Мне нужно знать, что она в безопасности. Я хочу увидеть ее. – В голосе слышна тревога.

Убитая – не простой нигерийский солдат, понимает Онайи. Она близка ему. Онайи каменеет. Это ничего не меняет. Каждый потерял кого-то дорогого. Она даже испытывает удовлетворение. Им уже удалось причинить ему боль.

Дэрен теряет контроль над собой:

– Немедленно покажите мне Даураму, или я взорву вас к чертовой матери!

– Рискуя быть наказанным собственным командованием? Рискуя попасть под трибунал Космических Колоний? – Чинел широко улыбается. – Лучше успокойся. Подыши свежим воздухом. Получишь заложников, когда мы освободим их, или вообще ничего не получишь. Вот так.

Дэрен замолкает. Хотя он не сводит глаз с Онайи и Чинел, они знают, что в данный момент он принимает приказ от командования.

– Хорошо, – цедит он сквозь зубы.

– Мы отправим подтверждение, когда все будет готово. – Онайи отключается. Поймав взгляд Чинел, говорит: – Он заподозрил бы, что мы тянем время, если бы я оставалась на связи. По крайней мере, так можно надеяться, что он пока не представляет, что мы задумали. Они до сих пор считают, что наша цель здесь – взять заложников.

Чинел усмехается.

– Поглядите-ка на нее. Прямо великий стратег.

Онайи улыбается.

– Тетя, – говорит Агу, обращаясь к Чинел, – мы взяли у них два игве. Они сейчас внизу, под нами. Мои сенсоры не показывают никакой активности возле них.

Кесанду поднимает брови:

– А нам всем хватит места?

Чинел поворачивается к ней:

– В этом нет необходимости. Для каждой сестры найдется свой игве, и мехи поменьше для абдов.

Кесанду, Нгози и Обиома на секунду теряют дар речи. Абды переглядываются, усмехаясь.

– Я знаю дорогу, – добавляет Агу. – Только все проходы заблокированы. Их перекрыло после первого сеанса связи.

– А как насчет заложников? – говорит Нгози. – Если они хотят увидеть их живыми, пути придется снова открыть.

Чинел чешет подбородок:

– Ясно, что это не только пилот решает. Им нужны заложники.

– Так что нам делать? – спрашивает Обиома.

Онайи поднимает глаза от винтовки:

– Мы отдадим заложников.

Агу бросает перед ними вещмешок Чиамера, который держал в руке. Мешок раскрывается. Онайи достает плитку пластиковой взрывчатки.

– И подстрахуемся.

Сестры усмехаются.

Глава 34

Золотые нити пронизывают воспоминания Айфи. Она сидит, свесив ноги, на небольшом уступе, выходящем на пляж. Позади нее, скрестив руки, стоит Онайи и, прищурившись, смотрит на рассвет. Но глаза Айфи устремлены только к звездам. Они мерцают, скрываясь в небытие, темная синева ночи уступает место пурпуру и золоту раннего утра. Исчезают звезды, скрываются созвездия. Северная Корона. Пояс Ориона. Шотгорн.

Айфи знает, что некоторые из звезд – Колонии. Гигантское колесо – маленькое внутри большого. Там, далеко в беззвучном пространстве, – оглушительный скрежет исполинских металлических конструкций, соединенных друг с другом. Однако внутри, благодаря чудесам технологий, не слышно ни звука. Люди гуляют и едят, учатся и познают мир, добиваются великолепных успехов и живут своей жизнью, в среде обитания, которая обеспечивает им чистый воздух и чистые водоемы. Она видела фотографии из Колоний в уроках, скачанных с запретных пиратских сайтов. Она знает, как они выглядят, но многое остается загадкой. И самая большая загадка – раз люди смогли построить такое, то что еще они могут?

Чукву – высшее божество, питающее энергией все вокруг. Айфи чувствует его присутствие даже в земле под ногами. Она чувствует его в тепле восходящего солнца. Аньянву, солнечное божество. Это слово вспоминается ей из уроков религии. Солнце как откровение, как источник знания, создатель которого – Чукву. Айфи переполняет множество вопросов. Как все устроено? Как работает? Как функционирует этот мир? Каждый новый день обещает, что когда-нибудь она найдет ответы.

– Онайи?

Старшая сестра потягивается и зевает, заведя руки за голову.

– Что?

– Расскажи про космос.

Онайи смотрит в небо, и Айфи понимает: сестра пытается проследить за ее взглядом и увидеть то, что видит она, но звезда Колонии уже скрылась. Онайи точно не увидит ее, но обе они продолжают смотреть вверх.

– Думаю, там очень тихо, – отвечает она наконец.

– Ты была?

– Пока нет, – пожимает плечами Онайи. – Хочешь полететь?

– Да! – говорит Айфи не дыша. Ее взгляд все еще прикован к небу, туда, где виднелись звезды. – Больше всего на свете.

– Ну, учись хорошо, и я возьму тебя с собой. – Онайи щелкает

пальцами. – Так, пора собираться.

Через секунду Айфи встает, стряхивает траву с одежды и идет за Онайи в лагерь, подпрыгивая на ходу и мечтая о космосе.

Глава 35

Онайи в два счета лепит ито-ито из пластичной взрывчатки С-4.

Заложники стоят неровным кругом, пока молодые женщины прикрепляют С-4 им под рубашки. Онайи только качает головой: им даже бронежилеты не выдали. Для нигерийцев вы – расходный материал. Даже притворяться не стали, что хотят защитить вас, глупые ойнбо.

– На вас взрывчатка, – говорит Онайи тоном врача, поясняющего диагноз. – Там нет таймера, поэтому спросите себя: как же она сработает? Присмотритесь. Фигурки ито-ито двигают ручками и ножками. Они разумны. Они подключены ко мне. Это значит, что я их контролирую. И одной мыслью могу привести взрывчатку в действие. – Она смотрит в глаза золотоволосому ойнбо. – Ты понимаешь, что я говорю? Таймер – это я.

Он судорожно сглатывает.

Онайи делает шаг назад, чтобы обратиться сразу к пяти остальным заложникам.

– Вы ничего не можете сделать с ито-ито из С-4. Лимита по времени у них нет. Пока я в зоне досягаемости, я их контролирую. Кроме того, если на меня нападут и отвлекут мое внимание, я взорву их и вы умрете. Мучительно. Как только я окажусь вне зоны досягаемости, С-4 самообезвредится. И вы будете в безопасности.

Кесанду и ее абд Калу выходят вперед.

– Эти двое отведут вас на крышу и останутся с вами до тех пор, пока мы не убедимся, что нам ничего не угрожает. Потом они уйдут. С-4 не обезвредит себя сам, пока все мы не будем вне опасности. При малейшей попытке вмешаться вы умрете. Если попробуете рассказать нигерийским военным о том, что мы сделали или планируем сделать, вы умрете. Разозлите меня, и вы умрете. Понятно?

Золотоволосый ойнбо с трудом моргает – пот катится со лба, – потом нервно кивает. Остальные покорно кивают поникшими головами. Они согласны на все.

– Теперь ждем, – выдыхает Чинел.

– Теперь ждем, – эхом отвечает Онайи.

Девушки готовятся идти. Кесанду обнимает каждую из сестер, шепча им что-то на ухо и ласково глядя в глаза, и наконец доходит до Онайи:

– Я счастлива, что ты вернулась к нам.

– Я счастлива, что Бог позволил мне вернуться к вам.

Кесанду бросает быстрый взгляд на Нгози и добавляет:

– Пожалуйста, присмотри за моей подругой. Ради меня.

Онайи кивает. Присмотреть за единственной сестрой, с которой она не ладит. Даже смешно.

Кесанду направляется к группе заложников:

– Калу, эй! Пошли!

Калу отделяется от группы абдов – они тоже сбились в кучку, подражая сестрам, перешептывались и обнимали друг друга.

Они учатся выражать привязанность, думает Онайи с улыбкой. Если практиковать это часто, выработается привычка на уровне мышечной памяти. А за ней последует настоящая привязанность. Она усмехается. Вот как синты учатся любить.

Калу ведет заложников к выходу, Кесанду замыкает шествие. Дверь перед ними закрыта, они ждут. Наконец сильный глухой удар, несколько завываний сирены, и дверь распахивается. Все семеро исчезают в облаке пара.

Остальные выскакивают в образовавший проход и взбегают по боковым лестницам, ведущим от главного коридора. Все следуют за Агу. Он ведет их дальше и дальше, пробираясь между бойлерами, переступая и карабкаясь через трубы.

– Вот, – говорит он, тяжело дыша. Они стоят над сплошным, ничем не примечательным участком бетона. Агу показывает вниз, и Онайи понимает почему.

Она достает С-4 из нагрудного кармана, отрывает кусок и помещает заряд посередине бетонной площадки. Остальные отступают, насколько позволяет замкнутое пространство. Взрыв звучит громче, чем ждала Онайи, земля дрожит, но зато прямо перед ними образуется дыра – достаточно большая, чтобы пролезть всем. Чинел и Онайи смотрят вниз и видят, как куски бетона падают в воду.

– Вау! Джекпот! – присвистывает Чинел и хлопает Онайи по плечу. – Эй, раз уж мы торгуемся с нигерийцами, то пусть забирают моего слепня, если взамен я получу такого дракона!

Нгози хлопает рукой по камню:

– Чинел! Сейчас не время!

У Онайи мимолетно пробегает мысль: какими они все были, пока все не стало так ужасно, пока не пролилось столько крови. Шутки. Веселье.

Абд вытаскивает тросы и магнитные фиксаторы из сумок и крепит их к земле Все встают рядом, хватаются за крепежные детали и упираются в пол. Каждая из сестер прыгает вниз, держась за трос, и спускается, пока не оказывается на выступе скафандра своего игве. Абды следуют за ними, затем выдергивают магнитные фиксаторы, и те летят в воду. Агу и

Онайи спускаются по тросу на платформу, на которой стояли несколькими часами раньше.

Позади игве приткнулись согнутые аквамехи, предназначенные и для земли, и для воды, – как игве, но меньше, компактнее. Версия наземных мехов, которые часто пилотировала Онайи.

Обиома указывает на нетронутую пару:

– Оставим для Кесанду и Калу?

Онайи отрицательно качает головой и кричит в ответ:

– Мы не можем так рисковать. Когда будем уходить, утопим их. Пусть не достанутся никому.

Обиома подмигивает:

– Кесанду будет нам завидовать.

Кабины одновременно открываются, и сестры забираются внутрь своих игве. Абды прыгают со ступеньки на ступеньку, добираясь до кабин аквамехов. Через секунду у каждой машины загораются огни.

Онайи смотрит на Агу.

– Отправляйся с кем-то из абдов. А я с Чинел.

От корпуса игве, где сидит Чинел, к Онайи протягивается лестница из стальных тросов и плавно поднимает ее наверх. Она вываливается прямо на Чинел, которая уже на месте. Пару секунд они отпихивают друг друга, пытаясь высвободиться, и Онайи ловит себя на том, что от души смеется. Чинел подхватывает ее смех. Им хорошо вместе даже сейчас.

Успокоившись, Онайи занимает место слева от Чинел.

– Там дальше дверь, я полагаю, тут все пневматическое, и…

Игве содрогается, и Онайи видит на экране Чинел, что у него в руках гигантская лазерная винтовка. Он без предупреждения спускает курок. От воды с шипением поднимается пар. Металлический люк трещит и плавится. Затем с грохотом падает, и вода устремляется в камеру.

Они уходят под воду и идут тесным строем, все вместе.

Когда выплывают на поверхность, уже смеркается. Небо багровеет. Вода блестит в последних лучах умирающего солнца.

– А где ты припарковалась? – спрашивает Чинел.

Онайи указывает назад, в сторону станции. Их игве поворачивает и срезает угол, устремляясь туда коротким путем. По мере приближения Онайи охватывает паника. Агу и Голиб следуют прямо за ними, в мехе Голиба. Когда Онайи видит оставленные ими мехи, покачивающиеся на поверхности воды, как буйки, ей становится легче.

Игве Чинел останавливается возле одного из них. Онайи выходит и видит Агу, вылезающего из меха Голиба. Онайи и Агу

запрыгивают в свой игве.

Оказавшись в кабине, она включает приборы. Машина оживает.

Онайи настраивает коммуникатор на частоту Кесанду.

– Мы все сделали. Агу передает Калу координаты в ангар…

– Где она? – пробивается в системе чужой голос. Помехи, потом на экране появляется лицо Дэрена. Он в ярости. Он полностью потерял самообладание. – Где Даурама?

Онайи сохраняет спокойствие. Ей нравится держать его на крючке.

– У заложников на теле С-4. Детонатор у меня. Вы отпустите меня и моих товарищей, или я взорву всех заложников до единого.

– Где Даурама? – орет он. – Где…

Онайи обрывает связь.

– Вперед! – обращается она к остальным.

Они выходят из тени станции, но внезапно вода под ними начинает бурлить.

– Что это? – шепчет себе под нос Онайи. – Chineke! Господи! – кричит она. – Всем врассыпную!

Ее последние слова заглушает пушечный залп из-под воды, который разрывает мех Ннамди. Нгози едва успевает уйти, но взрыв расплавил левую часть ее игве. Они все снова возвращают игве человекоподобную форму и идут на взлет.

– Что это было? – кричит Чинел в коммуникатор.

Вот-вот и они поднимутся, но тут вода под ними закручивается в воронку и выплескивает такого игве, какого никто из них не видел. У него есть руки, ноги, кабина, голова, но все остальное – каскад чешуйчатой брони, двигатели, похожие на ангельские крылья, растут прямо из спины. В одной руке – лазерная пушка, в другой – рукоять массивного молота. Вражеский игве мчится прямо на Онайи. Его тело изгибается. Сейчас ударит, понимает она в последний момент – и успевает ускользнуть.

Рефлексы игве не перестают ее удивлять. Она не привыкла к такой скорости и гибкости, не привыкла, что панель управления откликается немедленно, не привыкла, что машина легко и полностью подчиняется ее воле. Одним движением она изворачивается в воздухе, ее игве стреляет врагу в голову.

Но он исчез.

– Что это? – спрашивает Чинел, отступая вместе с Чиамером, чтобы дать Онайи пространство для битвы.

– Это я, твой бог, – говорит вражеский пилот и нацеливается на поврежденный мех Нгози, уже не способный

трансформироваться и застрявший в воде.

Этот голос. Дэрен.

– Это Алуси. Карающий ангел мира. – Он разворачивается и заносит молот для удара по беззащитной Нгози, но в этот момент на него на полной скорости налетает Обиома.

Они борются над поверхностью воды, поднимая тучу брызг, реактивные двигатели, включаясь и выключаясь, стабилизируют движение. Обиома вытягивает руки меха и стреляет ракетами из запястий. Дэрен отбивает несущиеся к нему ракеты молотом, отправляя их в воздух, где они взрываются с грохотом, от которого сотрясаются все мехи.

– Как можно быть таким быстрым? – в благоговейном ужасе шепчет Онайи.

Мех Чинел взмахивает мечом и бросается вперед. Алуси принимает удар и отбрасывает ее, стреляя из пушки Гатлинга, внезапно появившейся на плече. Пули пробивают игве Чинел. Чиамер, прятавшийся за облаками, стрелой несется к ней. Загораживая ее щитом от пуль, он снимает топор с крюка на ноге и размахивается. Алуси отражает удар, но мех Чиамера переворачивается, опускается на воду и бросается вперед. С каждым его ударом в воздух летят искры. Вдвоем они продолжают танец над лагуной, реактивные двигатели удерживают их на плаву. Агу целится в спину Алуси и готовит топор.

Алуси захватывает Чиамера в свои объятия и взмывает в воздух. Агу промахивается и рвется вперед. Онайи взлетает за Алуси и Чиамером. Приближаясь, она видит, что Алуси Дэрена сжимает в тисках кабину Чиамера.

Она выжимает из двигателей максимум. Мех Чиамера безуспешно сопротивляется хватке Алуси, наносит удары, оставляя вмятины, но Алуси не отпускает его до тех пор, пока не раздается громкий треск и скрежет металла. Мех Чиамера перестает бороться. Через секунду Алуси отпускает его. Мех Чиамера рушится в воду. Сильный всплеск. В воздух поднимается водяной столб.

В коммуникаторе раздается вопль Чинел, она несется вперед с глефой в одной руке и цепью с клинками – в другой. Она швыряет цепь в Алуси, а когда тот ускользает, атакует молотом. Агу выпускает в него несколько ракет. Алуси пытается уйти, блокирует ракеты молотом, но ударом его отбрасывает в сторону.

Онайи не может отвести глаз от места, где упал Чиамер. Абд Чинел. Мертв. И тогда ее охватывает бешенство. И она этому рада.

Агу летит сквозь дым выпущенных им ракет. Сходится в

воздухе с Алуси. Каждый раз, когда они скрещивают оружие, над водой раздается грохот.

Алуси пытается одолеть нас всех. Затем: я убью его.

Осознанные мысли покидают разум Онайи, и она рвется вперед. Выхватывает винтовку и стреляет. Агу и Алуси расходятся. Онайи проскакивает в просвет между ними, меняет положение в воздухе, убирает винтовку назад и отстегивает ятаганы.

Некоторое время Онайи и Алуси присматриваются друг к другу. Затем начинают движение. Наконец. Ее шанс.

Ударная волна от первого столкновения так сильна, что по воде идет рябь. Слышен гул. Онайи отступает и снова атакует. Как она и ожидала, Алуси заносит молот, чтобы отразить удар. Одним ятаганом Онайи перехватывает рукоять молота и отбрасывает его, а затем другим ятаганом рассекает грудь Алуси.

Алуси отлетает назад с зияющей раной в груди.

Онайи продолжает бешеную атаку. Алуси пытается выбрать момент, чтобы нанести удар молотом. Но Онайи слишком быстра, она крутится в воздухе, уворачивается и пронзает ятаганом локоть Алуси. Отступает. Целый водопад деталей и механизмов обрушивается в лагуну. Она наносит удар за ударом, но Алуси не роняет молот. На плече у него крутится пушка Гатлинга. Онайи выключает двигатели и бросается в воду как раз вовремя, чтобы укрыться от очередного залпа. И вновь бросается вверх с ятаганами наготове. Слишком поздно: лазерная пушка направлена прямо на нее.

Она пытается включить двигатели на полную мощность, но уже не успеть. Орудийный ствол раскаляется и светится. Вот и все. Она была так близка к цели.

Что-то врезается в нее.

Со свистом разрезая воздух, она поворачивается и видит мех, парализованный взрывом, в столбе фиолетово-розового и красного света. Почти сразу он распадается на части. Обиома испускает вопль. Ее абд. Ее абд сбил Онайи, чтобы она не попала под огонь. Обиома со своей позиции летит прямо на Алуси.

– Нет, – кричит Онайи, – Обиома, нет! – Она опоздала.

Алуси ведет лазерную пушку по восходящей дуге, взрезая лучом игве Обиомы. Распадающийся на две неровные половины игве рушится в воду. Разум и чувства Онайи обостряются. Откуда в нем столько мощи?

Внезапно в спину Алуси словно из ниоткуда врезается мех Голиба. Обхватив руками, он кидает его вперед, а Джиника врезается своим игве прямо ему в грудь. Они удерживают Дэрена на месте.

– Давай, – кричит Джиника. – Мы не сможем держать вечно! Давай сейчас! – И затем тише, так тихо, что Онайи понимает: это не для ее ушей: – Голиб, отпускай. – Мех Джиники крепко смыкает вокруг Алуси руки. – Отпусти, Голиб. Беги. Это приказ. – Алуси изгибается, и Джиника невольно ослабляет хватку. – Это приказ! – кричит она.

Алуси изгибается снова, вспыхивает электрический разряд. Игве Джиники темнеет, а мех Голиба в тот момент исчезает из поля зрения.

Он уничтожает ее!

Огни Алуси на секунду гаснут, он ныряет, перед тем как включиться опять, а потом, в одном быстром вращении, взмахивает молотом, крушит кабину Джиники и швыряет ее в воду.

Голиб останавливается и поворачивается, кажется, что его мех сотрясает дрожь.

– Давай! – кричит Чинел Онайи.

Спустя мгновение раздается взрыв, такой громкий, что его отлично слышно издалека.

Нефтеперерабатывающая станция. Все смотрят в том направлении. Сооружение превратилось в месиво из огня и искореженного металла. Взрывчатка С-4 сделала свое дело.

Алуси ослепляет их яркой вспышкой и улетает прочь, к горящему объекту.

Голос Чинел пробивается к Онайи сквозь оцепенение.

– Давай! – приказывает она. – Это наш шанс.

– Кесанду, – бормочет Онайи, – Калу. Погибли там, на крыше… Кесанду прощалась со всеми в той генераторной… Словно знала…

– Они умерли, защищая нас. – Снова голос Чинел. Пауза. – Нгози? Нгози, ты нас слышишь?

Помехи. Потом сквозь шум доносится тихое «да». И потом:

– Мой игве слишком слаб. Он больше не может лететь. Двигатели повреждены, их уже нельзя восстановить.

Игве Чинел летит к Нгози и парит над водой.

– Давай сюда! – Чинел открывает кабину.

Нгози вылезает из своего меха, берет протянутую руку Чинел и присоединяется к ней.

Онайи оглядывается. Вода почти успокоилась. А под водой их убитые товарищи. Все эти жизни. Все эти истории. Любовь, которую они испытывали, несмотря ни на что. Всего этого больше нет.

Оставшиеся игве улетают в ночь, спустившуюся на лагуну. Как бы ни пыталась Онайи убедить себя, что миссия выполнена,

она этого не чувствует. Руки трясутся на рычагах.

Дрожь не прекращается и тогда, когда показывается побережье Биафры.

Приземлившись на пустынном берегу вместе с остальными и выбравшись из меха, Онайи спускается по стальной лестнице и кидается в кусты, где ее тошнит. Из нее выливается все. Все, что пережито. Даже когда в желудке ничего не остается, позывы к рвоте продолжаются. Тело содрогается.

Что это? – спрашивает она себя. – Горе? Усталость? Страх?

Нет. Она не имеет права позволить себе такое. Демон Биафры никогда не чувствовал ничего подобного. Только ярость. Вот что это. Ярость.

Ее перестает трясти.

Глава 36

Айфи приходит в себя и открывает глаза. Небо багрово-красное, сумерки. В голове плотный туман. Попытавшись встать со стула, она едва не падает. Что случилось? Она трясет головой и тут же жалеет об этом. Было тихо, а теперь все звенит.

Она оглядывается. Сторожевая башня. Сколько же времени прошло?

На ней до сих пор шлем. Она осторожно снимает его, соскальзывает со стула и крадется к застекленной стене. Несколько раз моргает, чтобы сфокусировать зрение, и, когда удается, видит улицы, заполненные людьми. Жители Абуджи вышли на улицы. Но никто не двигается. Все смотрят вверх на десятки огромных экранов, развешанных повсюду в столице. На каждом экране одно и то же изображение. Но звука Айфи не слышно.

Она привычно двигает челюстью, чтобы активировать Акцент, но тут же останавливается. Воспоминание о том, что случилось, еще слишком живо. Боль, потоп сенсорных ощущений, едва не убивший ее. Она подносит палец к уху. На нем остается кровь.

Словно из сновидения, к ней приходят образы. Она в кабине меха, мигают приборные панели. Расслабленность и спокойствие пилота, который управляет почти инстинктивно… Онайи. Глаза Айфи снова распахиваются. Она была в голове Дэрена. Она видела Онайи. И Чинел. А потом – битва. Вспышки лазеров, груды металла, скрежещущие о груды металла… и крики. Столько криков. Видит Аллах, это был не сон.

Она смотрит на городские экраны. На них летящие над лагуной гигантские мехи. Повсюду взрывы. Потом на экране появляется девушка из Биафры – на ней маска. Что-то говорит. Но Айфи видит только ее глаза… Онайи. Ее губы беззвучно произносят что-то.

Столько вопросов.

Камера показывает репортера, который стоит где-то на опушке леса. Внизу экрана бегут субтитры: «Биафрийские террористы атаковали заброшенную нефтеперерабатывающую станцию и взяли заложников».

Позади репортера камера показывает шеренгу мехов с пушками, направленными в сторону станции. Вдали мерцает линия горизонта. Вода. Они, должно быть, у самого берега.

Айфи слышит шаги.

В помещение врываются солдаты. Один сбивает ее с ног и придавливает коленом, двое других целятся из винтовок ей в

лицо. Что происходит?

Она вскрикивает от боли – ей заламывают руки. Из глаз текут слезы.

– Что вы делаете? – плачет она. – Ой! Что происходит? Что вы делаете со мной? Мне больно! Мне больно! – Она повторяет это снова и снова, пока один из солдат не орет:

– Молчи, стервятница!

Это так поражает ее, что она замолкает.

Входит офицер. Сначала она видит только его ботинки, потом ухитряется слегка повернуть голову. Он стоит над ней с планшетом в руке:

– Айфиома Диалло, вы арестованы.

– Арестована? За что? Что я сделала?

– Вы обвиняетесь в пособничестве террористам и взломе нигерийской системы наблюдения с целью распространения вражеской пропаганды, что является нарушением статьи 1.6.2 пункт 4б Кодекса безопасности. Данное преступление является государственной изменой и карается заключением в одиночную камеру на пятьдесят лет либо смертной казнью.

У Айфи расширяются глаза. Она с силой переворачивается, сбрасывая колено солдата со спины, плечо пронизывает зверская боль. Нет. Нет, все не так. Тут какая-то ошибка.

– Дэрен! – кричит она. – Дэрен! Где Дэрен? Дэрен, пожалуйста, помоги! – Ее крик превращается в мученические вопли. – Дэрен! Дэрен, пожалуйста!

– Заткнись!

Ее охватывает гнев, кровь стынет в жилах.

– Вы совершаете ужасную ошибку, – шипит она. – Я принадлежу к классу А, я личный помощник и секретарь офицера Вооруженных сил Нигерии. Я – лучшая ученица академии и сам молодая участница Нигерийского консорциума социальных и технических наук! Если не хотите себе навредить, вы должны сейчас же меня отпустить!

Удерживающий ее солдат ослабляет хватку только для того, чтобы поднять ее на ноги и ударить по лицу.

По ее щекам бегут слезы.

– Достаточно, – тихо говорит офицер с планшетом. Тот, что предъявил ей обвинение в государственной измене. – Ты для меня – никто. Твои успехи и твоя близость к правительству не имеют значения. Ты – игбо, мы спасли тебя и проявили доброту, а ты предала нас.

– Нет, я не… – Вдруг она понимает, что если закончит фразу, то окончательно отречется от Боевых девчонок. Отречется от Онайи, от семьи, в которой жила до того, как ее привезли сюда. И

понимает, что не может этого сделать.

Обвинитель хмурится и выжидающе смотрит. Но она молчит, и, кажется, это подтверждает что-то для него. Что-то очень серьезное. У Айфи больше нет сил протестовать.

– В камеру, – командует он.

Один из солдат что-то отстегивает с ремня и в мгновение ока сковывает ей руки.

Ее ведут к лифту. Тысяча вопросов роится у нее голове. И одна главная мысль: Я была так близко. К Дэрену. К Онайи. Я хотела достучаться до них.

Она просто хотела мира.

Глава 37

– Толкай сильнее!

Голос Чинел, металлический и монотонный, раздается из динамика внутренней связи в дальнем углу большого тренировочного зала. Прошло три месяца с битвы у нефтяных вышек, и с тех пор ее голос звучит только так. Жестко, без эмоций. Чинел и Онайи в соседней комнате через стекло наблюдают за Голибом. Мальчик бросает на них взгляд перед тем, как упереться руками в металлический шар размером с него самого. Пот заливает ему глаза, стекает по подбородку и устремляется дальше по проводам, подключенным к плечам, груди, спине. Он без рубашки, его голое тело напоминает лоскутное одеяло. Он нагибается, растопыривает пальцы. Шар лежит на рельсах, уходящих с поворотами в другой конец зала. Толкая шар, Голиб должен постоянно менять его направление. Он со стоном преодолевает места стыков.

Красные цифры на мониторах в комнате наблюдения фиксируют уровень его силы, а также показатели жизнедеятельности. Над приборными панелями склонились несколько техников и врачей, которых прислали следить за группой, участвовавшей в миссии на нефтяной станции. Остальные стоят, сложив руки за спиной. Данные поступают прямо в их планшеты.

Один из врачей качает головой. Перед Голибом висит цифровая панель, он бросает на нее взгляд, а потом опускает голову и напрягает плечо, пытаясь увеличить рычаг. Стискивает зубы. Шар движется быстрее. Брови сдвинуты, и Онайи не нужно смотреть на физические показатели, чтобы понять: ему очень больно. Достаточно взгляда на лицо.

О чем он думает? Воскрешает в памяти последние мгновения жизни сестры? Секунды перед тем, как нигерийский пилот раздробил кабину ее меха и отправил Джинику на дно лагуны. Повторяет последние слова, которые она ему сказала? Слышит ли их или его память беззвучна?

Или он заблокировал воспоминания?

Голиб толкает шар, пока не раздается электронный звуковой сигнал. Упражнение закончено.

– Переходи к пункту два, – приказывает Чинел бесцветным голосом.

Она выглядит непроницаемой. Отчужденной.

Миссия сломала нас всех, позволяет себе подумать Онайи, прежде чем вернуться к тренировке Голиба.

У него отпадает несколько проводов, но остальные держатся, несмотря на пот и грязь, покрывающие кожу. Голиб идет в другой конец зала и встает на старт: руки по швам, носки ног у красной линии, отмечающей начало дистанции в пятьдесят метров, которую он должен пробежать.

Чинел дает ему пару секунд передышки и командует:

– Марш!

Голиб стрелой несется к финишной красной линии, касается ее кончиками пальцев, в мгновение ока возвращается к старту, затем летит обратно, и так в течение десяти минут. Для любого человека такое было бы чистым наказанием. Но Голиб – синт. Как и Агу. Как Чиамер. Как и Ннамди – был. И абд Обиомы. И Калу.

– Стоп! – говорит Чинел своим механическим голосом. – Пункт три.

Голиб направляется к штанге, к середине которой прикреплен короткий, свернутый спиралью провод. Он расставляет ноги, готовясь.

– Тяни! – командует Чинел.

Он тянет изо всех сил, пытаясь преодолеть сопротивление провода.

– Сильнее! – требует Чинел.

Может, Чинел и правда наказывает его. Иначе зачем это все? Чего она хочет добиться, заставляя так напрягаться?

Руки Голиба сжимают штангу так, что хрустят костяшки пальцев. Глаза стекленеют – кажется, что его тело действует отдельно от него.

– Достаточно, – говорит Чинел.

Но Голиб продолжает тянуть. Его тело дрожит от напряжения.

– Достаточно, – говорит Чинел громче.

Он все равно тянет.

– Голиб! Достаточно!

Он ее не слышит. Не может. Внезапно раздается громкий хлопок, и он отшатывается с ошеломленным видом. Левая рука безжизненно висит вдоль тела.

За спиной Онайи медики называют цифры и записывают результат. Один входит в тренировочный зал через боковую дверь, надевает Голибу на руку перевязь и уводит на осмотр к личному врачу.

Чинел, не говоря ни слова, уходит в другую комнату, и Онайи следует за ней. Она всерьез тревожится за свою боевую подругу. Кажется, Чинел превратилась в полную противоположность самой себя. То, над чем раньше они шутили и смеялись, теперь вызывает у нее только агрессивное холодное молчание. Онайи знакома эта

злость, это желание бить и швырять вещи, вещи, с которыми не стоит так обходиться. Странно замечать такое за Чинел.

В небольшой наблюдательной Чинел садится рядом с одним из техников и сосредоточенно смотрит в экран. Там – кабинет врача.

– Как твоя рука, Голиб? – спрашивает врач. По голосу слышно, что он обеспокоен.

– В порядке, сэр.

Врач указывает на вращающийся стул, и Голиб садится. Пока врач достает планшет из ящика стола, между ними повисает молчание. Чинел приближает изображение – планшет открыт на фотоальбоме. Доктор увеличивает первый снимок и поворачивает планшет к Голибу. Под каждым лицом – номер, после фото лица следует фото рук или глаз, или рта, растянутого в улыбке. Доктор терпеливо листает фотографии.

– Кого из них ты знаешь? – спрашивает доктор.

– Номер один – Чинел. Номера три, семь и пятнадцать – Кесанду, Нгози и Обиома. Номера четыре, восемь и шестнадцать – их абды. Номер двадцать – Онайи. Номер двадцать три – Агу. – Он делает паузу. – Остальных не знаю.

Онайи не видит, было ли там фото Джиники. Увидел ли ее Голиб? Увидел и не узнал? Уже забыл ее? Или предпочел забыть?

– Как я прошел тест? – спрашивает Голиб.

– Ты отлично справился, – отвечает врач, словно Голиб – обычный мальчик.

Но плечи Голиба поникают.

– Мне становится хуже. – Он опускает глаза.

– Просто постарайся не перенапрягаться следующие несколько дней. Побереги руку. И не забудь записать сегодняшние сны.

Голиб уже давно вышел от врача и вернулся в свою спальню, а Чинел все смотрит на экран.

Онайи хочет спросить, все ли абды такие. Всегда ли они так… скорбят, переживая утрату?

И будет ли Агу вести себя так, если меня не станет?

В столовой Онайи наблюдает, как Чиамер и Агу молча едят. Напротив нее садится Чинел. Интересно, думает Онайи, замечает ли она, что абды не говорят ни слова.

Поймав на себе взгляд Онайи, Чинел пристально смотрит на нее. Ее лицо смягчается.

– Поскольку программа приостановлена на неопределенный срок, мы не сможем восстановить наши команды.

– Правительству Биафры, или кто там наверху отдает приказы, мы до сих пор, наверное, зачем-то нужны.

– Ты же понимаешь, в каком мы состоянии, Онайи. Какое еще задание мы можем выполнить?

Онайи замолкает. Потом смотрит на абдов и говорит:

– А Голиб у себя в комнате?

– Что ты к нему привязалась? – рявкает в ответ Чинел, не отрываясь от своего риса с тушеным мясом.

Взглянув на нее, Онайи молча убирает свой поднос.

Она не знает, почему поведение Голиба так тревожит ее. Они никогда не были близки, он был абдом Джиники. И вообще, повезло, что Агу жив и здоров после всего, что случилось. Может быть, ей нужно знать, что происходит после смерти сестры. Может быть, нужно знать, что будет с Агу.

– Может быть, просто меня тянет к сиротам, – бормочет она себе под нос по пути к спальням абдов.

Спальня Голиба выглядит точно так же, как у других абдов. Ни украшений, ни игрушек, ни инструментов, ничего не разбросано. Ни голографических фото, ни оружия или патронов на столе.

Онайи подходит к окну и открывает его, чтобы впустить свежий воздух. Затем замечает, что из-под подушки Голиба что-то торчит. Похоже на какой-то диск. Приподнимает подушку и находит четыре блестящих металлических диска, выложенных в ряд, и давно устаревший плеер с небольшим экраном. Она берет один диск и вертит его в пальцах. Таких больше не делают. Теперь все данные напрямую загружаются в записывающее устройство. Не нужно никаких внешних носителей. Онайи вставляет диск в плеер, и на экране появляется Джиника.

Племенной шрам пересекает скулу. Подпирая ладонью подбородок, она внимательно смотрит куда-то поверх камеры. Лицо не в фокусе, зато отлично видны руки – обгрызенные ногти и гладкие костяшки пальцев. Онайи никогда не видела, чтобы Джиника так улыбалась.

Она складывает диски в сумку.

Дальше по коридору комната Агу. Она в последнее время избегает его. Конечно, она хочет убедиться, что с ним все в порядке, но при этом боится того, что может узнать. А еще злится на себя, что так привязалась к нему.

Внезапно раздается сигнал тревоги.

Непрекращающийся рев сирены и топот ног по направлению к часовне.

Онайи выбегает из комнаты Голиба и со всех ног несется по коридорам общежития.

Добежав до часовни, она видит, что там уже собралась толпа.

В центре круга – тело Голиба. Он лежит на спине, раскинув

руки, как маленький мальчик, который прилег в траве, чтобы поглядеть в небо. Выстрел снес ему половину лица. В руках – пистолет.

Но страшнее всего – его улыбка.

Глава 38

Айфи не знает, как долго она уже в одиночной камере. Довольно долго, потому что галлюцинации стали обычным явлением. Сначала будто что-то жужжит. Потом – острая боль в челюсти. А потом она тонет в кривых зеркалах, где только помехи и искаженные образы. Запахи – от отвратительных до сладчайших – и бесконечные дни и ночи, сменяющиеся перед глазами. Катаката.

Она зажмуривается, сжимает руками голову и кричит. Она не понимает, как долго длится вопль, рвущийся из горла, но, когда замолкает, слышит тихое пение. Это голос ее матери, поющей на языке йоруба, такой мелодичный и укачивающий – так колышется слоновая трава на легком ветерке:

Ekun mera, n mee!
O tori bo igbo, mee!
O torun bo dan, mee!
O fe mu un, mee!
Ko ma le mu o, mee!
Oju ekun pon, mee!
Iru ekun nle, mee!

Леопард охотится на козу, баа!
Обыскал весь лес, баа!
Обыскал все кусты, баа!
Хочет поймать, баа!
Но не может, баа!
У леопарда красные глаза, баа!
И хвост торчком, баа!

Мама держит Айфи за руки и качает на колене. Каждый раз, когда Айфи подпрыгивает, она притворяется козой, приближает нос к ее носу и корчит смешную рожицу, а малышка Айфи заливается радостным смехом.

Айфи смотрит на эту сцену со слезами. Она лежит на полу, пытаясь подняться на колени. Ее мама и она сама, маленькая, сидят у дальней стены, и она хочет подойти к ним. Они кажутся совсем настоящими.

– Мама, – всхлипывает Айфи, лежа на полу, она понимает, что это видение, но не может перестать. – Мама.

Мамины волосы спускаются по плечам пышными

серебристыми волнами, на лице всего несколько морщинок – они говорят не о возрасте, а скорее о мудрости и силе. У нее крепкие руки, а кожа мягкая и светится в лучах солнечного дня ее памяти.

– Мама. – Айфи подползает ближе и ближе, пока не слышит песню совсем отчетливо.

При каждом прыжке мама поворачивает ее в воздухе, и малышка хихикает, не переставая. Когда мама уже в четвертый раз поет ей колыбельную, крепко прижимает к груди, шепчет что-то в волосы и похлопывает по спине, девочка легко отрыгивает. Айфи рыдает. Она подобралась так близко к видению, что может дотронуться до края маминого платья, но, как только протягивает руку, видение исчезает. Там нет ничего – только белая стена камеры.

– Прекратите, – стонет она.

Нижняя губа дрожит, и в голове взрывается боль. Она падает на пол. Акцент. Кажется, будто Акцент поджег ей голову изнутри.

– Вытащите его! Вытащите! – плачет она. – Вытащите его! – Встает на ноги и бредет к двери, колотит в нее, все сильнее с каждым ударом. – Вытащите! Заберите его! Заберите его! Заберите его! Заберите! Заберите! ЗАБЕРИТЕ!

Дверь открывается, и охранники в черном с бело-зелеными нашивками на рукавах сбивают ее с ног. Она пытается бороться, но в глубине души даже рада. Их хватка реальна. А еще она знает, что во время допроса, который ожидает ее, нужно будет говорить с реальным человеком. Знает, что услышит реальный голос. Может, настоящая рука даст ей пощечину. Может, они придумают какую-нибудь пытку. Но это все будет реальным. В комнате для допросов все предметы, запахи и звуки будут ужасающе, восхитительно реальны.

Глава 39

Чинел в своем кабинете включает без звука запись с видеокамер наблюдения. Там вид с высоты, с колокольни. Большую часть изображения скрывает тень, но Онайи, сидящей за столом рядом с Чинел, не нужно менять настройки планшета для показа голограмм – она и так знает, что там. Голиб. Они смотрели вместе эти записи по меньшей мере десять раз.

Чинел трогает переносицу и тяжело вздыхает:

– Мы думали, что сможем сами.

– Сможем что?

Чинел всхлипывает. По тому, как напряглось ее тело, Онайи видит, что она с трудом удерживается от рыданий.

– Мы представляли, что можем создать элитное подразделение и, согласно программе, абды станут продолжением нашей семьи. Это самые сильные связи, и, следовательно, за них сражаются лучше всего. Мы бы действовали тайно, выполняя работу, за которую не возьмут на себя ответственность ни армия, ни правительство. Работу, от которой откажутся те, кто борется за мир. Мы выполняли бы эту самую грязную работу и освободили их от нее. Все что угодно – ради свободы Биафры. Все, чтобы… чтобы Боевые девчонки были вместе. Мы бы шли своим путем. А теперь…

– То, что вы делали, было очень опасно, – говорит Онайи.

Она пытается собрать воедино кусочки пазла: тесные отношения между сестрами и абдами, адаптация, то, насколько синты походили на людей… во всем, что делали и говорили. Они стали им младшими братьями.

Чинел разражается презрительным смехом.

– А ты кто такая, чтобы говорить мне, что опасно, а что нет? – Ее слова как ядовитые жала. – Что ты знаешь об опасности? Ты вообще хочешь умереть с тех пор, как потеряла Айфи. Каждый день с тех самых пор я наблюдаю, как ты пытаешься себя убить. Ты просто несешься в бой и оставляешь команду позади, хотя знаешь, что есть подкрепление. Но большую часть времени тебя вообще не волнует команда. – Она придвигается к Онайи вплотную, и они стоят почти нос к носу. – И не думай, что я не читала твои боевые донесения. Я все знаю про твои сражения за четыре года. Если бы я подождала еще месяц, тебя бы точно убили. – Наконец она отступает, скаля зубы в ухмылке. – Ты. Ты вообще уже вся из металла.

Кулак Онайи врезается в челюсть Чинел с такой силой, что та валится на пол. Онайи с удивлением смотрит на свой протез.

Рука, все еще вытянутая, – застыла в движении. Все произошло бессознательно. Разум куда-то испарился. Она только что ударила лучшую подругу. Могла убить.

Чинел встает на ноги, потирая распухающую челюсть. Через несколько секунд, отдышавшись, вытирает кровь, стекающую из уголка рта, и поворачивается, чтобы уйти.

Онайи остается на месте, она слишком потрясена, как словами Чинел, так и ударом, который ей нанесла.

Онайи находит Нгози на скамейке в центральном дворе кампуса. Между камнями брусчатки пробивается трава. Опавшие листья с деревьев, высаженных вдоль дорожек, устилают землю. Еще один признак отсутствия абдов. Некому подметать.

Нгози уставилась в одну точку. Смотрит в никуда, но все видит. Она выглядит как человек, который заново переживает самое страшное, что с ним случилось. Смерть Ннамди. Щеки у нее впали, племенные шрамы резко выделяются на потускневшем лице.

Нгози замечает Онайи, вздрагивает, но тут же успокаивается. Раньше, испугавшись, Нгози первым делом схватилась бы за пистолет, могла и выстрелить. Теперь – никакой бдительности и готовности к бою. Все отработанные навыки будто испарились.

Она снова утыкается взглядом в землю:

– Может, потому Обиома так и не дала имя своему абду. Это ее второй. Обиома рано потеряла первого абда. Миссия плохо кончилась. Потом изображала, что все нормально, все как прежде, но мы видели, как она изменилась. – Нгози качает головой, поворачивается и смотрит на Онайи. – Она слишком сблизилась с ним. Так происходит, когда даешь им имя. Сближаешься.

Мы разваливаемся на куски, думает Онайи. Голиб покончил с собой, Нгози страдает. Чинел озлобилась. Эта миссия сломала нас.

– Они все умерли, – произносит Нгози безо всякого выражения. Стискивает зубы, напрягается. – Почему бы бело-зеленым не взорвать какую-нибудь деревню? Может, мы нашли бы еще тела. Сделали бы новых абдов. – Она смотрит на Онайи, и слезы текут из ее глаз.

Позаботься о ней, велела Кесанду перед уходом.

Онайи сидит на скамейке рядом с Нгози и обнимает ее. Нгози, содрогаясь, рыдает у нее на плече.

Онайи думает о дисках, лежащих в сумке. Фотографии Джиники, которые Голиб сделал без разрешения. Фотографии, которые спрятал, чтобы смотреть перед сном или в минуты отдыха между тренировками. Его сестра. Которую он любил.

Онайи и Нгози стоят по стойке смирно в кабинете Чинел. Что

угодно, только бы сохранить чувство порядка после того, как все так изменилось.

Чинел сидит за своим столом, смотрит в окно, выходящее во двор.

Должно быть, видела, как Онайи утешала Нгози. Онайи хочет разозлиться, что кто-то видел ее в такой момент. Хочет разозлиться на Чинел за те ее слова. Но злость утекает сквозь пальцы, как песок красной пустыни.

Чинел поворачивается к ним.

– Сегодня я вызвала вас как двух последних сестер, участниц программы «Абд». Мне приказано закрыть программу. С этого момента наше подразделение распущено. Навсегда.

Нгози встречает новость с каменным лицом.

– Это все. Вы свободны.

Онайи и Нгози направляются к двери. Чинел окликает:

– Онайи, подожди.

Онайи и Нгози переглядываются, и Онайи видит в глазах Нгози тепло, какого никогда не замечала раньше.

– Спасибо, – шепчет Нгози перед тем, как закрыть за собой дверь.

Сжав кулаки, Онайи поворачивается к Чинел.

– Да, капитан. – Звание звучит насмешкой.

– Поведение оставшихся абдов стало нестабильным. Мы не можем позволить этому продолжаться. Нам приказано ликвидировать их.

– Кем приказано? Агу в порядке.

Голос Чинел холоден и тверд, как сжатые кулаки Онайи:

– Вы с ним хоть раз говорили после миссии?

Это правда. За три месяца после атаки, после того, как сюда прислали докторов, технарей и прочих наблюдать за подразделением, постоянно требовалось что-то делать. Вынужденный перерыв предполагал больше свободного времени, но у Чинел шли бесконечные встречи с биафрийскими лидерами, а Онайи с головой окунулась в изучение своего игве. Так что же, с Агу будет как с остальными?

– Кто знает, какой вред может причинить неуравновешенный абд? Тебе, кому-то еще? Это приказ. – Она поворачивается спиной и смотрит в окно. На что-то, чего там нет, что не увидишь глазами. – Они просто синты, – говорит она сама себе, словно забыв, что Онайи стоит в двух шагах. – Всего лишь синты. – Оглядывается. – Можешь идти.

Глава 40

Дэрен так и не приходит за ней.

Эта мысль все четче складывается в сознании Айфи. У нее разбита губа, она дрожит от ледяной воды, которую ведрами на нее опрокидывал дознаватель. Здесь страшно холодно. Босые ступни немеют на холодном полу.

Дознаватель ходит вокруг нее, видны только его глаза, больше ничего нельзя разглядеть в неумолимо слепящем свете. Иногда на нем маска, иногда нет. Если удается собраться с силами, Айфи смотрит ему в глаза.

Но сейчас, осознав все, Айфи чувствует, будто ее ударили под дых. Дэрен не придет спасти ее. Она одна. Она не испытывает бездонной печали. Скорее свободу. Освобождение. Только я сама могу о себе позаботиться, понимает она. Только сама могу спасти себя. У меня есть только я сама. Она сжимает кулаки, звякая цепями, приковывающими ее к стулу. Я выживу.

Теперь она позволяет себе дрожать от холода. Только отпустив телесное напряжение, можно защитить разум. Так долго она шла по жизни, считая, что плоть легко уязвима, что тело легко понять, сломать и взломать, что им можно манипулировать. Но теперь понимает, что была не права. Она крепкая. Она все выдержит. Рубцы от ран сделают ее сильнее. Она вылепит себя заново. Адаптируется. Уцелеет.

– Когда ты посещала изолятор временного содержания в штате Насарава, каким образом ты вошла в контакт с биафрийскими мятежниками? – задает вопрос дознаватель.

Айфи смотрит прямо перед собой:

– Я никогда не контактировала с биафрийскими мятежниками.

– Как ты координировала нападение на нефтеперерабатывающий завод Окпай?

– Я ничего не знала о нападении на нефтеперерабатывающий завод Окпай.

– Но ты знала, кто руководит этой атакой?

– Я ничего не знала о нападении на нефтеперерабатывающий завод Окпай.

– Ты узнала лицо той, что известна как Демон Биафры? Кто эта женщина?

– Я ничего не знала о нападении на нефтеперерабатывающий завод Окпай.

– Как ты вышла на связь с Демоном Биафры?

– Я ничего не знала о нападении на нефтеперерабатывающий

завод Окпай.

– Почему ты предала свой народ ради террористов, напавших на нефтеперерабатывающий завод Окпай?

Я ничего не знала о нападении на нефтеперерабатывающий завод Окпай. Это ложь. Она заглядывала в коммуникатор Дэрена. Она прошла в башню наблюдения и проникла в его мозг, когда он летел к Онайи. Но дальше она не помнит ничего. Она так и не добралась до Онайи.

– Мы проследили за сигналом. Он вел к тебе. Когда на всех наших экранах открылось вещание в прямом эфире, мы отследили, откуда идет сигнал. Из башни наблюдения. В которой была ты.

Дознаватель останавливается и несколько долгих минут молча смотрит на нее. Айфи не поднимает глаз. Лампы перестают вращаться вокруг его головы и неподвижно висят в воздухе, освещая часть его лица. Из тени выплывает стул, управляемый магнитными лентами под полом – догадывается Айфи. Дознаватель приближает стул движением руки, и тут Айфи понимает, что он аугмент. Он, наверное, видит на своем дисплее все показатели ее жизнедеятельности: кровяное давление, сердечный ритм. Вот почему ему ясно, когда она говорит правду, когда врет, а когда вообще перестала думать над ответом.

Сев, он расслабляется. Оседлал стул, положил руки на спинку перед собой, подбородок – на скрещенные руки. Молчит, сидит, уставившись на Айфи.

– А твои крики? Ты кричишь, потому что у тебя галлюцинации?

Айфи вздрагивает. Это тоже часть допроса или?..

– Д-да.

– Ты видишь то, что не выходит у тебя из головы?

– Да. – Она думает о своих видениях. О маме.

Он стучит по виску:

– Это из-за твоего девайса. Вот тут.

– Акцент? – Но он же не работает здесь. Она лишена своего второго зрения. Внутри камеры она видит ровно то же, что и любой другой человек.

– Так вот как ты его называешь. – Он опирается на локоть. – В твоей камере толстые стены. Но твой девайс можно уловить снаружи. И мы знаем, как изменить его сигнал.

Айфи с таким шумом заглатывает воздух, что удивляется сама.

– Ты думаешь, тебя тут пытают. На самом деле, – он указывает куда-то за пределы комнаты, – тебя пытают там.

Айфи не понимает, что делать с тем, что узнала. Наверное,

это можно как-то обратить в свою пользу, но как? Она выпрямляется и вздергивает подбородок.

– В конце концов мы прочешем все твои воспоминания и найдем то, что ищем. – Он пожимает плечами. – Ну, или ты сама скажешь, и все это прекратится.

Короткое мгновение Айфи чувствует трепет в груди. Пытки прекратятся, прекратятся мучительные галлюцинации. Нужно только сказать то, что они хотят услышать. Необязательно правду или часть правды, но вдруг это даст ей если не свободу, то хотя бы время. Она замирает в предвкушении. Но сила воли напоминает, что следует успокоиться. Она становится такой же холодной и бесчувственной, как стул, на котором сидит.

Дознаватель замечает, как изменилась ее поза, и разочарованно вздыхает. Затем поднимается и одним движением вышибает стул из-под Айфи – она падает на бок.

Пошевельнуться невозможно, потому что запястья пристегнуты к спинке стула. Она лежит, прижавшись щекой к мокрому холодному полу, дознаватель подходит и расстегивает наручники.

Ее руки безжизненно падают. Она знает, что лучше не сопротивляться, когда охранники поволокут ее обратно в камеру. Как будто бросят в воду и оставят тонуть. Но она все равно благодарна за возможность поговорить с живым человеком. Все равно что вынырнуть на поверхность и вдохнуть воздух. Она благодарна даже за эти несколько вдохов.

Когда Айфи с задеревеневшей от сна на голой кровати спиной просыпается и открывает глаза, она видит Дэрена. Первая мысль – еще один сон. Она ждет, какая сцена будет разыгрываться в этом сне дальше. Будет ли Дэрен утешать ее после того, как над ней издевались одноклассницы? Или поведет в лабораторию, где лучшие ученые работают над оружием, которое обеспечит Нигерии победу? Или снова придет на поле, где она пытается хакнуть пасущихся животных, а когда наскучит, любуется на звезды?

Но Дэрен, которого она видит, не двигается. Просто стоит у открытой двери в ее камеру. Он выглядит изможденным. Щеки ввалились. Бледен. Одна рука дрожит так, что он придерживает ее другой. Таким она никогда его не видела. Он даже как будто стал меньше, это подобие Дэрена, которого она знала все то время, что жила в Нигерии. И он настоящий. Не галлюцинация.

– Где ты был? – цедит она сквозь зубы, удивляясь, что ее все-таки волнует, что он ответит.

Он входит в камеру. Дверь за ним закрывается. Сесть больше негде, и он садится на край кровати.

Айфи сжимается в комок.

– Я слышал, что произошло, – говорит он слабым, как он сам, голосом. Подавленным. Пока она здесь пыталась закалить себя испытаниями, он там терял силы. – Меня понизили в звании после инцидента с заложниками на нефтяной станции. Я позволил уйти виновникам трагедии. Я многих убил, но дал сбежать той, что ответственна за все. Демону Биафры. И за это мне нет прощения.

Она едва сдерживает усмешку, уловив, что он жалеет себя.

– А потом я узнал, что ты в тюрьме. И с того момента делал все, чтобы вернуть тебе честное имя.

Лицо Айфи остается бесстрастным. Когда ее только арестовали, ей были необходимы именно эти слова. Но сейчас… Сидя на тюремной койке и глядя в спину молодого мужчины, который когда-то был ее защитником – ее братом, – она видит только слабака, бросившего ее в трудную минуту.

– Сколько я уже здесь? – спрашивает она таким тоном, словно ей нужна только эта информация, и больше ничего.

– Прошло три месяца с того инцидента.

Кажется, не так много. А здесь это ощущается как вечность.

– И что ты здесь делаешь?

Он поворачивается, смотрит на нее через плечо.

– Я пришел сообщить тебе, что твое желание исполнилось.

Она вопросительно хмурится.

– Будет объявлено прекращение огня. Между Нигерией и Биафрой установится мир. – Он глядит в пол. – Всего-то от меня и потребовалось – потерять Дауараму. – Снова жалеет себя.

Ей почему-то больно слышать, что Дэрен говорит об этом так. Он никогда не считал меня настоящей нигерийкой. Она прячет боль и обиды подальше, туда, где их не видно и не слышно. Садится на кровати.

– И что насчет преступлений, в которых меня обвиняют?

– Это политические преступления. Ты политическая заключенная. Но теперь, когда война кончилась, тебя больше ни в чем не обвиняют. – И добавляет: – Надо жить дальше.

В его голосе нет убежденности. Он не может жить дальше.

Айфи обдумывает все, потом смотрит ему в лицо:

– Перед тем, как я уйду, я хочу попросить кое о чем.

В его глазах печаль. Он понял, какое она приняла решение:

– Да?

– Удали его. – Видя немой вопрос, она уточняет: – Удали Акцент.

– Но почему?

Потому что он сделал меня уязвимой, хочет сказать она.

Потому что именно Акцент привел к этому всему. Потому что я не могу его контролировать. Потому что другие научились использовать его против меня. Но вместо этого говорит:

– Я так хочу.

Дэрен печально кивает.

– Я сделаю, как ты хочешь. – Он поднимается с кровати. – Скоро придут врачи, – говорит он, стоя у двери. – Я хочу кое-что показать тебе напоследок.

Айфи хочет отказаться, наорать на него, плюнуть под ноги. Но он выглядит сломленным. Униженным. Она не отвечает, даже не кивает, только смягчает ожесточенный взгляд, чтобы он понял, что можно подойти.

Он подносит руку к лицу Айфи. Погружает палец в ее ухо. Акцент начинает гудеть. Мир вспыхивает золотым светом.

Глава 41

Онайи бродит по территории кампуса. Кажется, будто все попрятались. Ничто не движется. Даже ветра нет.

Ведь если она все обойдет и не встретит Агу, можно будет пойти к Чинел и сказать, что абд убежал, ну, или просто что его не удается найти. Или что слишком сложно выследить его. Или он почувствовал, что происходит, и сам решил проблему за них. Но, вернувшись в общежитие, еще из коридора она слышит, как кто-то тихо играет на пианино.

Обычно тут были смех, разговоры, топот босых ног. За этим шумом пианино не услышать. Но теперь здесь ни звука, нечему заглушить игру. Сердце Онайи падает.

Она подходит к его комнате и долго стоит, прислушиваясь. Прижимается к двери лбом и закрывает глаза, пытаясь думать, как же исполнить то, что она должна. Вместо этого перед глазами снова разыгрывается последняя битва. Столько смертей. Каждый ее рейд, каждая битва с нигерийскими мехами вспышками проносятся в голове. Каждый мех, которого она рассекла, сбила или обезглавила. Каждый подстреленный ею пилот. Она видит своих сестер и абда, который сейчас в этой комнате, всех вместе на нефтяной станции, перед тем как они расстались навсегда. Одно за другим появляются их лица.

Что, если их смерть – наказание за все убийства, которые совершила Онайи? Все, кого она знала близко, потеряли кого-то дорогого. Она погружается в воспоминания о лагере Боевых девчонок, о минутах перед расставанием с Айфи. Онайи позволяет себе вспомнить, как впервые увидела ее. Такую маленькую в том темном пустом доме. Может, это и есть подлинная суть и сила Демона Биафры? Все, к чему она прикасается, обращается в пыль. Все, с чем она борется, и все, что она любит.

Вот и все. Она уйдет. Сделает последнее дело, которое должна сделать, и уйдет.

Она начнет стирать из мыслей это подразделение, Агу, лагерь Боевых девчонок, задания, операции, миссии. Она отправится в Красную землю и будет жить там, чтобы отравленный воздух и кроваво-красный грунт разъедали ее память и уничтожали мозг. Она не хочет ничего вспоминать.

Только сначала нужно это сделать.

Она прикладывает большой палец к панели у входа в комнату Агу, и дверь открывается.

Агу сидит на полу возле кровати с маленькой сенсорной

клавиатурой на коленях. Его пальцы замирают. Он смотрит на Онайи, улыбаясь:

– Пора тренироваться?

Только через несколько секунд Онайи находит в себе силы ответить:

– Нет, Агу. Просто прогуляемся.

Спустя миг он уже на ногах, хватает сумку с кровати. Запихивает туда клавиатуру. Открывает ящик, вытаскивает пистолет и коробку с патронами.

– Не надо, – говорит Онайи слишком резко. – Сегодня не понадобится.

Он не колеблясь кладет все обратно. Вместе они выходят на двор, залитый полуденным солнцем.

Онайи видела эти горы только издалека. Самая близкая цепляет на свою вершину облака над долиной, где у них было стрельбище. Пониже вершины каменистые склоны, а так почти сплошь все поросло лесом.

Она идет немного позади Агу и видит такую пышную зелень, как и представляла. Вокруг тишина. Никаких диких зверей, шнырявших в джунглях возле лагеря Боевых девчонок. Никаких двухголовых волков или других отравленных радиацией монстров, которые бродят по Красной земле, наводя страх на ее обитателей. Нет даже комаров.

Немного плотных листьев опало. Но кроны деревьев густы и вполне могут укрыть людей и насекомых, когда наступит сезон дождей. Здесь прохладнее. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, светят мягче.

Может, он захочет в последний раз увидеть солнце, думает Онайи. Почему-то ей кажется, что неправильно обрывать его жизнь в темноте. Надо быть доброй. Не такой, как остальные. Пусть это убийство будет другим.

Освещенная солнцем тропинка извилисто уходит из леса и ведет в гору, исчезая из виду. Агу оглядывается, словно чувствуя мысли Онайи, и она кивает. Он бежит вперед, придерживая сумку на боку. Онайи идет обычным неторопливым шагом.

Она находит его на небольшом открытом солнцу выступе, откуда виднеется их лагерь. Каким маленьким он кажется сверху!

Агу сидит, сумка лежит у ног. Онайи останавливается сзади. Достаточно близко, чтобы не промахнуться. Достаточно далеко, чтобы Агу не смог добраться, если вдруг вздумает сопротивляться.

Но он не станет.

Одним движением она вытаскивает пистолет из кобуры на поясе. Снимает предохранитель. И ждет. Сама не знает чего.

Может, ворона закаркает и заглушит выстрел. Может, движение какого-нибудь животного отвлечет Агу. Может, медведь Агба выскочит из леса, и они будут бороться с ним, и Онайи вернется к Чинел и скажет, что Агу в порядке и его главные установки работают как раньше.

Но вокруг тишина.

Она поднимает пистолет, целится Агу в затылок. Нужно, чтобы это произошло мгновенно. Без боли.

Она чувствует присутствие Адаиз, словно ее наставница здесь, рядом, в нескольких метрах, просто ее не видно. Она знает, что это призрак. Может, какая-то неисправность в ее аугментации влияет на ту часть сознания, что отвечает за веру в богов и сверхъестественное. А может, миссия сломала и ее.

Но она решает не бороться с видением. Не поворачиваясь, спрашивает: Что мне делать?

Призрак Адаиз молчит.

Что сделала ты? Ты оставила меня, но перед этим что ты сделала? Как ты прекратила?

Онайи знает, что призрак понимает. Прекратила убивать.

Тишина. Рука Онайи дрожит, держа пистолет. Ее механическая рука никогда так не дрожала. Она хмурится. Глупо ждать ответа от призрака. Она просто тянет время.

Как только она напрягается, чтобы спустить курок, призрак отвечает: Я прекратила убивать.

И этого достаточно. Рука Онайи перестает дрожать, и она опускает ее. Склоняет голову. Вот-вот прорвутся рыдания, но Онайи, стиснув зубы, сдерживает слезы.

– Уходи, – говорит она наконец. – Беги и никогда не возвращайся.

Агу неестественно спокоен. Словно он в снайперском гнезде, ждет появления цели.

– Мне все равно, куда ты пойдешь и что будешь делать. Я не хочу больше тебя видеть. Никогда. – Она не убирает пистолет в кобуру. – У тебя ровно двенадцать часов, чтобы убраться как можно дальше отсюда.

Он не двигается.

Не заставляй меня стрелять.

Он медленно встает и поворачивается. На его лице ничего не отражается.

– Можно взять ее с собой? – Он прижимает к груди клавиатуру.

Вопрос поражает Онайи. Слезы все-таки наворачиваются на глаза. Она кивает.

На губах Агу мелькает легкая улыбка. Он проходит мимо

Онайи по тропе и исчезает в лесу.

Она смотрит туда, где только что стояла Адаиз, и качает головой. Всего лишь призрак.

Онайи уже заканчивает паковать вещи, когда в дверях появляется Чинел. После секундного колебания Онайи продолжает собираться, не глядя ей в глаза. В воздухе висит тишина, плывет вместе с пылинками, которые видны в лучах солнца, освещающего комнату.

– Куда ты поедешь? – спрашивает Чинел так тихо, что Онайи едва слышит ее.

– Не знаю. Куда-нибудь.

И ничего.

Онайи заканчивает сборы и застегивает сумку. Выпрямляется в полный рост. Чинел склоняет голову набок, в ее глазах мольба, чего Онайи никогда не видела прежде. Но и сама она хочет сказать: Попроси меня остаться.

– Это официально, – говорит Чинел. У нее трясутся руки. На пальцах кровь. Чиамер. Он что, сопротивлялся? – Заключают мир. Через неделю сделают официальное заявление. В новостях. – Голос звучит сбивчиво. – Мы победили. – Она не может сдержать слезы. – Онайи, мы победили.

Просто попроси меня остаться. Онайи надеется, что глаза скажут это за нее. Пожалуйста.

– Мы это сделали. – Чинел шагает к Онайи и хлопает ее по настоящему плечу, пытаясь улыбнуться сквозь слезы. – Ты и я. Мы построили… – Ей трудно говорить. – Мы должны построить…

Она падает на колени и рыдает. Роняет лицо в окровавленные ладони и рыдает, рыдает, рыдает, тело бьется в конвульсиях, разрываемое болью, силу которой не может представить даже Онайи.

– Что я наделала? – стонет Чинел, когда может снова взглянуть на Онайи. – Скажи мне, что все это того стоило. Скажи, что это того стоило. Пожалуйста. Скажи мне. Пожалуйста.

Сколько раз она задавала себе те же вопросы? У нее на руках не меньше крови. Судьба выживших. Их личный ад. Вот что Онайи слышит в рыданиях Чинел.

И тогда Онайи опускается на колени и обнимает подругу. Она больше не прячет от нее своего страдания.

Глава 42

Айфи лежит на спине в круге света. Медленно садится. Со всех сторон все белое.

Внезапно мир вокруг превращается в сплошные помехи, как будто чей-то сигнал вторгся в ее поле и с экранов пропало изображение. А потом – ночь. Все сумеречно-голубого цвета. И тишина.

Она осматривается: она в каком-то жилище. Словно из ниоткуда: глинобитные стены, окна, крыша. Затем, как в замедленной съемке, появляется мебель, сначала как будто из пикселей, потом превращается в предметы, до которых можно дотянуться, потрогать. Дом строит сам себя. Перевернутый диван, разломанный стол. Пол комнаты, где она сидит, усеян осколками стекла.

Слышится чей-то плач.

Она поворачивается на звук и видит, что кто-то клубком свернулся у дальней стены. Она щурится, дыхание перехватывает. Это же она сама. Где она… во сне?

Звуки приходят короткими вспышками. Выстрелы. Отрывистые очереди. Падая в траву за окном, гильзы стучат друг о друга. Это… это ее дом. Откуда ей это известно? Она ничего здесь не узнаёт. Но уверена. Совершенно уверена. Взгляд мечется по разгромленной комнате. Потом снова смотрит на себя. Видение. Эта Айфи намного младше. Она ребенок. Держит что-то на коленях. Собаку. Лохматая, шерсть темная, блестящая.

Раздается крик. Голос странный, но такой знакомый заставляет Айфи подбежать к окну и выглянуть в грязный двор. Кто-то маленький, немногим больше ее ростом, тащит по земле женщину. Женщина кричит, отбивается, пытается поцарапать руку, которая, как понимает Айфи, сделана из металла. Рука, сверкая в лунном свете, крепко держит женщину за косы. По земле за ними стелются облачка голубой пыли.

У Айфи колотится сердце. Стрельба вдали снова становится громче.

Маленький солдат подтаскивает женщину к куче связанных, со скованными руками и ногами, людей, которые сидят на земле спина к спине. Сквозь тряпки, засунутые им в рты вместо кляпов, доносится плач.

Айфи чувствует, как от ужаса сжимается желудок. Сердце колотится еще быстрее. Это лицо. Она видела ее раньше. Девочка, напавшая на них, отходит к остальным. Они солдаты. Только без формы. Мешковатая одежда, маски и винтовки. Девочка-солдат

встает над заложниками. Она еще ребенок. Остальные – взрослые. Айфи не может отвести глаза.

Неожиданно какая-то пленница вырывается и бьет одного из солдат в колено. Девочка-солдат делает шаг, поднимает винтовку и стреляет.

– Мама! – слышит Айфи свой голос. Крик вырывается из горла раньше, чем она понимает, что происходит. – Мама, – шепчет она. И тут приходит осознание. Это не сон. Это воспоминание. Она в ловушке воспоминания.

Пленница не двигается. Остальные вопят.

Какой-то человек в черном подносит маленький диктофон к мужчине, стоящему за шеренгой детей – их винтовки нацелены в затылок связанных заложников. Мужчина что-то произносит, но разобрать не получается. Прекращает говорить. Айфи не может больше смотреть. Но не слышать тоже не может. Ночь пронзают залпы. Затем – стук гильз. И тишина.

В окно проникает лунный свет, малышка все еще в комнате. Айфи узнает себя в абсолютной неподвижности этого ребенка, в том, как она прижимает к груди окровавленную собаку. Раздаются чьи-то шаги, девочка-солдат врывается в комнату и водит туда-сюда винтовкой. Увидев маленькую Айфи, опускает оружие. Минуту, которая длится бесконечно, девочка-солдат смотрит на нее не отрываясь, затем снимает маску, чтобы показать лицо, – и Айфи, нынешняя Айфи, не верит своим глазам.

Совсем юная. Шрамы свежие. Но лицо – то самое.

Онайи.

Спустя целую вечность Онайи подходит к маленькой Айфи и хватает ее за руку. Ребенок не подчиняется, но Онайи намного сильнее. Она расцепляет ее руки и поднимает собаку. Одежда маленькой Айфи вся в крови. Секунду Онайи смотрит на мертвую собаку, потом выходит из комнаты в поле. Сегодняшняя Айфи отвлекается от себя маленькой и следует за Онайи, но останавливается и просто смотрит, как та несет собаку к неглубокой могиле, выкопанной на краю леса. Она не бросает туда ее, а опускается на колени и бережно кладет животное поверх уже лежащих тел. Подходит крадучись кто-то из солдат, но Онайи даже не поворачивает голову. Она уставилась в могилу.

– Там есть кто-нибудь еще? – спрашивает солдат на игбо. Маска приглушает его голос.

– Нет, – отвечает Онайи.

Солдат сдавленно усмехается и направляется к дому, где осталась девочка. Онайи резким движением перехватывает его запястье.

– Эй! Что тебе? Эй! Да что такое? Отпусти! Больно же! Черт! –

Он падает на колени, а Онайи заламывает ему руку за спину. – Да что ты творишь?

– Я проверила. – Ее голос лишен эмоций. – В том доме никого не осталось.

Онайи ослабляет хватку и подходит к остальным солдатам. Ей, кажется, все равно, поверил он или нет. Она знает, что он тащится за ней, придерживая сломанное запястье.

Айфи снова смотрит на себя в детстве и видит ребенка, который стоит неподвижно, с опущенными руками.

Но Айфи знает, что будет дальше. Онайи вернется за ней одна и найдет на том же месте. Онайи понесет ее на руках, так же, как несла собаку, заберет в лагерь, будет растить. Скажет, что она биафрийка, что ее захватили враги, а сейчас ее спасли. И теперь она наконец дома.

Когда Дэрен наконец отключается от ее Акцента и Айфи снова оказывается в камере, она не может пошевелиться. Слезы градом катятся по щекам.

– Это ложь, – говорит она. Голос становится жестче. – Ложь! – Ее переполняет гнев. – Ложь! Все было не так! Ты имплантировал это воспоминание!

Дэрен отводит руку и медленно натягивает перчатку.

– Даже если бы мы умели фабриковать воспоминания, я бы с тобой так не поступил. Я могу только извлечь уже существующие данные.

– Но каким образом? Если это была моя память, то почему я могла наблюдать за собой? Так не бывает! – Она цепляется за эту прореху в его объяснении и продолжает: – Я не могла помнить это.

– Остальные данные были взяты из фона. – Дэрен смотрит на свою руку, разглаживая перчатку. – Это она отняла у тебя семью.

Он встает и уходит прежде, чем Айфи успевает ответить. Даже если бы она выкрикнула ему все в лицо, сказала бы, что это злобная ложь, что он сделал это, только чтобы ранить ее, в глубине души она понимает: это – правда. Потому что знает.

И всегда знала.

Пришли врачи, чтобы удалить ее Акцент.

Они поместят Айфи в воду, чтобы подготовить тело к процедуре. Ванна с целительными жидкостями поможет выдержать операцию. С помощью своих инструментов и технологий они удалят проклятое устройство из уха Айфи. Странно думать, что так они ослепят ее. Вытащив что-то из уха, лишат ее второго зрения. С этого момента она будет видеть мир по-другому. Любопытно, каким он будет. Будут ли в нем те же краски, будет ли она по-новому видеть свет, станут ли тени

глубже или бледнее. Получится ли отличать дружелюбие от недоброжелательства так же быстро, как раньше.

Потом они снова положат ее бесчувственное тело в воду и наденут дыхательную маску. А когда организм восстановится, ее наконец освободят.

В голове Айфи проносится множество вопросов о том, что ждет ее впереди. Но она нашла способ заглушить их. Она вызывает в воображении лицо. Одно-единственное, которое она узнает всегда. Лицо той, что нужно найти. Той, что запустила этот бесконечный круг боли. Той, кого она убьет, чтобы положить этому конец.

Пока камеру исцеления заполняет вода, она думает об Онайи.

Дэрен не едет с ней.

Кроме охранников, с ней в фургоне никого нет. Они едут по извилистой дороге к границе нигерийской территории, но солдаты на постах не обращают на них никакого внимания. Чем ближе к бывшей линии фронта, тем тише вокруг. Будто Нигерию заботила только война. Без этого мотора военная машина остановилась. Сколько энергии, питавшей Нигерию, двигавшей ее научные достижения, делавшей ее граждан столь активными, порождала война?

Пропускной пункт на границе невелик. Проход пошире для машин, поуже – для людей. Оба ведут к металлическому вагончику, удобно расположившемуся в тени высоко парящей крыши.

Охранники останавливают машину и выводят Айфи из фургона. Передают другим охранникам, которые провожают ее к проходу. Между двумя металлическими столбами в воздухе заметно мерцание. Это сканер. Хотят убедиться, что она, уходя, действительно оставила все позади, не взяла с собой ни кусочка Нигерии, – неважно, куда она направляется.

Пограничный пункт кажется последним оплотом жизни. Дальше расстилается пустыня.

Она не знает, где находится, только около горизонта виднеются пятна зелени. Цвета мира кажутся ярче, влажность приближающегося сезона дождей – тяжелее. Но сама она окрепла, стала сильнее и жестче.

Ей нужно быть такой, чтобы достичь цели: найти Онайи. Отомстить за смерть матери.

Айфи сжимает кулаки и делает шаг вперед.

Интерлюдия

Глаза Энаймаки распахиваются в темноте. Лицо горит от жара, идущего изнутри. Окутанная ночью земля перед ней становится ярче. Прожектор. Глаза Энаймаки как два прожектора. Ее металлическое тело начинает гудеть, оживая, и дроид распрямляется. Ржавая шелуха отлетает от тела. Мир торопливо возвращается к ней, все системы снова работают. Звуки, запахи, изображения. Образы из прошлого наводняют ее видение. Пальцы, поглаживающие лепестки цветов. Сбитые мехи, наполовину погрузившиеся в землю лагеря. Бритая голова какой-то девочки. При воспоминании о ее лице Энаймака чувствует тепло в груди. Она сама не знает почему. Больше воспоминаний о ней нет. Пытаясь нащупать их, дроид упирается в пустоту. Но вспоминает, что находится в пустыне. Красная земля. Радиация уничтожила часть ее памяти.

– ОГО-ГО!

Энаймака оборачивается на звук.

Какая-то фигура подпрыгивает вверх-вниз, размахивая конечностями. Руки. Ноги. Слова постепенно возвращаются к Энаймаке. Потом приходит слово «человек». Человек перестает потрясать кулаками в воздухе и начинает что-то лепетать. Проходит пара секунд, прежде чем Энаймака понимает: звуки ей знакомы. Человек говорит по-китайски.

– Я думала, тебе конец! – восклицает человек. Выражение лица человека напоминает Энаймаке маленькую девочку, которой она когда-то брила голову. Это улыбка. – Привет! Меня зовут доктор Лю Си-Фэн. Я ученая.

Энаймака смотрит вниз и видит провод, тянущийся из разъема в ее боку. Он вставлен в прибор, который держит человек. Человек смотрит на экран прибора, что-то листая и нажимая. Через мгновение Энаймака осознает, что провод светится, потому что через него идут ее данные. В нем содержится Энаймака. Энергия вливается в Энаймаку, она чувствует, как возвращаются к жизни ее наноботы. Но они другие. Прежний шепот не слышится. Команды, которые они ей подают, автоматизированы, они цепляются за оставшиеся кусочки памяти. К Энаймаке вдруг возвращается картина: лагерь, она хоронит солдат. Последняя задача, которую она выполнила.

Вот что должна сделать Энаймака. Андроид уверенно поднимается. Шаг вперед, еще и еще.

– Нет, подожди! Подожди! – Человек наспех пытается собрать все свои вещи: прибор, который держит в руках, то, что Энаймака опознает как аккумуляторный блок, счетчик Гейгера для замера радиации и еще какую-то странную штуку с полозьями, которую нацепляет себе на спину.

Кабель выдергивается из Энаймаки, и человек Си-Фэн вопит как безумный:

– Подожди, подожди, подожди! Ты не полностью заряжена! И радиация еще действует на тебя! Мы должны переправить тебя в безопасное место!

Но Энаймака продолжает идти. Далекие сигналы, мельтешащие вокруг, как светлячки, звенят у нее в голове.

– Куда ты идешь?

Энаймака поворачивается и вспоминает про голографический проектор из прошлого. Затем вспоминает, что может сделать так же. Она активирует свой проектор и включает видеозапись последних воспоминаний: лагерь под рассветным небом, запекшаяся кровь и Энаймака, несущая на руках труп за трупом – некоторые по частям – в аккуратно выкопанные, одинаковые могилы. Она мягко укладывает их один за другим и хоронит, устанавливает на этом месте знак.

Си-Фэн смотрит в немом изумлении.

– Ты… Ты хоронишь их, – шепчет человек.

– И регистрирую смерть.

Энаймака снова поворачивается и делает шаг.

– Я хочу пойти с тобой. – Си-Фэн, сгибаясь под тяжестью своего снаряжения и спотыкаясь, поспешно догоняет Энаймаку. – Позволь мне помочь.

Так начинается их путь.

Энаймака идет за пульсирующими в голове сигналами, за тихим свистом уцелевших в сражении коммуникаторов, пока они не приводят их на место следующей бойни. Она фиксирует все, что видит, сканирует информацию и загружает в устройство для хранения данных, которое несет Си-Фэн. Вместе они копают могилы и хоронят мертвых, нигерийцев и биафрийцев. Закончив, Энаймака идет за сигналом к следующему полю сражения.

В одном из мест Энаймака улавливает знакомые следы: нанотехнологии. Она уже встречалась с этим раньше в людях и машинах. Теперь она чувствует их присутствие рядом с собой и Си-Фэн. Человек Си-Фэн называет их аугментами. Наноботы кружатся над трупами, словно мухи, и, завидев Энаймаку, наполняют дроида данными. Из них Энаймака узнает, что существует молодая девушка, пилот меха, имя – Онайи. Это Онайи сделала ее.

Так для Энаймаки складывается пазл, она узнает про себя саму. Она – точно она, не он или оно.

В один из дней они останавливаются на гребне горного хребта и обнаруживают бесчисленную армию андроидов, похожих на Энаймаку, но только тоньше. Выстроившись в ряды, они

механически копают землю, потом все вместе передвигаются вперед и копают дальше. Те, что сзади, совершают движения – как будто лезут в сумку и, что-то достав оттуда, кладут в раскопанную землю. Единственная борозда. Затвердевшая почва, разрытая металлическими руками – без цели, без мысли. На самом деле их сумки – небольшие дырявые мешочки – давно пусты. Но они все еще продолжают что-то сеять.

– Кто-то оставил их здесь, – печально говорит Си-Фэн.

Исчезли следы людей, фабрик, цехов. Может, они умерли и лежат у них под ногами, а может – где-то в небе.

Энаймака не знает почему, но чувствует какую-то связь со всем этим. У нее всплывает новое слово: сестра. Они ее сестры.

Она кладет руку на плечо ближайшего робота и копирует то, что постоянно видит в памяти. Прижимается лицом к голове робота и выпускает наноботов. Сначала они принадлежали кому-то еще, но, пройдя через нее, стали ее частью, а теперь они пройдут и через этого андроида тоже.

Андроид немедленно останавливается и смотрит на Энаймаку. Тогда Энаймака делает то, что видела во многих своих воспоминаниях, не только в тех, с которыми родилась, но и в тех, что собирает на каждом месте захоронений. Излучая глазами свет, она улыбается.

Наступают сумерки, на смену им приближается ночь. Энаймака обходит множество других андроидов, вдыхая в них жизнь и наделяя данными, – до тех пор, пока все они не прекращают свои действия. Вместе поднимаются они на вершину холма, где Си-Фэн поставила палатку.

Си-Фэн раскрывает рот от изумления.

Энаймака широким жестом обводит свою семью.

– Они помогут нам записать все, что здесь произошло. И похоронить мертвых. Это теперь наша программа.

Что-то странное происходит с Си-Фэн, такого Энаймака не видела раньше у людей. Она видела, как человек ей улыбается. Видела, как на месте побоища человек срывает с головы шлем и его рвет в кустах. Видела, как тихо плачет, думая, что Энаймака не замечает. Но она никогда не видела, чтобы человек одновременно плакал и улыбался.

Энаймака улыбается в ответ. Вместе они уходят в ночь в поисках следующего поля битвы, где лежат тела, не преданные земле.

Часть III

Глава 43

Девять месяцев спустя

Штат Бенуэ, южная граница, Нигерия, 2177

Онайи могла бы всегда управлять дроном удаленно, сидя в прохладном кондиционированном помещении с мониторами по стенам. Но она предпочитает летать сама. Легкий пассажирский винтовой самолет со стабилизаторами, на случай если понадобится зависнуть. Нгози и Чинел называют его самолет-карандаш. Старая модель, непохожая на военные самолеты, которых осталось много. Чинел предупредила, чтобы она не использовала мех для разведывательных полетов. Так ее могут принять за боевого пилота.

Все равно. Здесь, на границе Красной земли, некому сбивать ее, даже если бы она летала в мехе.

Под ней – красная глина. По глине текут коричневые реки. Если постоять на их берегах, счетчик Гейгера заверещит и сломается. Радиация пронизывает воздух и вызывает свечение почвы. Там и сям бродят звери неестественного размера и вида с аномальным количеством конечностей. Шотгорны, двухголовые волки. Здоровенные ящерицы, ползающие на шести ногах, как маленькие драконы, и летающие рывками, больше похожими на прыжки.

Иногда попадается хижина или другое жилье. Почти все накрыты полупрозрачным голубым куполом, который не пропускает облученный воздух, а фильтрует его и защищает здешних обитателей. Мусорщики покидают жилища в облегающих защитных костюмах для работы с опасными материалами. Похожие на паучьи лапки антенны торчат над плечами, вращаются, сообщая, каков состав воздуха, что в земле под ногами, что в воде, в которую они погружают ведра.

Ни нигерийцы, ни биафрийцы пока не хотят прикасаться к этой земле. Возможно, когда-нибудь в Биафре будет технология, которая позволит сделать это место пригодным для жизни. Повернуть вспять процесс экологического разрушения, собрать этих брошенных на произвол судьбы мусорщиков пустыни и сделать их биафрийцами.

Намотав несколько кругов и не обнаружив никаких следов беженцев, Онайи берет влево, разворачивается и летит обратно к

незагрязненным территориям. Вдали на горизонте видна зелень. На границе с Красной землей уже появилось несколько экопроектов. Выросли новые испытательные объекты, где ученые пытаются придумать, как возродить Красную землю.

Справа она замечает холм, словно разрезанный пополам невидимой линией, отделяющей свежую зелень от загубленной Красной земли. На вершине виднеется дом.

Не вдаваясь в размышления, она уходит влево. Самолет мягко потряхивает. То, что напугало бы других, только бодрит Онайи. Ей нравится слышать подвижность металлических деталей, чувствовать каждую балку, пластину, каждый механизм. Она летит назад, к холму, где красная земля граничит с высокой зеленой травой, – туда, где стоит хижина.

Приземляясь, самолет поднимает облако красной пыли. Онайи набирает последовательность клавиш на контрольной панели и перемещает рычаг переключения скоростей вперед. Когда все отключается, она нажимает кнопку справа от себя, и флексигласовый фонарь кабины открывается с одной стороны.

Онайи спрыгивает на землю и разминает затекшие ноги. Вытягивает шею и смотрит вверх. Под ногами у нее куда-то направляются жук и скорпион, жук с трудом продирается сквозь траву, скорпион – скользит по красной земле. Но их пути никогда не пересекутся.

Ближе к подножию холма видна небольшая клумба. Онайи идет туда. Тропинка уводит ее выше, по склону. Сколько раз она поднималась сюда за последние девять месяцев? И все равно каждый раз как заново. Как будто боится добраться до вершины и обнаружить, что той, к кому пришла, там больше нет.

Но она заставляет себя идти. Не считает шаги, просто поднимается, ритмично, шаг за шагом, выше и выше. Все мысли улетучиваются. Интересно, может, так и бывает, когда молятся. Или медитируют. Она всегда думала: если человек склонил голову или смотрит в пространство, в его мозгу идет работа. Просчитываются проблемы, намечается путь, формулируются выводы. Идет подготовка к следующему взаимодействию с миром. Или контакт с другим человеком, который находится на связи. Как два конца одной телефонной линии. Но здесь для Онайи мир становится тихим – как никогда и нигде. Не слышно даже писка комаров.

И это хорошо, потому что, добравшись до вершины, ей нужно быть спокойной. Спокойно пройти через маленький дворик, где козы жуют траву, по сменяющей грязь каменной дорожке, поднять кулак и постучать в дверь.

Она стоит на пороге, глубоко вдыхает и ждет.

Звук шагов. Дверь открывается.

Женщина по ту сторону двери не улыбается, но Онайи знает, что она рада ей.

– Заходи, – говорит Адаиз. – Давай разобьем вместе колу. – Онайи повинуется: старая привычка, хотя Адаиз больше не ее наставница, а она не ребенок-солдат.

В кухне, совмещенной с гостиной, есть стулья и высокие табуретки, но Онайи и Адаиз садятся на полу, скрестив ноги. У Адаиз в руках тарелка, на ней – орех кола в твердой белой скорлупе. Онайи чувствует его запах – сладкий, цветочный.

Ада протягивает тарелку Онайи, та берет ее с легким поклоном.

– Тот, кто приносит колу, приносит жизнь, – говорит Онайи и смотрит на нее. – И это ты должна разбить орех. – Она возвращает тарелку.

Адаиз колеблется, словно вот-вот откажется, но потом улыбается. Слегка сжав орех механическими пальцами, раскалывает его, разделив на две одинаковые половинки. Берет одну, вторую передает на тарелке Онайи. Вместе они жуют горький, насыщенный кофеином орех.

Закончив, Ада поднимается:

– Пойду принесу пальмового вина.

Слева от Онайи на полках сложены стопкой несколько старомодных книг. Полки занимают почти всю верхнюю часть стены, на них толстые и тонкие томики, есть и свободное место.

Адаиз возвращается с бутылкой пальмового вина и наполняет две глиняные чашки, которые тоже принесла с собой. Она садится, и Онайи видит, как трудно ей просто сидеть. Адаиз всегда жила в постоянном движении, и Онайи представляет, как теперь она пытается заполнить дни, шагая туда-сюда вдоль стены с полками. Как садится в кресло, только чтобы вскочить через секунду. У нее отросли волосы, и в мелких завитках афро видны серебряные нити. Каждая морщинка на лице – свидетельство еще одной битвы, еще одной схватки, когда удалось избежать смерти, уже поглядев ей в лицо. Но теперь есть возможность посидеть спокойно. Наверное, жизнь в этом уединенном месте наконец-то замедлила ее.

Онайи делает глоток из чашки. Сладкое пальмовое вино обжигает горло.

– Я никогда не предупреждаю, что приду, но, кажется, ты всегда знаешь.

Ада пожимает плечами.

– Если всегда готов, готовиться не нужно. – Она подносит чашку к губам и отпивает. – Ты как?

Онайи до сих пор слегка удивляется, когда слышит от Ады этот вопрос. Спрашивает о делах и здоровье, а не о том, готова ли она к операции.

– У меня все хорошо. Добровольно помогаю на пунктах приема. Когда прибывают очередные беженцы, неважно, один или сотня, всегда есть чем заняться.

– Да уж, раньше мы другим занимались. – Адаиз бесстрашно бросается в трудную тему. Даже не понижает голос, как все, когда говорят об ужасах войны. Адаиз не отворачивается от этих вещей. Она признает, что они были. Не пытается убежать. – Хорошо, что есть дело. Хотя ты все равно не сможешь забыть, кто мы и что мы делали. Это всегда будет нас преследовать. Некоторые из нас, конечно, могут всю оставшуюся жизнь казаться образцом здоровья, но разве кто знает, что в голове у другого человека. – Она усмехается, глядя на Онайи. – Даже самые лучшие устройства связи в мире не помогут.

– Поэтому ты и здесь? Подальше от всех?

Адаиз разминает шею.

– Я здесь, потому что мой отец пас коз, а у меня его гены.

– Здесь никто не видит, как ты страдаешь. Должно быть, очень… умиротворяет.

– Шотгорны, летучие мыши, двуглавцы – у всех есть глаза, и они меня видят. – Ада говорит это строго, пытаясь сохранить серьезность, но губы кривит улыбка, и обе смеются. Онайи не помнит, когда в последний раз так открыто смеялась. Успокоившись, Адаиз подливает вина. – Я должна не забывать думать. Жить вместе с прошлым. Прислушиваться к себе. Нам выпало столько войны, сражений, учений, разработки планов, что было не до своих мыслей и чувств. Путь к потере себя. Мы думаем, что, поддаваясь простейшим импульсам, поддаемся своему настоящему «я». – Она качает головой. – Но это не настоящие мы. – Пристально смотрит на Онайи. – Не ты.

– А кто я?

– Ты – девочка, которая еще носила школьную форму, когда впервые сбежала в лес, чтобы найти лагерь повстанцев, потому что знала, что я прячусь там. Ты – та, что в школьном общежитии спала на кровати, столбики которой украсила ленточками. Теперь мир, и у тебя есть время. Потрать его немного на ту девочку.

– Возможно, у меня не так много времени.

Адаиз понимающе кивает, брови ее сходятся на переносице.

– Комиссия.

Инцидент с заложниками на месторождении Окпай послужил толчком к прекращению боевых действий. Погибли граждане разных стран, что вызвало вмешательство Колоний. Они добились

прекращения огня в качестве первого шага к заключению окончательного мирного договора. Но нигерийцы потребовали выполнения одного условия. Чтобы залечить раны раздробленной нации, была организована Комиссия истины и примирения. Для разбора всех ужасных преступлений, совершенных каждой из сторон.

– Да. Если мои действия будут расследоваться, я понесу наказание. Не знаю, казнят меня или отправят в тюрьму, но свободу я точно потеряю.

– По-моему, смерть раньше тебя не беспокоила. Что-то изменилось?

Онайи смотрит на чашку с пальмовым вином.

– Тогда все было по-другому. Умереть в бою за Биафру значило отдать жизнь ради высокой цели. Но сейчас? Умереть осужденной людьми, которые полагают, что они лучше, чем мы? Теми, кто вмешался в войну, хотя обещал этого не делать? Убившие и разрушившие еще больше останутся на свободе незапятнанными? Это… несправедливо.

Адаиз качает головой:

– Вот так ведут дела ойнбо. У них аллергия на ответственность за свои поступки. Такова вся их история. Не исключено, что они и не знают другого пути. – Она смотрит на Онайи: – Может быть, тебя действительно казнят или отправят в заключение. Но что, если и это послужит на пользу Биафре?

– Что?

– Книга Бытия, глава 22, жертвоприношение Исаака. Ты знаешь этот сюжет?

Когда Онайи последний раз держала в руках Библию? Она отвергала христианство как пережиток древнего колониального строя, но Ада всегда была верующей, даже в военные времена. Что не мешало ей утверждать, что Чукву живет в минералах у них под ногами и в солнце на небе. Онайи постоянно слышала от всех вокруг, что хауса, фулани и другие племена, объединившиеся под нигерийским флагом, – еретики, потому что верят в других богов. Но да, эту историю Онайи помнит.

– Да.

– Бог требует жертвы от Авраама. Его сына, Исаака. И Авраам соглашается, и приносит сына на гору Мориа. Он связывает сына, достает нож и уже готов убить, чтобы выполнить волю Божью, но Бог посылает Ангела с небес, который приказывает ему остановиться. Авраам поднимает голову и видит овна в кустах. Теперь, когда Богу известно, что Авраам боится Его и готов исполнить Его волю, он разрешает принести в жертву овна.

– Знакомая история, Ада.

– В Коране она тоже есть.

Онайи хмурится. Зачем Адаиз упоминает священную книгу фулани? Основу их нечестивой веры. Это что, проверка?

– Ты о чем?

– В исламском тексте речь идет о другом сыне, Исмаиле. Аврааму (они называют его Ибрахимом) приходит видение: он должен принести Исмаила в жертву. Видение повторяется, преследует его. Он рассказывает сыну о видении. И Исмаил беспрекословно подчиняется. А когда Авраам – точнее, Ибрахим – уже готов убить сына, Бог останавливает его и дает барана для жертвоприношения. В награду у Авраама рождается еще один сын. И этого второго сына назовут Исаак – Исхак. И он станет пророком.

– Я не понимаю.

– Некоторые события цикличны. И притчи.

– Так кем мне тут быть? Авраамом? Исааком? А может, – она кривится, произнося мусульманское имя, – Исмаилом?

Адаиз наклоняет голову:

– Когда-то я бы с готовностью пожертвовала тобой во имя Биафры. Было время, когда я сделала бы это не колеблясь. Я позволяла тебе идти со мной почти на каждое задание. В каждый набег на деревню. Мы стольких людей убили вместе, и я все время держала тебя рядом. Наблюдала, как твоя детская чистота покидает тебя вместе с кровью из твоих ран. Вот что делает война. Она требует от человека страшных вещей. Ты была моим Исмаилом. – Плечи Адаиз вздрагивают. – Я позволила ему отнять у тебя руку.

– Ну, ты же не позволила ему отнять обе. – Онайи больно слышать такие слова от Ады. Она злится. Злится, что Ада обвиняет себя в том, что Дэрен изувечил ее, что не спасла вовремя. Злость бурлит, готовая вырваться наружу. Плечи напряжены.

– Онайи, погоди. Не сдавайся. – Адаиз протягивает руку, но снова кладет ее себе на колено. – Просто… дай мне почувствовать сожаление. Еще немножко. Нам нужен мир, Онайи. Биафре нужен мир.

– А если для нас никто не приготовил барана в кустах, а? После всего, что я пережила, после всего, что я сделала? Что, если никто не спустится ко мне с неба, не велит остановиться, не вознаградит меня за мою веру? – Онайи вскакивает, пальмовое вино проливается и впитывается в ковер.

Адаиз медленно встает. Она не готовится к отпору. И не собирается ударить сама. Она просто стоит перед Онайи, готовая принять от нее что угодно.

– Барана, овна для нас и правда нет, Онайи. – Она кивает в сторону двери, словно указывая на всю Биафру за пределами ее дома. – Но ты можешь стать жертвенным овном для них.

Глава 44

Мелкий дождь барабанит по листьям над головой Айфи. Она ползет, припав к земле, и слоновая трава шелестит вокруг нее. Огни светлячков кажутся ярче, потому что радиация, пусть несильная, есть и в здешнем воздухе. Светлячки вспыхивают, перед тем как погаснуть совсем. Кажется, что они плывут, появляясь то в одном месте, то в другом.

Прежних кимойо больше нет. Теперь вместо них на запястьях тонкие серебряные браслеты, украденные с оружейного склада одного из нигерийских аванпостов на границе со Средним поясом. Вытягиваясь, браслеты превращаются в лазерные клинки, помогающие пробираться сквозь заросли.

Первые месяцы Айфи скучала по Акценту. Желание вернуть его накатывало волнами. Но потом она научилась познавать мир собственными чувствами. Научилась находить общий язык с ними, видеть, воспринимать все и глазами, и с помощью обоняния, и с помощью слуха. Новое второе зрение.

Хорошо развитые естественные чувства помогли ей обходить аванпосты. Она стала разбираться, что годится в пищу, а что нет. Наловчилась быстрее двигаться, когда нужно было украсть оружие, еду и планшет.

За девять месяцев странствий она стала сильной и закаленной. Теперь, говорит она себе, я готова.

Лесополоса внезапно обрывается у небольшой скалы. Внизу, в роще, – группа мальчишек, помладше ее. Айфи вспоминаются мальчики в изоляторе, куда она ходила с Дэреном. Кажется, это было вечность назад. Она убирает клинки и становится на колени во влажную траву над обрывом. Мальчишки одеты в лохмотья, некоторые сидят на деревянных ящиках, мокрых от дождя, и жуют мясо лесных крыс, снимая его с шампура, висящего над электронным обогревателем. У одних пистолеты небрежно засунуты за пояс штанов, у других они в кобуре. Снайперские винтовки и дробовики валяются у ног. Похоже, оружие тащили отовсюду: тут и то, что она видела у биафрийцев, и вооружение нигерийских солдат. Тела мальчиков металлически поблескивают. Их конечности. Искусственные руки. А вон у того, что в шортах, нога-протез. Кожа на аугментациях натянута небрежно, либо ее нет вообще. Им, кажется, все равно, что их механические части тела видны всем. Может, они даже хотят, чтобы все видели. Видели и боялись.

Происходит какое-то движение, мальчишки поднимаются на ноги. Среди них появился мужчина в возрасте, на голой груди

жилет, живот выпирает. Руки у него мускулистые, в отличие от остального тела. Один глаз светится желтым светом. Все смотрят на него, ожидая команды. Он легко поднимает пушку Гатлинга, лежащую в центре круга, и перекидывает через плечо. Айфи готова поспорить, что мальчишки восхищаются его силой. Взрослый человек, похваляющийся собой. Мальчишки толпятся вокруг, и он дает им какие-то распоряжения – Айфи не удается расслышать. Был бы Акцент, она бы слышала все идеально, но сейчас даже по губам ничего не прочитать.

Какой-то мальчишка возится с обогревателем, выключает. Внезапно на поляне из ниоткуда возникают маленькие хижины и глинобитные постройки побольше. Целое поселение, уходящее в лес. Поверх травы появляются дорожки. На бывшей поляне теперь нет людей, но до Айфи доносятся голоса.

Снова начинается дождь. Поселение мерцает.

Голограмма.

Обернувшись, она видит слева за деревьями тропу, на ней – караван. Похоже на беженцев. Кто-то из идущих впереди издает радостный клич, указывая в сторону новоиспеченного поселения.

Ловушка. И они идут прямо в нее.

Удивительно, но Айфи не испытывает паники и радуется этому. Новое для нее чувство. Встретиться с опасностью и не бояться.

Слышны звуки леса: похрустывание сухих листьев и веток под копытами шотгорна, крик летучей мыши где-то наверху. Айфи медленно поворачивается, чтобы посмотреть на шотгорна, пасущегося неподалеку. Страха нет.

Вытаскивает небольшой планшет из сумки на поясе, приглушает яркость экрана. Планшет тонкий, как бумажный лист, но сделан из очень прочного пластика. Она садится на траву, скрестив ноги, смотрит на шотгорна и вводит комбинацию клавиш. В туловище облученного зверя нет ни металла, ни каких-то технических компонентов, но это теперь не проблема. Айфи научилась справляться и с этим.

На экране появляется нейронная сеть животного. Несколько нажатий, несколько слайдов – изображение поворачивается и увеличивается. Вот он – секрет. Радиочастота.

Она вводит финальную последовательность клавиш и чувствует, как от нее исходит мягкая ударная волна. Достигает цели, и шотгорн поднимает голову. Айфи еще неясно, удивлен ли он, что прямо перед ним человек, или он уже в ее власти. Одной рукой она набирает короткую комбинацию, и шотгорн делает два шага назад. Еще нажатие, и он делает шаг вперед. Более длинная комбинация – он танцует по кругу, взбрыкивая и становясь на

дыбы. Айфи подавляет смех. Сработало.

У нее мало времени. Караван уже почти добрался до фальшивой деревни.

Лежа на животе так, чтобы никто не увидел ее, случайно взглянув на скалу, она набирает следующее сочетание клавиш и ждет.

Шотгорн всхрапывает, ревет и устремляется со скалы вниз, прямо на поляну, с таким шумом, будто несется целое обезумевшее стадо.

Пространство вдруг наполняется голосами. Разозленные мальчишки орут, пытаясь понять, что делать, а шотгорн в это время врывается в лагерь и обрушивает всю их проекцию. Караван замирает на месте, по цепочке передают сигнал: надо остановиться.

Кто-то свистит за спиной. Айфи реагирует ровно в ту секунду, когда над ее головой проносится световой нож. Она уворачивается. Опаленный клок серебряных волос падает на землю. Она быстро отступает. Это один из мальчишек, в руках – мачете, лезвие которого светится и трещит от электрических разрядов. У нее нет времени сканировать противника. Делая широкий шаг навстречу, он размахивается, Айфи отпрыгивает и перекатывается по траве. На запястьях активируются клинки. Она встает на колено и скрещивает их в тот миг, когда мальчишка опускает мачете. Треск электричества. Искры дождем летят на нее. Мачете взлетает снова и снова. Уклоняясь от ударов, Айфи слышит рассекающий воздух свист, осязает жар раскалившегося клинка у самой кожи. Она чувствует себя твердой как сталь, но одновременно гибкой и пластичной, тело слушается ее идеально, движения ничем не ограничены, она уверенно наносит удары. Когда мальчишка атакует в очередной раз, она ловит его за плечо, чуть откатывается и ногой сбрасывает его с обрыва.

Опять свист.

По лесу передвигаются какие-то фигуры, и она ныряет в высокую траву.

Шаги бандитов стихают. Айфи слышит отдаваемые шепотом команды. Она убежала туда. Спряталась в траве. Рассеиваемся. Они не подключены. Несмотря на то что они аугменты, у них нет общей сети, по которой они могут общаться. Айфи некогда подумать над этим – раздается выстрел. Пуля задевает плечо. От боли вырывается стон. Она падает.

Прямо перед ней валяются упавшие ветки деревьев и раздолбанные остовы брошенных маглевов. Она доползает туда по траве и запрыгивает на крышу одного из них. Выстрелы пробивают кабину у нее под ногами. Перепрыгнув через ветку

упавшего дерева, она скатывается на грязную, в лужах, тропинку.

Впереди целая баррикада из сгоревших машин. Похоже, еще одна ловушка для простодушных беженцев, понимает она.

Что-то с силой врезается в нее, отбрасывая на поваленный ствол дерева. Она молниеносно раскрывает клинок на запястье, но напавший мальчишка отклоняется от удара. Она пригибается, и занесенное мачете вонзается в дерево. Ее клинок рассекает грудь противника, обнажая металл и шестерни. Айфи удирает. Запястные клинки втягиваются обратно. Свет меркнет вокруг нее. Повсюду раздаются шаги. Бегут люди. Они не переговариваются, но Айфи слышит, что они всё ближе. Шорох травы становится громче.

Она вскакивает и хватается за низко свисающую ветку. Подтягивается. Слишком быстро – боль обжигает плечо. Перепрыгивает на другую ветку, с силой отталкивается и перелетает на следующую. Раскачиваясь и перепрыгивая, она перебирается с ветки на ветку, пока не перестает слышать своих преследователей.

Там, где Айфи наконец спускается на землю, трава уже редкая, и она заползает под фургон, стоящий на бетонных блоках. От его корпуса почти ничего не осталось, почти весь металл кто-то утащил, может, на переработку. Но все-таки пустой почерневший фургон отбрасывает тень, в которой можно спрятаться.

Но Айфи не успевает толком перевести дыхание. Кто-то хватает ее за лодыжку и вытаскивает наружу.

Она поднимает руку, чтобы активировать клинки, но командир бандитов выкручивает ее запястье с такой силой, что от браслета летят искры. Происходит короткое замыкание, и клинок умирает. Бандит хватает другую руку и бьет оземь так, что второй браслет разламывается. Сдавливает горло. Бьет головой о землю. Один раз. Другой. Мир теряет четкость. Не вырваться, он слишком силен.

Ее сумка. Прямо под ней.

Айфи брыкается и размахивает ногами, но он придавливает ее к земле. Ей удается засунуть одну руку за спину, и она шарит в сумке, пока не находит то, что ищет. Вытаскивает руку и шлепком прилепляет на спину бандита небольшое магнитное устройство, размером с половинку мяча булубу.

Он чувствует, как что-то давит на спину, изворачивается, пытается отцепить неизвестный предмет, который начинает пищать. Глаза расширяются от страха. Он отпускает Айфи, извивается, хочет содрать эту штуку. Застывает на месте. У него коротнуло нейронную сеть.

Электромагнитный импульс. Любой механизм под его воздействием буквально изжаривается. Бандит падает, его тело бьется в конвульсиях, и вскоре над травой поднимается дым. Теперь он не больше чем металлолом.

Айфи находит караван на поляне. Мальчишек нет. В караване больше беженцев и разных других людей, чем она сначала думала. Почти все в лохмотьях. Многие пытаются хоть как-то обиходить незажившие раны. У некоторых заплечные мешки со скудными пожитками. Несколько женщин несут, примотав к груди, маленьких детей. У остальных нет вообще ничего. Только они сами.

Она соскальзывает вниз с небольшой скалы и останавливается у подножия. Похоже, у них нет лидера. Все бродят туда-сюда, в полном замешательстве.

Поляну почти перегородил трейлер, такой длинный, что часть его уходит в лес.

Из него выходит женщина, ее лицо незнакомо Айфи, но оно излучает доброту. Женщина вытирает пыль со лба и щек, и Айфи замечает, что она вся увешана разными устройствами. Браслеты на обоих запястьях – на них светятся буквы и цифры. Ожерелье, похожее на беспроводной датчик, гарнитура, счетчик Гейгера на поясе. Как будто все функции, с которыми справляется каждый нигерийский планшет, розданы отдельным устройствам. Наверное, и на щиколотках у нее браслеты, чтобы узнавать, который час.

Завидев Айфи, она замирает, но радость и облегчение тут же освещают ее лицо:

– Дитя мое!

Айфи смотрит прищурившись. Язык – не игбо, не хауса и даже не английский. Но она уже видела такие символы, как на браслетах у этой женщины. Мандарин. Пекинский диалект. Перевод автоматически накладывается на ее речь:

– Слава богу, ты жива.

Она обнимает Айфи, едва не отрывая ее от земли, хотя на вид кажется, подними она что-то тяжелое – и переломится спина. Впрочем, Айфи замечает, что руки у нее жилистые и мускулистые. И еще ясно, что оптимизм, сияющий в ее глазах, прошел непростой путь борьбы с отчаянием и цинизмом. Она видела войну. Может быть, даже эту.

Женщина оглядывается по сторонам.

– Ты путешествуешь одна? – спрашивает она. – Или с кем-то еще?

– Нет, только я.

Женщина барабанит пальцами по подбородку.

– А ты не знаешь… не знаешь, здесь вроде была деревня?

– Это была ловушка.

Китаянка смотрит на Айфи:

– Ловушка?

– Здесь были бандиты. Они создали голограмму, чтобы обмануть вас. Наверное, собирались украсть ваши припасы, ну, когда убили бы вас. Но теперь все хорошо. – Айфи кладет руку женщине на плечо. – Я спасла вас. Можете не бояться их.

– А как ты…

Айфи понимает: женщина решила, что лучше не спрашивать.

– Меня зовут Си-Фэн. – Она прикладывает руку к сердцу и слегка кланяется. – А тебя?

– Айфи.

– Ну что ж, Айфи, хочешь пойти с нами?

– А куда? – спрашивает Айфи, хотя и так знает ответ.

– Мы идем в Энугу. Я веду группу биафрийских беженцев, мы постараемся воссоединить их с семьями. Война кончилась. Пора залечивать раны.

Айфи кивает.

– Я тоже иду в Энугу. – Она достает из сумки планшет, вводит комбинацию клавиш, и на экране появляется лицо – голограмма. – Мне нужно найти ее.

Си-Фэн улыбается:

– Хорошо. Это хорошо. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе найти ее. – Она смотрит через плечо и кричит: – Агу!

Айфи выключает планшет и убирает его.

Из толпы выходит маленький мальчик. У него шрам через все лицо, и еще один – от левого плеча до груди. Он держит музыкальную доску, явно видавшую виды. Без улыбки протягивает руку:

– Агу.

– Айфи, – отвечает она и пожимает ему руку.

– Добро пожаловать.

Глава 45

Онайи стоит у забора, за которым находится центр приема беженцев.

По периметру его охраняют легковооруженные биафрийские солдаты.

Рядом с Онайи те, кто выбрал для лагеря место, настолько близкое к границе. Даже после объявления перемирия Нигерию рассекает полоса, где нет закона; она пролегла по некогда плодородным землям, раскинувшимся перед Средним поясом. Сейчас это ничейная территория, отделяющая Биафру от Нигерии, земля, где полно шотгорнов, преступников, мальчишек, для которых насилие никогда не заканчивалось, – земля, где все отравлено радиацией.

Некоторые из стоящих рядом с Онайи сами недавно были беженцами. Они тоже шли по этой дороге – или по другим, похожим. Или их принимали в других пунктах, на побережье. Буксиры биафрийских властей и китайских гуманитарных работников доставляли их лодки. И все беженцы прошли через приемные пункты, где им выдали первое за много лет по-настоящему теплое одеяло, заменили обувь, накормили и залечили раны. Им действительно помогали в этих местах. Однако сколько еще потребуется времени, чтобы восстановиться психологически! Онайи знает, что некоторые всю оставшуюся жизнь будут просыпаться среди ночи в холодном поту. Она видела взрослых мужчин, изменившихся так, что теперь над ними насмехаются дети, дразнят, пробегая мимо.

Но она перестает думать об этом. Сейчас она видит надежду в их глазах. Видит, как они всматриваются в идущую из леса дорогу. Некоторые уже девять месяцев приходят сюда каждый день. Смотрят. Ждут.

Сверху раздается свист. В башнях происходит движение.

Она пристально глядит на дорогу, остальные вытягивают шеи, чтобы лучше видеть, что там, за поворотом.

Приближается караван.

Кто-то подходит сзади. Это Чинел. Становится рядом с Онайи, удовлетворенно улыбается и выгибает спину, разминаясь.

– Ты не вернулась раздавать одеяла? – спрашивает Чинел.

Онайи качает головой:

– Сегодня хочу посмотреть.

Чинел следит за ее устремленным вдаль взглядом и хмыкает:

– Ждешь парня? Давно потерянного возлюбленного?

Онайи хлопает ее по руке:

– Перестань.

– Кстати, эти парни все время обнимали только винтовку. Теперь придется учиться обнимать девушку, – ухмыляется Чинел.

Онайи не отвечает. Проснувшись утром, она поняла, что хочет посмотреть на воссоединение семей. У нее было предчувствие, что сегодня придет караван. Она хочет увидеть момент, когда караван появится на горизонте и все эти люди у ограды станут выкрикивать имена своих родных, надеясь, что их услышат. Увидеть снова, как обнимаются разлученные. Она никогда не забудет, как увидела это впервые. Из леса появилась толпа беженцев, которые из последних сил рванулись к воротам. Все было организовано быстро и четко, биафрийские и китайские работники выстраивали их в очередь, чтобы каждый как можно скорее получил пакет с едой, одеяло и попал на осмотр к врачу. Невозможно забыть, как вдруг останавливался кто-то из работавших у ворот и ошеломленно смотрел в лицо того, с кем на годы разлучила война. Слезы радости, восторженные крики, объятия.

Прежде она не видела ничего подобного.

– Пойдем прогуляемся, – говорит, приобнимая ее, Чинел, когда караван появляется на горизонте. – У нас еще есть дела.

И они уходят от забора, крепко держась за руки.

Глава 46

Айфи подкладывает мешок под голову вместо подушки. Сминает, чтобы он поддерживал шею и прикрывал острые углы планшета и других девайсов, и все равно никак не может уснуть. Еще не совсем стемнело, но другие спят как убитые, набившись в грузовик-маглев буквально вповалку. Айфи смотрит на них и понимает, что многие из них друг другу – никто. Женщины держат на руках сирот – чужих детей. Дети постарше растянулись на платформе, задевая соседей ногами и щекоча во сне. Несколько человек жмутся друг к другу, с их лиц даже во сне не сходит потрясение – они выжили, но больше ни на что не способны.

Айфи знакомы такие лица. Они часто встречались ей с тех пор, как она покинула Нигерию. Люди бродили по лесу, не обращая внимания на то, что идут по минному полю. Когда шотгорн или другое животное наступало на мину и взрывалось, они даже не вздрагивали. Просто шли дальше. Как полумертвые.

На дороге, рядом с грузовиком, двое мальчиков играют в мяч, подбрасывают, ловят, направляют его металлическими руками и ногами, активируя магнитные заряды, чтобы мяч описал в воздухе дугу, а потом подбрасывают снова. Так они танцуют в последних лучах закатного солнца.

Агу наблюдает за ними, держа под мышкой свою сенсорную клавиатуру. Иногда он кладет ее на колени и слегка касается клавиш пальцами. В его движениях нет неуверенности. Словно он родился музыкантом и играл всегда, виртуозно владея инструментом. Поглощенный музыкой, он покачивает головой в такт. Закончив играть, тяжело вздыхает. Его плечи опускаются.

Шрамы, виднеющиеся из-под рубашки, затвердели и побледнели. Айфи вскользь думает: интересно, откуда они? Каким солдатом он был, этот ребенок? Был ли как те бандиты, от которых она спасла караван? Приходилось ли ему тащить пушку Гатлинга на этих хрупких плечах? Рыскал ли в поисках еды по кустам с мачете на боку?

Си-Фэн, появившись из фургона и пройдя к краю платформы по самодельным мосткам из скрепленных болтами кусков металла, зовет:

– Агу!

Он обрывает мелодию на середине, берет клавиатуру и идет за ней.

Айфи, щурясь, смотрит на мальчика. Хоть она и может вообразить себе его историю, он все равно остается загадкой.

Наступает вечер и приносит с собой легкий ветерок.

Когда Агу возвращается из фургона Си-Фэн, его немного трясет, по телу пробегает едва заметная дрожь. Потом успокаивается. Рядом с Айфи свободно, он садится на платформу и снова начинает играть, мелодия звучит с того места, где он прервался.

В полудреме Айфи запоздало замечает, что рядом с ней что-то изменилось.

Ее будит всплеск музыки. Раскат, быстрый и громкий, как начинающаяся гроза или битва. Она открывает глаза и приподнимается на локтях. Сквозь листья над головой с темно-синего неба смотрит луна. Айфи тихо лежит и слушает. Последняя нота долго звучит в воздухе.

Она наблюдает за Агу, прикрыв глаза. Он выглядит спокойным. Вздыхает и прислоняется к раме платформы.

– Где ты так научился? – спрашивает Айфи шепотом.

Услышав ее, он вздрагивает. Не прячет клавиатуру, а прижимает к груди, как самую драгоценную вещь в мире.

– Сестра научила меня играть. – Он замолкает и смотрит на инструмент. – Она говорила, что так я стану еще лучше – как солдат. Разработаю пальцы, лучше получится управляться со всем, что придется держать в руках. Я разбираю оружие все быстрее. И собираю тоже.

– Это к ней ты возвращаешься? К сестре?

Агу долго ничего не отвечает.

– Я останусь с караваном, потому что тут я могу защищать людей. Иногда я чувствую пожар в голове, когда вообще ничего не происходит. И будто по мне бегают муравьи. Потею, вся одежда насквозь мокрая, и я не знаю, что это. Но когда у меня в руках оружие, я спокоен. Я не знаю, почему так. Думаю, так я запрограммирован. Меня сделали для войны.

– Сделали?

Тень падает на его лицо. Губы искривляются в стыдливой усмешке.

– Так ты синт…

Он кивает.

– Я такой же, как мальчишки, которые напали на нас. Хотя они и были не в себе, я знаю, что они хотят того же, что я. Лежать в грязи и дать земле поглотить себя, когда пойдет дождь.

Синты делают только то, на что запрограммированы. Перед глазами проносятся обрывки воспоминаний. Женщина на койке лагерной клиники – тогда Айфи была еще ребенком. Женщина играет с вылепленным из глины коренастым человечком, размахивающим ручками и ножками. Женщина прижимает его к

груди. Женщина взрывает бомбу, заложенную в ее теле. Синт. Странно, но Айфи не боится Агу. Вероятно, он мог бы с легкостью убить ее, хотя она, конечно, сопротивлялась бы. Пусть ему пришлось бы поплатиться, но все равно он бы убил ее. Она знает это и все равно не боится.

– Хорошо, что ты со мной разговариваешь. Я синт. Я солдат. Я делаю ужасные вещи, но Си-Фэн говорит, что я еще и мальчик, что у меня были мама и папа и они любили меня. – Слабая улыбка озаряет его лицо. – Когда я рассказываю ей, что творится у меня в голове, она смотрит на меня мокрыми глазами, и я чувствую себя старым, потому что видел очень много войны, а она – только голограммы войны. Но она говорит, что я маленький мальчик, и я пытаюсь быть им. Это трудно. Быть маленьким мальчиком.

Айфи улыбается, но подавляет желание положить руку ему на плечо. Не потому, что он синт, а потому, что ему наверняка надо сейчас побыть одному.

Она заставляет себя встать.

– Все хорошо? – спрашивает он ее. Пистолет у него на поясе поблескивает в лунном свете.

– Да. Спасибо. – Она смотрит на фургон, из которого вышел Агу, и поправляет сумку. – Ты не знаешь, Си-Фэн сейчас спит?

Он хихикает, и для Айфи это самый странный звук, какой только можно представить. Но она снова улыбается.

– Си-Фэн никогда не спит. Она слишком занята. Помогает всем нам. – Он подбирает винтовку, которая лежала рядом, и прикладывает к плечу. Чтобы охранять покой спящих беженцев.

Айфи бросает на него последний взгляд и направляется к фургону Си-Фэн.

Глава 47

Перед Онайи и Чинел раскинулась территория кампуса, их бывшего лагеря, призрачная и молчаливая. Час езды от Энугу и еще дальше от ближайшего приемного пункта. С холма они видят полигон, арену под куполом, где абды практиковались в рукопашном бою, казарменного вида здание, где они ели, и общежитие, где спали. Или хотя бы пытались.

Там, внизу, Онайи видятся призраки. Абды выстраиваются перед столами на полигоне и целятся в пластиковые мишени, а позади мальчиков сестры, которые дают им указания. Она видит, как абды собираются в кружок, сверяют записи, склонив головы, общаются по своей системе связи. Видит себя и Чинел, и Нгози, и Обиому, и Кесанду, и Джинику – передышка, все сидят на деревянных ящиках из-под боеприпасов, которые вытащили во двор.

– Ты плачешь?

Голос Чинел заставляет Онайи вынырнуть из воспоминаний, она поспешно вытирает слезы, царапая металлической рукой металлическую оболочку около глаза.

– Все нормально.

– Если спросишь меня, то я думаю, мы вполне могли бы обойтись без дурацких распоряжений Комиссии истины и примирения. Жаль, что придется уничтожить это место.

Онайи помнит день, когда было объявлено прекращение огня.

Биафрийцы в столице уже шептались о предстоящем перемирии. Никто, кроме Чинел и высшего военного командования, не знал, когда и в какое время будет сделано официальное заявление. Но город жил новыми надеждами. Наступил вечер, на крышах и улицах установили мониторы, люди высыпали на улицы, чтобы посмотреть, как биафрийский премьер-министр, стоя рядом с представителем военного командования, обращается к нигерийскому президенту в присутствии ойнбо из Колоний. Потом премьер-министр и президент пожали друг другу руки, и генеральный секретарь Объединенного всемирного совета объявил на нескольких языках, что в Нигерийской гражданской войне официально заключено перемирие.

Город взорвался криками радости. Биафрийцы обнимались и плакали от счастья.

А Чинел и Онайи, одетые в военную форму, стояли в стороне от всего этого. Хотя на улице их окружили, обнимали, в какой-то момент даже подняли на руках, Онайи не чувствовала ничего,

словно оцепенела. И, посмотрев на Чинел, увидела то же оцепенение. Они потеряли самых близких, самых любимых друзей ради этого момента. И среди всеобщего ликования в голове Онайи непрерывно крутился вопрос: а что же дальше?

– Комиссия нас так просто не оставит, – говорит ей Чинел теперь, когда они смотрят на место, где обучали воинов – мальчиков, о которых никогда не услышат биафрийцы, но которые помогли рождению их государства. – Из-за заложников. Так это и устроено, да? Мы перепачканы в грязи, мы копаемся в земле и сеем зерна. А потом приходит правительство и говорит: «Кто здесь запачкался?» И это мы. Остальные-то только наблюдали.

– Да, только нас поведут не в душ, Чинел. А в суд. Нас повесят.

Чинел пожимает плечами:

– Может, и каких-то нигерийцев тоже повесят.

Онайи смотрит в землю и шепчет:

– Я должна сдаться добровольно. Когда этого места не будет, останемся только мы – единственные свидетели того, что здесь происходило. Последнее доказательство. Я скажу, что была командиром отряда, атаковавшего Окпай. Я ответственна за смерть заложников. Если им нужно кого-то обвинить, пусть это буду я.

Чинел шлепает Онайи по затылку:

– Глупая коза! А камеры наблюдения?! Ты не можешь просто сказать «это была я», когда по всем записям ясно, что я была капитаном этого корабля. И думаешь, я позволю тебе отвечать за мои поступки? Мы не в начальной школе!

Но я бы смогла хоть кого-то спасти, думает Онайи, вспоминая, как нашла Агу сидящим в своей комнате с клавиатурой на коленях. А потом дорога в гору. А потом она приказывает ему уйти, и эта человеческая боль у него на лице, боль, которую он хотел скрыть от нее.

– Глаза еще не устали плакать? – спрашивает Чинел с наигранной шутливостью.

Онайи даже не пытается вытирать слезы. Наконец она перестает плакать.

Чинел ждет еще несколько секунд, дает ей прийти в себя:

– Ты в порядке?

Онайи кивает.

Чинел готовится привести в действие детонатор, но останавливается. Смотрит на Онайи и передает ей устройство:

– Давай ты.

Онайи качает головой:

– Нет. Ты должна это сделать. – Она выдавливает улыбку. – Я не могу брать на себя ответственность за твои дела.

Чинел улыбается без тени иронии:

– Окей.

И нажимает кнопку.

Вдвоем они смотрят, как по кампусу волной прокатываются взрывы, как рушатся здания, как разверзается, поглощая их, земля.

Глава 48

Хотя Айфи старается ступать как можно тише, настил платформы все равно скрипит под ней. Спящие беженцы ворочаются, когда она проходит мимо. Фургон Си-Фэн очень большой, по ширине с лесную дорогу, по которой она идет. Над головой шелестят листья на легком ночном ветерке.

В фургоне нет окон, не видно, включен там свет или нет.

Айфи пытается на ощупь найти вход. Защелка, электронная панель, что-нибудь. Ее пальцы находят какие-то углубления в металле, болты, гайки, пластины, заходящие друг на друга, но ничего похожего на вход. Обескураженная, она вытаскивает из сумки планшет, включает и вводит комбинацию клавиш. Разнообразные узлы и соединения возникают перед ней – система безопасности фургона. Через секунду ее удается взломать, и вход в фургон с шипением открывается. Оттуда вырывается пар, ее обдает струей холодного воздуха. Во влажной духоте ночи это просто блаженство. Она заглядывает внутрь: пространство перед ней намного больше, чем можно предположить, глядя снаружи. Везде панели управления, с потолка свешиваются гарнитуры. Повсюду разбросаны старые планшеты и какие-то бумаги. На полу чертежи, толстые тетради, папки с документами.

У нее грязные ноги. Она изо всех сил старается не наступить на какую-нибудь бумагу, ничего не тронуть, не оставить следов своего вторжения. В центре помещения – стол, его поверхность светится голубым. Подойдя ближе, она видит, что это карта Биафры. Береговая линия, джунгли, отмеченные светло-зеленым. Красным цветом выделены тропы, даже если сверху их нельзя заметить под пышной листвой. Некоторые ведут к вырубкам, к полянам. Одни поляны помечены вопросительными знаками. У других есть номера: 2, 7, 12, 89. Интересно, что означают эти номера, думает она, и вдруг задыхается, догадавшись. Присмотревшись, она видит, что на каждой лужайке, на каждом поле – вскопанная земля. Могилы. Здесь похоронены люди. Много людей.

За Биафрой тянется красная полоса, перерезающая Нигерию как рана. Красная земля, прямо под Средним поясом, земля, которую забрала у них радиация. Там нечего отмечать. Там нет массовых захоронений, нет пометок о сражениях, об уничтоженных деревнях, о поставленных палаточных городках. Нет указаний, где дислоцировались войска обеих сторон. Ничего нет, только нетронутая краснота.

Склонившись над картой, Айфи ловит себя на том, что

смотрит только на красный цвет. Ищет место, которое, скорее всего, давно занесли песком пыльные бури. Наивно полагать, что после стольких лет удастся определить, где именно это было, но все-таки она ищет место, где разбился самолет. Самолет, в котором она летела с Дэреном и Даурамой. После того, как ее похитили – спасли – от Онайи и биафрийцев.

Вот клавишная панель. Несмотря на то что все на китайском, ее пальцы точно знают, что делать, и, нажав несколько кнопок, она уменьшает карту и глядит на нее с высоты птичьего полета. Теперь видно целиком Сахель. Регион, протянувшийся от Сенегала на западе до Эфиопии на востоке. Старые государственные границы, перекрытые территориальными блоками союзников. А вот эти точки в некоторых сельских районах – космические порты, догадывается Айфи. Отсюда запускают шаттлы в Колонии. Закрыв глаза, она не только вспоминает, но даже ощущает запах наблюдательной вышки, откуда они с Дэреном смотрели на запуск шаттла. Кажется, это было целую жизнь назад.

Она уменьшает карту еще, пока не открывается как на ладони вся Африка, потом еще и еще и видит, что красных участков стало гораздо больше. Они покрывают большую территорию Европы и почти весь континент, который когда-то был Северной Америкой. На востоке море синего сдерживает натиск красного. Большая часть Китая светится здоровым аквамариновым цветом, который охватывает и Японию, и Таиланд, и всю Юго-Восточную Азию и уходит в Индию. Раньше это для нее были просто названия. Теперь перед ней весь мир, поделенный на красное и синее. Кажется, будто это мир живых и мир мертвых: красный – с радиоактивным воздухом и твердой неподатливой землей, и синий – с воздухом, которым можно дышать, со здоровой растительностью, с водой, пригодной для питья.

В Айфи поднимается какое-то чувство, словно стебель пробивается из давно посаженного семени. Это гнев, гнев из-за несправедливости. Она вспоминает, как шаттлы увозят в космические Колонии бесценные ископаемые. Колонии, кажется, только и существуют для того, чтобы облагать их налогами. Чтобы брать, брать, брать и никогда ничего не давать.

Прежде чем удалось распробовать это новое чувство, она замечает движение позади себя и, медленно повернувшись, видит Си-Фэн, прислонившуюся к консоли у стены. Она выглядит абсолютно невозмутимой, словно девчонки вроде Айфи тут обычное дело. В Айфи закипает раздражение. Ты меня совсем не знаешь.

– Добро пожаловать в мою берлогу, – улыбается Си-Фэн. –

Прошу извинить за беспорядок. Сейчас. – Она огибает стол и, вытащив оттуда огромный пружинящий шар, подкатывает его к Айфи. – Вот, присаживайся.

Айфи смотрит на шар, пытаясь понять, как эта штука работает.

– Это чтобы сидеть, – радостно говорит Си-Фэн. – Вместо стула. Но намного лучше для моей спины.

Очень злит, когда кто-то говорит медленно, считая, что так понятнее собеседнику. Си-Фэн спохватывается, берется за запястье, и на нем загораются красные и оранжевые кнопки.

Айфи протягивает руку.

– Не надо, – говорит она. Пальцы Си-Фэн замирают в воздухе. – Я понимаю, что ты говоришь.

Айфи садится на шаткий шар. Равновесие на этой штуковине удается найти не сразу. Бесконечно медленно она кладет руки на колени.

Си-Фэн едва сдерживает смешок.

Почувствовав себя достаточно безопасно, Айфи подпрыгивает на шаре. Чуть-чуть, осторожно, чтобы не свалиться, не стукнуться головой об стол и уж совсем не опозориться.

– Ты из Китая, – говорит Айфи.

У Си-Фэн взлетают брови.

– У тебя такой хороший китайский. Где же ты..?

Айфи показывает на свой висок:

– Просто загрузила себе языковый патч, еще в детстве. Так началось мое образование. Остальному научилась уже в школе.

– А, отлично, можешь практиковаться со мной.

– Я и так хорошо говорю.

Си-Фэн откидывается на сиденье. Не то что бы ее обидела резкость Айфи – скорее удивила. Через какое-то время ее мягкая улыбка возвращается:

– Ты смотрела мою карту.

– Зачем ты отмечаешь могилы?

– Могилы?

– На карте. Я поняла, что означают цифры. – Айфи щурится. – Чем ты здесь занимаешься?

Скрытая неприязнь поднимается во весь рост. Столько людей. И ойнбо, и китайцы – все лезут на биафрийскую и нигерийскую землю. Все пытаются вмешаться в дела Нигерии и урвать что-нибудь. Да, может, и дать что-то иногда, но урвать – это обязательно. Пусть бы все уже оставили Нигерию в покое.

– Я гуманитарный работник. Оказываю помощь. У нашей организации есть санкция от китайского правительства и от Восточно-Азиатской федерации земли. А еще у нас подписано

соглашение с Объединенным всемирным советом, и…

– Я не об этом спрашивала.

Что-то меняется в лице Си-Фэн. На нем мелькают грусть, потом гнев, горечь утраты, надежда и снова грусть, и все это – за две секунды.

– Я кинорежиссер. Я работаю в ВР – в виртуальной реальности. Эффекты погружения. Я помогаю беженцам восстановиться. Но еще я собираю материал для фильма. Снимаю, что произошло здесь. И слушаю всех. Историю каждого. Всех, кто захочет поговорить. – Она опускает глаза. – В моей стране мало кого волнует, что происходит в Африке. Многие вообще не верят, что перед ними человек, когда видят чернокожего на экране или в реальной жизни. Я пытаюсь изменить это. В своих видео я создаю эффект погружения, и я увезу фильмы в свою страну. Чтобы люди смогли пережить и понять, что вы испытали. Чтобы они увидели то, что видели вы, услышали то, что слышали вы, почувствовали то, что чувствовали вы.

– И понюхать то, что нюхали мы?

– Да, и это тоже. – Си-Фэн смеется. – Я хочу пробудить в них сочувствие, эмпатию. И, возможно, они будут предоставлять больше помощи. – Она смотрит в пространство. – Послать куда-нибудь солдат для нас не проблема. Но послать мехов для восстановления ирригационных тоннелей… ох… Когда просишь о таком, каждый раз словно вырываешь зуб.

– Ты не сказала, зачем отмечаешь могилы.

– Они должны быть зарегистрированы.

– Зачем?

– Это часть исцеления. Оздоровления. – Она делает паузу. – Расследование необходимо, чтобы укрепить мир. Были совершены преступления, и преступники должны понести наказание. Это не месть. Пожалуйста, не думай, что это месть. Это… это порядок. И равновесие. Так что да, я снимаю не только для того, чтобы мой народ проникся эмпатией и на гуманитарную помощь выделяли больше денег.

– Ты собираешь доказательства.

Си-Фэн кивает. Странно, но она выглядит виноватой.

– И ты не боишься, что мы попытаемся тебя остановить?

Си-Фэн складывает руки на груди:

– У меня были помощники. Андроиды, которые… которые стали кем-то другим. – Она усмехается и смотрит куда-то вдаль. – Но они ушли. Решили образовать собственное сообщество, представляешь? Я хотела пойти с ними. Кто-то же должен это зафиксировать. Я имею в виду, что прямо на глазах

искусственный интеллект становится чем-то большим, развивается духовно… – Она замолкает. – Думаю, выполнив свою задачу, они хотели одного – чтобы их просто оставили в покое.

Настал черед Айфи изумиться. Дроиды. Как Энаймака? Айфи помнит, как видела ее последний раз: обгоревший корпус, склонившийся над Онайи, защитивший ее от взрыва смертницы. Несколько лет назад. Может, и Энаймака уцелела? Айфи позволяет себе улыбнуться при мысли о ней.

– Ты убила предводителя мальчиков, да? Тех, что напали на нас? – вдруг идет напролом Си-Фэн, к удивлению Айфи. – Я пыталась остановить Агу, но и он тоже… Вы оба дети войны. Вы созданы, чтобы нести на своих плечах…

– Войне все равно, – говорит Айфи, пораженная гневом в ее голосе. – Войне неважно, беден ты или богат, светлая у тебя кожа или темная, старый ты или молодой. Любой может умереть. Любого могут убить. – У Айфи путаются мысли. Она снова видит изолятор с биафрийскими мальчиками, и командира, который вел синтов в атаку на караван, и Онайи, и, наконец, – Дэрена. Она старается успокоиться. – Что есть, то есть.

– Я могу изучать историю вашей страны и вашего конфликта, могу просить рассказать, могу подключиться к вашему мозгу и оживлять воспоминания, но я никогда по-настоящему не узнаю, что ты пережила. Что пережил Агу. Я – не ты. А еще я не могу смотреть, как кто-то страдает напрасно…

– Что, если так и должно быть?! – кричит Айфи.

Си-Фэн встает и подходит к консоли.

Почему я так огорчена? Айфи тоже вскакивает на ноги. Шар, который она отпихнула, накреняется, едва не сбив монитор с магнитной подставки, и закатывается под стол. Айфи несколько раз глубоко вдыхает и выдыхает, успокаиваясь. Смотрит на свои руки и вспоминает, каково было в тюрьме. Когда только боль была постоянной. Когда все остальное вихрем кружилось вокруг нее, ее мир рушился и только боль всегда была с ней. Боль. Маячок света, который она зажигала в темноте. Боль, которая и сейчас ведет ее в Энугу, к концу путешествия.

– Я все потеряла. Все, что у меня осталось, – это боль! – У нее дрожит нижняя губа. Она думает о матери. Об отце. Хлюпает носом. Пытается вытереть слезы, но они ручьем бегут по щекам.

Си-Фэн делает движение, чтобы обнять Айфи, но что-то останавливает ее. Иногда достаточно просто быть рядом, дать страдающему прожить его горе.

– А эта молодая женщина, которую ты показывала на фото. Она может тебе помочь?

Айфи сопит и кивает.

– Можно спросить, кто она тебе?

Ложь легко слетает с губ Айфи.

– Да. Ее зовут Онайи. Она моя сестра.

Си-Фэн поднимает брови, словно начинает что-то понимать.

– Онайи, – шепчет она почти про себя. И громче: – Она биафрийка. А ты… твои волосы и кожа… ты нигерийка.

Айфи отбрасывает косички с лица, собирается с силами:

– Я осталась сиротой, когда Онайи нашла меня. Она отвела меня в свой лагерь. Биафрийцы очень хорошо со мной обращались. – Она вытирает остатки слез ладонями. – Если не найду ее в Энугу, уеду из города и продолжу поиски.

– Одна?

Айфи бросает такой взгляд на Си-Фэн, что другого ответа и не нужно. У нее зудит кожа. В груди теснит. Хочется одного: уйти отсюда скорее. Еще недавно она могла позволить воспоминаниям захлестнуть себя, но сейчас тонет в них. Она не может успокоиться и обрести самообладание. Покой. Она направляется к двери.

– Айфи. Подожди.

Она останавливается, но Си-Фэн молчит. Айфи говорит на игбо:

– Может, нам вообще не нужны ойнбо. Может, нам не нужны китайцы. Может, Нигерия сама решит свои проблемы.

Дверь распахивается, и влажность ночи моментально охватывает ее, словно заключает в объятия. Угнетающая жара кажется теперь спасением. Знакомая, ненавистная жара.

Глава 49

Онайи никогда не покидала страну. Поэтому когда Чинел просит ее полететь с ней в космическую миссию, Онайи сразу отказывается:

– Я не знаю космоса.

Чинел застала ее в бункере, глубоко под Энугу, где стоят украденные у нигерийцев игве, отполированные и отремонтированные, готовые для выполнения приказов, которых они никогда теперь не получат.

Чинел так умоляюще смотрела на Онайи, что трудно было не уступить. Объясняла, что миссия очень короткая. Самое большее – день работы. Дипломатическая миссия для установления отношений с Колониями и другими странами. Налаживание контактов, разрушенных войной. Пока Онайи сидела в темноте и страдала, Чинел работала при правительстве, как помощник разных министров курсировала туда-сюда, убеждая остальной мир, что Биафра – развитое самостоятельное государство.

– Ты полетишь со мной в космос или нет? – наконец вопросила Чинел, наклонив голову и подражая манере ойнбо.

Чинел рассмешила ее. И вот теперь Онайи сидит у окна, на пароме, отплывающем от шумного и оживленного Порт-Харкорта. Порт-Харкорт в самом начале войны нигерийцы разбомбили одним из первых. Потребуется немало времени, чтобы отстроить все заново, но город уже заполнен людьми. Люди торгуют всем: новыми биотехнологиями, системами фильтрации воды, VPN-устройствами, достаточно мощными, чтобы замаскировать IP-адрес под какой-нибудь другой, совсем в другой стране…

Паром входит в международную акваторию, возле берега сильно качает, но дальше океан успокаивается. Вдоль береговой линии видны дамбы, возведенные в Бенине и Того для защиты от приливов.

Паром причаливает в городе Кейп-Кост в Гане. Онайи тут же замечает, как великолепно все организовано. Главный транзитный узел переполнен спешащими людьми, но все происходит очень четко. Станция из гладкого металла, обтекаемые, округлые конструкции; с потолка свисает транспарант: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГАНУ!

Пройдя пограничный контроль и дружелюбных, но деловитых охранников, Онайи видит экраны с расписанием кораблей, поездов и автобусов – прибытие и отправление. Никто ни на кого не натыкается, ни беспорядка, ни сутолоки, к чему так привыкла Онайи дома. Все как следует. Все работает.

Их провожают на станцию, откуда отправляется высокоскоростной поезд. Чинел, видя реакцию Онайи, усмехается и беззвучно говорит ей по коммуникатору: Такой будет Биафра, когда мы все сделаем.

Онайи вздрагивает, только сейчас понимая, что разрешила Чинел доступ к своим мыслям. Они улыбаются друг другу и уверенно заходят в поезд, направляющийся в Ниамей, в Нигере, где расположена космическая станция. У Онайи голова кругом. Столько путешествий, за такое короткое время. Как только она находит устойчивые поверхности, подлокотник или даже запястье Чинел, она яростно сжимает их рукой.

Пейзаж стремительно меняется. Сначала бурное море возле берега, дальше спокойная океанская вода, потом красивые металлические залы, где каскадом из тысяч шагов разносится эхо тысяч людей, обнимающихся, прощающихся или приветствующих друг друга. И, наконец, – тишина вагона поезда, в котором они мчатся по пустынному ландшафту Сахеля. Поезд, который одевает сам себя в защитную оболочку, как только въезжает на обожженную радиацией землю. От всего этого у Онайи кружится голова.

Хотя они вдвоем в купе, Чинел все равно понижает голос и наклоняется к ней:

– Это и так быстро, но когда граница с Нигерией будет по-настоящему открыта, мы сможем ехать сразу в Ниамей. Еще быстрее.

Онайи нервно смеется:

– А в мирное время кто-нибудь вообще сидит на месте?

Чинел хихикает и хлопает Онайи по плечу:

– Мы – биафрийки. Нам нет покоя. Мы слишком заняты – должны быть самыми лучшими. Подожди еще, вот доберемся до шаттла, и ты увидишь, что такое Луна вблизи. Это ни с чем не сравнить.

Глава 50

Айфи пробуждается от свиста.

Она встает, обходит спящих на платформе и замечает Агу на крыше кабины большого грузовика. Он сидит с винтовкой на плече. Большинство беженцев крепко спит, лишь некоторые зашевелились, потревоженные шумом.

Айфи не видно, что происходит за пышными кронами деревьев, она забирается к Агу и садится рядом.

– Там приемный пункт, – говорит Агу. – Лагерь беженцев сразу за деревьями.

– Можно твою винтовку?

Секунду поколебавшись, Агу передает ей винтовку. Она откручивает оптический прицел и прикладывает к глазу. Все равно не видно ничего, кроме зелени. Она пытается настроить его под свое зрение, чтобы что-нибудь разглядеть. Ничего. Листва все загораживает. Разочарованная, она возвращает Агу прицел и винтовку, и он медленно, с наслаждением собирает ее.

Внезапно джунгли расступаются, открывая приемный пункт Энугу. Снаружи он сильно напоминает тюрьму – высокие бетонные стены, башни для снайперов наверху. Айфи может с уверенностью сказать, что стволы винтовок повернуты в их направлении. Интересно, о чем думают охранники, когда из тени на солнечный свет медленно появляется караван.

Кое-где между секциями бетонной стены сетчатые ограждения, на которых буквально висит кучка людей. Все лихорадочно всматриваются, как караван выползает из зарослей. Когда голова каравана приближается, люди за ограждением начинают голосить, отчаянно махать руками и выкрикивать имена. Из тени джунглей выбегает ребенок, несется вперед – его первого встречает пара китайских гуманитарных работников. Они подхватывают мальчика на руки и несут мимо биафрийских солдат.

Секции бетонной стены поднимаются, выходят еще солдаты и гуманитарные работники. Караван образует полукруг и встает по периметру. Некоторые беженцы не могут устоять на месте, они позабыли о недавней усталости. Какой-то человек падает на колени у опушки леса и рыдает, уткнувшись в землю. Айфи не понимает, от счастья он плачет или от горя. Дети играют и бегают, пока остальные изумленно смотрят на возвышающиеся перед ними стены, отбрасывающие гигантскую тень.

Люди по очереди быстро проходят в ворота.

Айфи с Агу все еще сидят наверху грузовика, когда он

останавливается. Из него тоже высыпают беженцы. Вскоре остаются только те, кто настолько привык к каравану, что парализован мыслью о том, чтобы покинуть его.

– Ты не пойдешь? – спрашивает Айфи Агу, отчасти для того, чтобы отсрочить собственное решение.

Агу качает головой:

– Моя сестра не хочет, чтобы я возвращался.

– Энугу – большой город. Ты можешь прожить здесь всю жизнь и не встретить ее. – Она усмехается. – Ну, или шмыгнешь в переулок, если ее увидишь. – Она вдруг понимает, что хочет, чтобы он пошел с ней. Она едва знает его, но почему-то сейчас кажется важнее всего на свете, чтобы он пошел с ней.

Я не хочу оставаться одна.

Он смотрит на нее, будто прочитал ее мысли, хмурится, и впервые на его лице отражается нерешительность.

– Забудь на секунду про сестру, – говорит Айфи. – Ты сам чего хочешь?

Агу смотрит на винтовку:

– Я не хочу быть человеком только на четверть, как мальчишки в лесу. У них была половина мозга настоящего человека. А половину от этой половины забрала война.

– Тогда пойдем со мной.

Кажется, это длится вечность, но наконец Агу опускает глаза, потом смотрит на стены приемного пункта. Большинство беженцев уже прошло внутрь. Что там, по другую сторону, – загадка. Айфи не знает. Сможет ли она там принять душ, надеть нормальную одежду без дыр или это будет что-то вроде изолятора в Насараве, где мальчики подрывали себя, а кровь на стенах называли розами?

Агу оборачивается.

Айфи следует за его взглядом: он смотрит на Си-Фэн. Она хмурится, но что-то невидимое и очень серьезное проскальзывает между ними. Они переглядываются так, словно провели вместе столько времени, что понимают друг друга без слов. В конце концов Си-Фэн кивает, и Агу улыбается.

Так же медленно, как недавно прикручивал прицел, он снимает винтовку с плеча и кладет между собой и Айфи. Отстегивает наплечную кобуру и кладет рядом с винтовкой. Складывает обоймы с патронами в сумку, пристегнутую к безрукавке. Отцепляет ножны от пояса, тоже кладет под ноги, последним вытаскивает из ботинка еще один клинок и пару секунд смотрит на все это. Закончив, он становится совсем другим – каким-то легким, действительно похожим на ребенка. Словно сбросил с себя гораздо больше, чем весит это оружие.

Агу снова поворачивается к Си-Фэн, но китаянка уже ушла. Тогда он кивает Айфи:

– Пойдем.

Они спрыгивают с нагретой кабины грузовика, мягко приземляются и идут вместе.

– Подожди! – вдруг вздрагивает Айфи и несется назад к каравану. Резко тормозит возле платформы, копается в оставленном здесь мусоре, не обращая внимания на грязь. Вонючая одежда, упаковки из-под пайков с пищевыми концентратами, использованные тампоны и прочая дрянь. Она находит, что искала.

Спрыгивает на землю и возвращается к Агу. Усмехаясь, протягивает ему клавиатуру:

– Ты чуть не забыл.

Он с улыбкой принимает ее, и его глаза наполняются слезами.

– Ну же… Пойдем, – говорит Айфи. – Пойдем, пока ворота не закрыли, ну!

Глава 51

По пути к Колониям Онайи пребывала в состоянии непрекращающегося изумления. Облако пламени вокруг корабля, когда они прорезали атмосферу, властное безмолвие космоса, Колония размером с Луну, появившаяся в иллюминаторе. Но опыт и уверенность Чинел помогли ей преодолеть потрясение и насладиться полетом. Впрочем, возбуждение и восторг прошли довольно быстро.

На каждой встрече, во время речей в конференц-залах и на торжественных обедах в ресторане Чинел находилась в тени очередного мужчины, выбранного для ведения переговоров от имени Биафры. Это пренебрежение злило Онайи все больше. Как сражаться, проливать кровь за будущее Биафры – так Чинел на передовой. Чинел отдает приказы. Чинел держит винтовку. Но теперь настало другое время – время денег – и мужчины оттесняют ее на обочину.

Так было, когда заместитель министра образования обсуждал с японским коллегой программы обмена для студентов японских и биафрийских университетов. Так было, когда министр здравоохранения встречался с руководителем ведущей японской фармацевтической компании, чтобы договориться о снижении цен на вакцины и лекарства от болезней, захлестнувших Биафру во время войны. Так было, когда биафрийский министр природных ресурсов практически даром отдал японцам концессию на добычу полезных ископаемых – за деньги, которые – Онайи точно знает – пойдут ему в карман, а вовсе не в министерство и не людям, живущим на этой земле. Наконец, во время встречи биафрийского и японского министров иностранных дел Чинел вынуждена была прервать их беседу, чтобы поднять вопрос о переселении беженцев. До ее вмешательства в огромном зале, освещенном роскошными люстрами, со стеклянными столами, ломившимися от еды, об этом даже не упоминалось. Говорили о бейсболе, о своих детях, о деньгах. Тогда биафрийский министр и соблаговолил представить Чинел. Как помощника – что-то вроде стажера на подхвате, багаж поднести или еще что-нибудь там по мелочи.

– Они разбазаривают нашу страну! – рычит Чинел в перерыве между встречами. Улучив минуту, они нашли парк Созерцания – парк под стеклом, где местные обитатели любуются звездным небом.

Теперь Онайи и Чинел тащатся за биафрийским министром финансов Соломоном Качикву и японским послом. Даже

великолепие резиденции посла не может смягчить злость Онайи. Две молодые женщины идут позади двух мужчин по мощеным дорожкам, мимо прудов с золотыми рыбками, по тропинкам, обрамленным скульптурно постриженными живыми изгородями.

– Вас не удивляет, как сильно Колония напоминает Землю? – говорит Хидеки Кикута. На нем тонкий облегающий костюм, расшитый, как понимает Онайи, иероглифами. Серебряные знаки колышутся и переливаются в искусственном освещении внутреннего дворика виллы. Хидеки Кикута, посол Японии в Биафре. Несмотря на то что китайские переселенцы и корпорации первыми обозначили свое присутствие в новом государстве, Япония – первая держава Колоний, установившая с Биафрой дипломатические отношения, первый голос из космоса, откликнувшийся на обращение биафрийского правительства.

Посол Кикута идет шагов на десять впереди Чинел и Онайи, рядом с министром финансов Качикву.

– Как сказать, – отвечает министр Качикву. – Мне это не напоминает ни об одном месте на Земле, где я был.

Японский посол поднимает бровь, глядя на биафрийца, и усмехается. Онайи видит, что Чинел закипает.

– Мы ему кажемся провинциалами из захолустья! – шипит Чинел в коммуникатор. – Как будто и не вылезали никогда из своих хижин!

Онайи соглашается, но тут же спохватывается. Ведь она сама впервые так далеко от дома. Она взрослая, а не видела ничего, кроме Биафры и мельком – Нигерии.

Вот почему весь мир свысока смотрит на африканцев. Из-за вот таких жадных тупых мужиков.

Андроиды вокруг них разравнивают песок в саду камней, окружающем резиденцию.

– Что ж, – продолжает японский посол. – Это нормальная человеческая привычка – везде брать с собой дом. Но у космоса есть преимущество. Беды, что преследовали нас дома, – землетрясения, ядерные катастрофы, изменения климата – всего этого здесь нет.

Они возвращаются к главному входу в комплекс – большим вратам тории-мёдзин. Отсюда открывается ухоженная тропинка, между камнями журчит вода.

– Мы благодарны вам за то, что вы посетили нас. – Посол протягивает руку, и министр Качикву пожимает ее:

– В один прекрасный день у Биафры здесь тоже будет представительство. И путь к вашим главным вратам займет совсем немного времени.

Подобострастный тон министра финансов заставляет Чинел

заскрипеть зубами. Они покидают резиденцию посла, но раздражение еще долго переполняет Онайи.

Втроем они прибывают на платформу транзитной станции. Здесь останавливаются поезда, четырехместные вагоны, похожие по форме на рисовое зерно. Жители Колонии могут отправиться на них куда угодно.

На платформе тихо. Кругом беспорядочно двигаются люди, но тут достаточно просторно, чтобы собеседников никто не слышал.

Министр Качикву неожиданно резко разворачивается и отвешивает Чинел пощечину.

– Тебе должно быть стыдно! – шипит он. – Как ты смеешь оскорблять меня в присутствии японского посла!

Секунда, и металлические пальцы Онайи уже сжимают горло министра. Она поднимает его так высоко, что его ноги болтаются над землей. Все остальное для Онайи исчезает. Красная пелена застилает глаза. Жар охватывает каждую вену, каждый провод ее тела, и она сжимает, и сжимает, и сжимает…

Тихий, но твердый голос Чинел прорывается к ней:

– Онайи, хватит. Люди смотрят.

Сделать больно тому, кто сделал больно Чинел, – это хорошо, это правильно и необходимо, но, услышав ее, Онайи ослабляет хватку. Министр оседает на землю, встает. Отряхивает пыль со своего западного костюма.

Онайи становится между ним и Чинел:

– Она слова не сказала ни одному из вас!

– Доступ к вашим коммуникаторам был открыт!

Онайи бросает быстрый взгляд на Чинел, но та ничего не отвечает. Как она могла так забыться? Онайи была уверена, что они в закрытой сети. Но в глазах Чинел озорной огонек… Она это специально сделала! Все твои шуточки.

Посмотри на это посмешище, беззвучно отвечает Чинел, позволяя себе чуть ухмыльнуться.

– А ты, – продолжает он, обращаясь теперь к Онайи, – ты хоть понимаешь, что все здесь на тебя смотрят как на чудовище? С этими твоими механическими глазами, руками. Они на тебя смотрят и думают: удивительно, что ты хоть не воняешь.

Онайи и так знала, что выделяется из толпы. И подозревала почему. Но знала и то, что не все враждебно настроены к ней. А главное – она может защитить себя и Чинел, если потребуется. Ей безразлично, что другие думают о ее внешности. Пусть этот человечишка беспокоится о чужом мнении.

– Ладно. – Он чуть успокаивается. – Вы тут уже слишком долго делаете из меня дурака. Обе немедленно возвращаетесь на

Землю. Вы у меня будете в Энугу до конца этого дня. В ваших услугах больше не нуждаются.

Чинел старается сохранить дерзкий вид, но ее лицо подергивается. Онайи хочется плюнуть на него, чтобы он почувствовал свое ничтожество, или дать пощечину, как он дал Чинел, но та кладет руку на ее плечо.

– Пойдем, Онайи, – говорит она, не сводя глаз с министра. – Мы нужны нашей стране.

Дипломатический паспорт Чинел обеспечивает им каюту на двоих в шаттле, отправляющемся домой.

Первое, что делает Чинел, заходя туда, – включает звукоизоляцию, нажав кнопку на контрольной панели. И после этого издает дикий вопль – даже Онайи не думала, что она может так орать. Успокоившись, опускает плечи, выпрямляется и тяжело вздыхает.

– Чуть лучше, – говорит она.

Теперь Колония так далеко, что кажется одной из звезд в чернильной темноте космоса. В этой каюте кажется, что весь шаттл в их распоряжении.

– Ты когда последний раз отдыхала? – спрашивает Онайи.

Чинел садится на кровать, поднимает глаза.

– В смысле?

Онайи садится рядом:

– Ты бегаешь без передышки с тех пор, как кончилась война. Организуешь встречи то с одним деятелем, то с другим, разрабатываешь планы и проекты. Ты же не премьер-министр, эй!

Чинел машет в сторону Колонии:

– Видишь, что происходит, когда мы оставляем все мужчинам?

Может, Чинел и не станет первым премьер-министром мирной Биафры. Может, не станет и вторым. Но Онайи хорошо представляет, как Чинел идет рядом с послами, садится с ними за стол и ведет переговоры. Как Чинел обсуждает с ними темы, такие далекие от Онайи. Она делает это уверенно, у нее масса знаний. Она прирожденный руководитель, она словно создана быть лидером нации. Она идеальна для этой роли, думает Онайи. Идеальна. Точка.

Чинел хмурится, глядя на нее:

– Чему улыбаешься?

Но у Онайи появилась идея. Она подходит к панели управления и что-то набирает в поиске. Находит, расплывается в улыбке еще шире. Вводит еще какую-то комбинацию. Вдруг ее ноги отрываются от пола.

Чинел размахивает руками и ногами, плывя по воздуху.

– Онайи, что ты делаешь? Эй, эй! Прекрати сейчас же!
И они, смеясь, плывут друг к другу в невесомости.

Глава 52

Путь от приемного пункта до Энугу проходит будто в тумане.

Айфи едва помнит, что было во временном убежище после того, как ее просканировали, выдали карточку с отпечатками пальцев, паек и новую одежду. Едва помнит те сканеры тела. Но отлично помнит душ – первый горячий душ за долгое, долгое время.

Потом объявили отправление автобусов в Энугу, и она оказалась на станции. Здесь припаркованы ровными рядами автобусы-маглевы, у их дверей – водители, рядом с ними – ящики с пакетами еды и воды, которые выдают каждому пассажиру.

Агу стоит с ней в очереди, и вот они уже в автобусе. Агу спит у окна. Интересно, думает Айфи, синты правда спят или притворяются, чтобы быть похожими на людей. Она сдерживает желание ткнуть его в бок или зажать нос, как делали девчонки в лагере, когда хотели подшутить.

Они проезжают главные городские ворота, Айфи будит его и наблюдает, как он смотрит на сияющие здания.

Автобус останавливается, беженцы и работники приемного пункта выходят, бормочут водителю слова благодарности, он с энтузиазмом отвечает и желает всем счастливого пребывания в столице Биафры.

– И что мы будем делать теперь? – спрашивает Агу.

Айфи думает. Вздрогнув, осознает, что, наверное, сейчас видит его в последний раз. Если ее миссия будет успешной, она не доживет до конца дня. Нельзя вовлекать его в это.

– Прощаться. – Она улыбается и видит его удивление. – Я прожила одна всю жизнь, – врет она ему. – Я так привыкла. Кроме того, с тобой мне будет труднее изучать новый город.

– Это безопасно для тебя?

Она поднимает бровь, обиженная вопросом.

Он улыбается и хихикает, что звучит вполне естественно. Словно ему больше не нужно прилагать усилий, чтобы быть настоящим мальчиком.

– Удачи, Айфи!

Айфи смотрит, как он исчезает в толпе, среди мерцающих драгоценностей, украшений, переливающихся одежд, в облаке музыки и голосов.

– Не забудь держаться подальше от своей сестры! – кричит она ему вслед и смеется.

Айфи хочет найти место, где ее никто не побеспокоит. В кафе нельзя, потому что официант или какой-нибудь доброжелатель

обязательно начнут расспрашивать, откуда она родом и каково быть беженкой в собственной стране. Кроме того, у нее все равно нет денег.

Она стоит в переулке между рестораном и игровым центром виртуальной реальности. Прямо над ней в воздухе висит шар-зонд. Камера наблюдения.

Неважно, если даже камера видит ее лицо. Она все равно скоро уйдет.

Она вытаскивает планшет и за считаные секунды прокладывает путь, недоступный системе безопасности, защищающей городскую сеть наблюдения Энугу. С помощью программы распознавания лиц она сравнивает фотоголограмму Онайи с лицами жителей города. Может, Онайи поменяла имя. Может, она изменилась еще сильнее с тех пор, как кончилась война. Неважно. Айфи будет делать это в каждом городе, пока не найдет ее. Но в следующую секунду на планшете появляется информация, и она понимает, что ехать никуда не понадобится. Она удивлена, до чего легко оказалось найти адрес Онайи (жилой комплекс неподалеку), ее статус (телохранитель дипломатов) и установить, что она аугмент и не замужем. В ее профиле нет ничего о лагере Боевых девчонок и о том, что она была лучшим пилотом мехов в Республике Биафра.

На секунду Айфи одолевает сомнение. Вдруг это вообще не она. Лицо ее, однако все остальное почти не сходится. Вдруг это ошибка. Но выяснить можно только одним способом.

Она добирается до многоквартирного дома, который напоминает ей главное здание университетского общежития, с внутренним двориком и прочими местами, где могли собираться студенты. Но поблизости нет университета. Может, это и есть общежитие, просто расположено вне кампуса.

Она не хочет вызвать подозрения и решает не взламывать кодовый замок на воротах, а подождать. Если кто-нибудь спросит, покажет голограмму с Онайи: «Я беженка, ищу свою сестру, Онайи», – готова сказать она.

В ворота заходит группа болтающих студентов, и Айфи успевает проскользнуть за ними. На лифте поднимается на случайно выбранный этаж и, выйдя, бродит, изучая место. Обшитые деревянными панелями коридоры, минималистичная отделка, на потолке равномерно расположены лампы-сферы. Все здесь гораздо проще, чем в корпусах, знакомых Айфи по Абудже. Там везде были голографические экраны, показывали новости, информационные сообщения правительства, эфиры из Мекки для совершения намаза. По коридорам ходили андроиды, приветствовали студентов и присматривали за ними. Высоченные

сводчатые потолки в библиотеках, казалось, достают до луны. Она невольно ловит себя на мысли, что даже без учета войны, отбросившей Биафру назад, биафрийцы все равно всегда отставали.

Она едет на другой этаж и выходит, едва сумев подавить возглас изумления, когда замечает Чинел, идущую навстречу. Айфи оглядывается, ища, где укрыться, пока Чинел не заметила ее. В голове проносятся воспоминания о лагере, о нападении, о Чинел и Онайи. Они всегда были вместе. Айфи бросается в противоположном направлении, стараясь двигаться бесшумно.

Она ждет, притаившись за углом, у самых лифтов. Прижавшись к стене, просовывает руку в сумку и сжимает пистолет, который протащила с собой. Перед тем, как они зашли в приемный пункт, она попросила Агу разобрать его, и он даже не спросил почему. Просто сделал. Он бы что-то заподозрил, если бы по прибытии в Энугу она попросила его собрать пистолет снова, поэтому в приемном центре, оставшись одна, Айфи мучилась над сборкой. Поцарапанные пальцы до сих пор болят.

Звук подъехавшего лифта, шаги, хлопает дверь. И тишина.

Айфи ждет целую минуту, прежде чем осмеливается высунуть голову из-за угла. Ничего. Никого. Воздух неподвижен. Она заставляет себя отделиться от стены и почти ползет, ни капли не беспокоясь о том, как нелепо будет выглядеть, если кто-то увидит ее. Цель близка.

Она идет туда, откуда пришла Чинел, и добирается до нужной двери. Она сама не знает, почему так уверена. У нее нет Акцента, чтобы видеть сквозь металл. Планшет отключен. У нее только собственные глаза и тело, данное от рождения. И уверенность. Это здесь. В ушах шумит кровь.

Она достает пистолет, пытаясь угомонить трясущуюся руку, делает глубокий вдох. Стучит свободной рукой.

По ту сторону двери смолкают какие-то тихие звуки, и Айфи понимает, что там кто-то разговаривал. Сердце колотится в груди. Она заставляет себя постучать еще раз. Теперь более настойчиво. Нельзя колебаться. Нельзя терять самообладание. Она целую вечность шла сюда. Этот момент вел ее к свободе, когда она сидела в тюремной камере. Вел через лесную чащу к каравану. Эта мысль заставляла ее жить, когда она потеряла все и всех, кого любила. Эта цель стала ее стимулом. Заставляла двигаться вперед.

Шаги.

Она выпрямляется, отодвигает с дороги сумку и ждет.

Глава 53

Онайи уже дома, в Энугу, но воспоминания о космосе все еще свежи.

Когда они с Чинел расстались на станции, Онайи вернулась в квартиру, которую нашла для нее Чинел.

Ей нужно привыкать к жизни в городе в качестве обычного гражданина. Столица расширяется, и для машин-маглевов пока даже нет воздушных путей. Повсюду возводятся здания – башни, новые университетские корпуса, магазины – всё в строительных лесах.

Во время войны население в городе было немногочисленным. В основном военные. На окраине легко было найти идеальное место, чтобы спрятать тренировочный лагерь для программы «Абд». В город приезжали солдаты – в увольнение или оставившие службу по причине тяжелого ранения. Тут трудно было нарваться на неприятности, но и нельзя было забыть, что идет война.

Теперь это город, где все спешат забыть о войне.

В своей комнате, где звуковая защита позволяет блокировать шум даже при открытых окнах, Онайи уютно и спокойно. Почти как с Адаиз на холме, на границе с Красной землей.

Если все пойдет хорошо, раньше или позже военное общежитие передадут какой-нибудь организации, и, когда разговоры вокруг Комиссии истины и примирения поутихнут, Онайи окончательно переведут на дипломатическую работу. Появятся деньги, и город расцветет. Откроются магазины, люди будут гулять по улицам в одежде из прекрасных тканей, на них будут украшения из красивых дорогих камней. И музыка. Везде будет музыка. Она будет доноситься из колонок маглевов, с балконов домов, ее будут слушать с мобильных устройств – повсюду.

Она еще не готова к этому – к шумной и праздной жизни, гудящей и кричащей вокруг. Но мысль о такой жизни заставляет улыбаться. Как по размеру живота человека из игбо можно судить о его богатстве, так и по шуму столицы можно судить о процветании государства.

Ведь для этого она и делала все, что делала. Ради этого прекрасного, шумного, многолюдного, бурлящего жизнью города.

Она подходит к столу, открывает ящик и включает лежащий там планшет. Вернувшись в кровать, отыскивает папку. Открывает первое видео. Агу стоит на одном колене и рисует пальцем по земле во дворе. Он полностью погружен в свое занятие и не

замечает даже направленную на него камеру. Камера приближается почти вплотную, он наконец спохватывается, вскакивает и вытягивается по стойке смирно. На видео Онайи сдерживает смех, но сейчас, пересматривая в постели, смеется.

– Что ты рисуешь? – спрашивает ее голос за кадром. – Боевые построения?

– Нет, сестра, – говорит Агу и тянет ногу, чтобы стереть рисунки.

Камера качнулась вниз, и голос за кадром говорит:

– Ну ладно, пойдем. Пора учиться нырять. Тебе же нравится нырять, да?

– Это необходимая часть тренировок.

Запись прекращается. Когда камера качнулась, Онайи успела мельком увидеть то, что осталось от рисунка. Это был ее портрет. В профиль, на песке, но сходство почти безупречное.

Она хочет открыть следующее видео, но ее палец замирает. Кто-то стучит в дверь?

Она ждет, стук повторяется. На этот раз громче.

Она прячет планшет под подушку, подходит к двери и прижимает большой палец к цифровой панели.

Дверь отъезжает, и у Онайи падает сердце. Мир расплывается. В висках пульсирует кровь. Во рту пересохло, не получается даже сглотнуть. Не получается дышать. Этого не может быть.

– Айфи? – Она вся дрожит. – Айфи, это ты?

Глава 54

При виде Онайи, которая стоит так близко, что к ней можно прикоснуться, у Айфи перехватывает дыхание, как будто из легких вышибли воздух. Она стоит, замерев, за крошечную долю секунды разглядев и искусственный правый глаз, и аугментированную руку, и новые морщинки в уголках глаз, и шрамы на живой части щек, и вьющиеся волосы, и все ее прекрасное, столько пережившее лицо.

– Ты убила мою семью, – шипит Айфи.

Она вскидывает руку с пистолетом. Все происходит одновременно. Онайи раскрывает объятия и делает шаг навстречу. Айфи нажимает на спусковой крючок. Взрыв, что-то твердое врезается в Айфи, сбивает с ног, она летит через весь холл и падает у окна. Дверь в квартиру с грохотом захлопывается, Онайи остается внутри. Пистолет исчез.

Айфи встает на четвереньки. Подняв голову, видит Агу в другом конце коридора. Он бросает на нее лишенный всякого выражения странный взгляд – Айфи не может определить, сердитый или обескураженный. Он кидается к ней.

Она уползает, забыв о пистолете, страшный рокот прокатывается по зданию. Это похоже на землетрясение.

Все замирает.

И снова гром. Он приближается и нарастает. Внезапно здание оседает набок.

Окно над Айфи разбивается вдребезги. Здание снова сотрясается. Что-то деревянное раскалывается. Крушится бетон. Трещит пол. Здание ходит ходуном, и Агу отбрасывает к стене. Он не сводит глаз с Айфи. Его взгляд прикован к ней, как самонаводящаяся ракета.

Он отталкивается от стены и, используя импульс рушащегося здания, ввинчивается в квартиру Онайи.

За спиной Айфи раздается треск камня. Стена взрывается. Айфи пытается укрыться от летящих обломков, приникает к полу – здание раскачивается. Сквозь дыру в стене виден хаос, охвативший Энугу. Земля внезапно становится ближе. Наклон увеличивается, Айфи карабкается в угол, где можно хоть как-то ухватиться за стену, но здание падает слишком быстро, и вот уже она куда-то летит, пытаясь удержаться за обломки дерева или камня, но ее все равно выталкивает в воздух.

Глава 55

В Онайи стреляли и раньше. Пули царапали ее, проходили навылет, застревали в мышцах, едва не задевали жизненно важные органы, бывало, и отскакивали от металлической руки. Но никогда еще выстрел не прожигал ее таким огнем, как эта пуля, что вошла сейчас в плечо. Ей так больно, что она не может подняться с пола, чтобы посмотреть драку за дверью. Похоже, дерутся двое. Она пытается пошевелиться, но боль парализовала ее.

Это ей, конечно, привиделось. Не может быть, чтобы Айфи стояла здесь. С пистолетом в руке. Не может быть, чтобы Айфи наставила пистолет на Онайи и, выстрелив, тут же исчезла, словно ее сбило с ног что-то настолько быстрое, что нельзя даже разглядеть. Этого не могло случиться. Айфи мертва.

Из плеча Онайи набежала целая лужа крови. Она чувствует, как в ней расцветает жар и выходит наружу из раны. Пуля пробила ее живое плечо. Ее слабое плечо.

Она пытается приподняться на другом локте, но все равно слишком больно. Это не могла быть Айфи. Не могла.

Я видела тебя в братской могиле. Я видела твое изувеченное тело.

Но дрожь сомнения пронзает ее. Откуда эта твердая уверенность, что в могиле была Айфи? Большинство лиц изуродованы до неузнаваемости. Вместо людей, полных жизни и надежд, – жертвы, куча искромсанной плоти. Все смазалось в одну ужасающую картину. Была ли там Айфи? Действительно ли она лежала на горе трупов или была погребена под ними? Ее ли видела Онайи?

Все эти годы Онайи не смела надеяться. Ни разу не разрешила себе задать эти вопросы. С мыслями об Айфи всегда приходили мысли о кровавой мести. Мысли об Айфи поддерживали ее в любом бою, позволяли забыться и полностью подчиниться инстинктам. Это и превратило ее в страшного Демона Биафры, яростного, безжалостного пилота, сеющего страх среди врагов. Ее знали в Биафре и в Нигерии как воина, от которого нельзя скрыться. И все это из-за смерти Айфи.

Пол под ней трясется, и ее отбрасывает на другой конец комнаты. Новый приступ боли.

Еще один короткий раскат, а затем, где-то вдалеке, почти неслышно, – тихий гром, ближе и ближе, словно набегающие на берег волны. Она узнает этот звук. Взрывы. Это атака.

Она с трудом поднимается на локте. Стискивает зубы от

боли. Ощупав рану, видит, что рукав промок насквозь. Левая рука онемела. Как только она собирается встать, здание накреняется, и ее отшвыривает к стене. Она рычит от боли, пробуя выпрямить ноги. Здание раскачивается, она озирается по сторонам, ищет, за что можно ухватиться. Делает шаг к двери, другой, но здание кренится уже в другую сторону, она снова падает, и ее относит к окну. Она переворачивается и пытается хоть за что-то уцепиться, но пальцы только скользят по гладкому дереву, и она вываливается в окно.

На нее обрушивается ветер, она готова сгруппироваться, чтобы смягчить падение, но что-то ловит ее за ногу и удерживает. Она висит вниз головой, покачиваясь и ударяясь о стену.

Но ей удается посмотреть вверх. Это Агу.

Теперь уже у Онайи нет времени размышлять, привидение это или галлюцинация. Она висит на большой высоте и вот-вот упадет – это реальность. И что-то до сих удерживает ее от падения и смерти – обломок металлической конструкции, за который зацепилась штанина, или рука мальчика, с которым она вместе сражалась. Прямо сейчас это не важно.

Она подтягивается и достает до его второй руки. Мышцы живота горят от усилия. Агу перегнулся через подоконник насколько возможно: вокруг – битое стекло. Он почти готов вытащить ее, но здание содрогается снова. Времени не остается.

– Сестра, – тихо и настойчиво говорит Агу, и Онайи понимает по голосу, что он хочет сказать. Разреши мне защитить тебя.

И она разрешает. Прежде чем оба выпадают из разбитого окна, он обвивается вокруг нее, словно живым щитом закрывая своим телом от удара.

Онайи знает, что не умрет. Этого не случится. Не сейчас, когда она так нужна этому городу.

Глава 56

Когда Айфи приходит в себя, все вокруг выглядит, пахнет и звучит так, будто наступил конец света.

Вопли, крики, мольбы о помощи. Дым и сера. Привкус меди во рту.

Везде разрушенные здания. Палатки с едой, торговые центры, школы. Бушует огонь. Роботы изо всех сил пытаются его затушить. Люди бегут в панике, дорожные роботы стараются регулировать их передвижение. Катаката нарушила работу воздушных путей, автобусы-маглевы и автомобили врезаются друг в друга, улицы Энугу усеяны горящими машинами.

Стиснув зубы, Айфи заставляет себя встать и только тогда замечает, что правая рука безжизненно повисла вдоль тела.

Неподалеку языки пламени лижут витрину магазина тканей. Стекла выбиты взрывом. Айфи залезает в витрину и рвет платье на манекене, пока не удается оторвать достаточно длинный лоскут. Помогая себе зубами, делает из него повязку для сломанной руки и бежит к автобусному депо.

Повсюду до странности пусто, повсюду следы разрушения. На улицах воронки – идеальной формы полукружья, вырванные из металла и бетона. В башнях зияют сферические пустоты. Кто же заложил такие бомбы?

Несколько автобусов уцелело, но само депо превратилось в гору разбитого флексигласа и покореженного металла.

На стоянке рядом выстроились разномастные летающие мотоциклы – ховербайки. Вокруг никого. Айфи забирается на один из них, ищет, куда приложить большой палец, но не находит ничего. Она тянется здоровой рукой за планшетом, но тут понимает, что сумки нет. Она понятия не имеет, где потеряла сумку и планшет – свой ключ к миру.

Паника сжимает сердце. Она оглядывается. Замечает мертвого биафрийца в разноцветной агбаде[6]. Его торс торчит из кучи щебня. Она несется к нему, тащит и тащит до тех пор, пока почти не высвобождает из-под завала, затем, догадавшись, подкатывает байк, поднимает окровавленную руку убитого и прижимает его большой палец к панели.

Секунда напряженной тишины – и ховербайк оживает. Она запрыгивает в седло и взлетает над землей.

Интересно, что случилось с Агу, думает она. По спине пробегает холодок. Он был синтом. А сколько еще синтов было в том караване? Сколько из них могли нести бомбы в животе, в груди или даже в голове? Бомбы, которые взорвали Энугу.

Которые погребли Онайи под грудами стали и камня.

Глава 57

Онайи закрывает глаза, готовясь рухнуть на землю.

Сначала они ударяются о ветки деревьев. Она слышит треск и надеется, что это не ребра Агу. Он тихо стонет, когда они падают на кабину маглева. Крыша сминается под их весом.

Проходит мгновение, и Агу разжимает объятия.

Онайи распрямляется и скатывается с кабины на землю. Боль в плече немного утихла, но все равно трудно шевелить левой рукой.

Она ждет, что Агу тоже спустится, но он не двигается.

– Агу! – Она подбирается ближе. – Агу, вставай! – Она пихает его, хватает за руку, трясет. – Эй, Агу, вставай! – Она начинает задыхаться. Забравшись на маглев, она пытается нащупать пульс на шее мальчика. – Агу? – Прислушивается к дыханию, сжимает запястье. – Агу! Агу, проснись! – Она трясет его не переставая. Она уже знает, что означает этот холод, эта безвольность рук и ног, эта тишина механизмов в его теле. Его больше нет. Но она продолжает трясти его. Не сейчас, не после всего, что они пережили. – Агу, пожалуйста!

Нет нет нет нет. Подступают слезы, она прижимается лбом к его груди и всхлипывает.

Агу.

Вопли. Резкие, пронзительные.

Она встает с колен и соскальзывает с машины. Нужно, просто необходимо что-то сделать для него. Подготовить к погребению, привести в порядок его одежду, она хочет сделать хоть что-нибудь. Крики и вой отовсюду все нарастают, становятся громче и страшнее. Но не может же она просто оставить его здесь.

Из окон разрушенного дома над ними вырывается огонь.

Она смотрит еще раз на мальчика, на его застывший взгляд, на слабую улыбку, навсегда оставшуюся на губах. Она была последней, кого он видел. Он умер счастливым.

Он умер счастливым. Так говорит себе Онайи, бросаясь в хаос.

Здания вокруг буквально стонут на непрочных опорах. Шпили церквей валятся на землю. Торговые центры оседают, обрушиваясь. Онайи напрягает слух, стараясь расслышать знакомые звуки. Она слушает и слушает, но не слышит. Стрельбы нет. Если бы это была обычная атака, то за взрывами обязательно шли бы выстрелы. Онайи смотрит вверх. Хотя дым застилает глаза, она понимает, что в голубом небе не видно следов химического загрязнения. В мешанине звуков, терзающих слух,

нет скрежета и грохота воздушных мехов, прорывающихся сквозь звуковой барьер. Нет и жуткого рычания лучевой пушки, один выстрел которой обратил бы половину Энугу в пепел.

Неподалеку лопаются балки здания, колонны рушатся на землю, поднимая облака пыли, перемешанной с кусками бетона. Онайи не позволяет себе тратить время на ненависть, на злобу к нигерийцам, не думает пока о мести. Это все потом. А сейчас она бежит к секции жилого комплекса и машет людям – многие слишком ошеломлены, чтобы понять, что происходит и где они находятся. Прохожие на улицах все в пыли, у многих кровоточат раны, которых они даже не замечают, потрясение слишком сильно, они безучастно смотрят на Онайи.

Перед ними тонны битого камня и кирпича. Онайи находит тех, кто может действовать, и отправляет к завалу.

– Начинайте копать! – распоряжается она. Поворачивается к человеку, похожему, судя по одежде, на инженера: – Идите в ангары, выводите диггеры. Объявите по радио, если получится, позовите на помощь ваших коллег. И молитесь Чукву, чтобы двери были открыты.

Онайи руководит группой, которая подступает к завалу с краев. Люди поднимают камни и отбрасывают в сторону. У многих аугментов здесь нет дополнительной силы, они так же слабы, как любой человек, но они отчаянно копают. Скоро у всех уже содрана кожа на руках, люди в пыли и известке.

Нигерийцы нарушили перемирие. Это все, о чем она может думать в потрясении.

В десяти шагах от нее бежит Нгози с группой андроидов, несущих кого-то на носилках. У Онайи падает сердце.

– Чинел! – кричит она, бросаясь за ними.

Андроиды не сбиваются с шага. Они спешат отнести Чинел в больницу. Онайи даже не знала, что способна бегать так быстро. Вот она уже поравнялась с ними, флексигласовый щит над носилками забрызган грязью, и она ничего не видит. Только засохшие капли крови.

– Мы нашли ее под центральной секцией. – Нгози говорит задыхаясь, но продолжает идти. – Она была в здании, когда все рухнуло. На одном из последних этажей. Мы почти час ее вытаскивали.

– Она дышит? – Онайи не может скрыть панику. – Она жива? Нгози, скажи мне. Она дышала?

Нгози только качает головой.

Даже когда они вбегают в распахнутые двери больницы, возле которой ждет множество раненых, Нгози молчит.

Коридор на первом этаже забит людьми. Сквозь толпу не

пробраться.

– Пропустите! – кричит Онайи. – Это командир Армии Биафры! Пропустите сейчас же!

Ей все равно, что тут есть другие тяжело раненные, что кто-то, может быть, при смерти. Онайи не помнит, когда хотела чего-то так сильно, как хочет сейчас – погрузить Чинел в заживляющий бассейн.

Возле двойных дверей врач в заляпанном кровью халате жестом преграждает им путь.

– Вы не можете войти сюда. У нас все переполнено.

Онайи оскаливает зубы и, выхватив пистолет из-за пояса Нгози, целится ему в голову:

– Ты нас пропустишь.

– Там ребенок! – умоляюще говорит врач. – Ребенок!

У Онайи дрожит рука. Плечи ее опускаются.

– Ребенок, – шепчет врач последний раз. Онайи не двигается, и он указывает на толпу людей позади нее. – Все эти люди остро нуждаются в помощи. Взрывы уничтожили наши беспроводные системы. Мы работаем на генераторах. Мы на пределе. Не знаю, как долго мы так протянем.

Онайи колеблется. Дрожит пистолет в ее руке. Она шипит сквозь зубы:

– У этой женщины есть ценные сведения о тех, кто совершил теракт. Если она умрет, информация умрет вместе с ней. Это вопрос национальной безопасности. – Ее рука твердеет. Она взводит курок. – На правах офицера Армии Биафры приказываю пропустить нас.

Вздохнув, доктор отходит в сторону.

Группа прорывается через качающиеся двойные двери и видит двух медиков, держащих безжизненное детское тело в облегающем костюме, – они готовы опустить ребенка в заживляющую ванну. Онайи наставляет на них пистолет.

– Прочь от ванны!

У врачей лезут на лоб глаза:

– Что проис…

– Посторонись! – Онайи прижимает дуло ко лбу возмущенного врача.

Секунда, и он повинуется. Онайи и Нгози стягивают с Чинел окровавленную одежду, надевают маску для дыхания, быстро погружают ее в резервуар и закрывают его. Онайи поворачивает замок.

Когда раздается сигнал, возвещающий, что машина начала работу, у Онайи будто гора спадает с плеч. Она мечтает полностью расслабиться, но знает, что нельзя. Пока нельзя.

Опускает пистолет и хочет поблагодарить доктора, которому угрожала, но понимает, что он скорее плюнет ей в лицо, чем примет благодарность.

Если остановиться, догонят мысли и заново придется проживать моменты смерти Агу, который погиб, защищая ее, после того как она защитить его не сумела. Она будет думать о предательстве Айфи, которая определенно причастна к этой бомбежке. То есть нигерийцы решили, что атаки на город недостаточно, чтобы уничтожить Демона Биафры? Чтобы убить наверняка, решили послать ту, кого она когда-то любила всем сердцем? Им, наверное, нужно было наглядное доказательство, что она мертва? Чтобы точно знать, что змее наконец отрезали голову? Она хочет уйти, но Нгози хватает ее за запястье.

– Ты куда? – В глазах Нгози мольба. Пожалуйста, не уходи.

Но Онайи высвобождает руку:

– Это нарушение перемирия. Я хочу дать им шанс объясниться.

– Одна?

– Ну им же я нужна.

У двери, в ящике шкафа, лежит с десяток упаковок энергостимуляторов и шприцы. Металлическими пальцами Онайи берет шприц, прокалывает одну упаковку, набирает в шприц жидкость и вводит в поврежденное плечо. Силы мгновенно возвращаются. Она сгибает пальцы, разминает руку, и на губах у нее появляется мрачная усмешка. Она сгребает оставшиеся упаковки и уходит. Долго так, конечно, не продержишься, и, когда эффект спадет, можно остаться калекой, но ей хотя бы хватит времени, чтобы сделать то, что она должна сделать.

Она быстро покидает клинику. Толпы раненых в коридорах и снаружи видятся ей как размытые пятна. На улице больше не слышно взрывов. Наоборот, стоит странная тишина. Жуткая тишина, нарушаемая только треском обломков, которые все еще продолжают иногда падать.

Онайи идет целеустремленно, не обращая внимания на просьбы о помощи и рыдания людей, только что потерявших своих близких. Мысленно она говорит им всем: Не волнуйтесь, я отомщу за вас. Я накажу их за все, что они сделали.

Добравшись до бункера на окраине города, она с удовлетворением обнаруживает, что лифт в подземные этажи работает.

Здесь темно, но она не замедляет шаг. Датчики движения освещают путь в помещение, где хранится то, что ей нужно. Она останавливается и несколько секунд смотрит на своего игве. Его лишили способности действовать на воде, чтобы увеличить

мобильность. Одну из пластин переделали в щит со спрятанным внутри мечом, который очень легко доставать. На спине – наплечные пушки и снаряды к ним. На поясе – выдвижное копье. Несмотря на то что металлическая обшивка руки кажется цельной, Онайи видит суставы, которые разогнутся по команде, чтобы у локтя возникли пушки Гатлинга.

Амадиоха. Такое имя она выбрала для своего игве. Древнее божество грома и молний, которое подчиняется Солнцу и олицетворяет волю Чукву. Амадиоха. До Биафры, до Нигерии – был Чукву, Высшая Сущность. Дэрен в насмешку над ними назвал свой мех – Алуси, как игбо называли духов. Амадиоха – это алуси правосудия.

Онайи нажимает кнопку у стены, заходит на спустившуюся платформу, которая поднимает ее прямо к кабине Амадиохи. Все тело покалывает, но это не прелюдия к боли. Это предвкушение: сейчас она окажется там, где ей комфортнее всего. Там, где предназначено быть.

Неизвестно, что произошло с Айфи за годы плена у нигерийцев, но вот результат. Террористка, решившая уничтожить целый город.

Они попытались убить Демона Биафры. Знакомый жар поднимается в груди Онайи, и она позволяет ему разлиться по всему телу, наполняя лицо теплом.

Она снова идет в бой.

Когда Онайи прибывает на укрепленную границу, нигерийская армия уже ждет ее.

Маленькие наземные мехи ибу, за ними – более крупные машины. Они наблюдают за полосой пыли, которую оставляет ее пробудившийся игве, и нацеливают лазерные пушки. Амадиоха зависает в воздухе на виду у всех. Линия войск тянется на мили в обоих направлениях. Онайи облизывает губы. Пальцы на переключателях скоростей и панели управления не дрожат. Она спокойна. Здесь ее место.

Амадиоха распрямляется в полный рост.

Онайи включает систему связи и настраивает так, чтобы ее голос звучал громко и ясно над обширной равниной, за которой простирается Красная земля. Теперь, когда она на защищенной от радиации территории, ржавчина на ее игве постепенно сходит. Красная, зеленая и черная краски сверкают в лучах беспощадного солнца.

– На столицу Биафры, – начинает она свою речь, – вероломно напали. Десятки людей погибли и сотни ранены. Мы еще не закончили подсчет тел. Террористическая атака совершена вопреки объявленному перемирию и нарушает соглашения в

области прав человека, которые ваше государство якобы поддерживает – так лицемерно и с такой гордостью. Эту подлость не мог совершить никто, кроме вас. И я требую выдачи вражеского агента, подготовившего и осуществившего нападение. Я требую, чтобы она предстала перед судом Биафры.

Она понятия не имеет, здесь ли Айфи или лежит раздавленная под руинами здания, которое взорвали нигерийцы. Может, она сейчас едет через Сахель, а может – мертва. Онайи все равно. Это требование – простая формальность.

– Если вы не выдадите нам агента, мы сами найдем ее. Это говорит Онайи, Демон Биафры.

Она чувствует, как по рядам пилотов пробегает рябь волнения. Может, они полагали, что Демон Биафры исчезла сама собой с наступлением мира, канула за ненадобностью. Но вот она перед ними. Ей доставляет удовольствие их страх.

– Ее? – пробивается в коммуникационную сеть Онайи чей-то голос, и на экране возникает лицо в маске.

Этот голос… она всегда узнаёт этот голос. Пилот, который уничтожил их отряд во время сражения на нефтеперерабатывающей станции. Пилот, отнявший у нее правую руку.

– Откуда ты знаешь, что это «она»?

Линия мехов расступается, и вперед выходит мех – тот, которого она не думала увидеть снова. Хотя чему удивляться? Этот момент был предопределен судьбой.

– Дэрен. – Она выдыхает его имя, словно пробуя на вкус. – Прочь с дороги, пилот.

У него в руках огромная энергетическая пушка. Направленная прямо на нее.

– Ты говоришь о девочке, которая называет себя Айфи?

– Выдайте ее.

– Айфи нам больше не подчиняется. Когда выяснилось, что она предала республику, ее изгнали. Все, что она делала с тех пор, она делала сама.

– Какая примитивная ложь. – Амадиоха хватает рукоятку меча и вынимает его из-за щита.

– Мы тоже считаем, что это чудовищное преступление совершила она. Сейчас ее пытаются выследить. Она будет привлечена к ответу. – Маска не до конца прикрывает лицо. Он улыбается.

Значит, она жива. Очень хорошо.

– Она вам не принадлежит. Не мешайте, иначе вас обвинят в укрывательстве террориста, и у меня не будет выбора, кроме как убить тебя.

– Ничего этого не нужно. Я знаю, что ты охотишься за мной. В конце концов, это я научил Айфи всему, что она знает. Можем сразиться один на один. Кто победит, тот и получит предательницу. Мне будет приятно оторвать тебе голову.

Связь обрывается.

Я собью тебя. А потом найду Айфи и заставлю ее ответить за преступление. У Онайи не осталось никого, кроме себя самой. Чинел в коме. Агу похоронен под завалами. Все, кого она когда-либо любила, умерли или умирают. Ее рука дрожит, сжимая рычаг.

Она разрывает очередную упаковку энергостимуляторов и вливает препарат прямо в фильтр, который проводами соединен с ее металлической рукой. Мех уже подключен к ее затылку. Максимальное подключение.

Амадиоха принимает боевую стойку.

Игве Дэрена поднимает пушку. Воздух между ними мерцает от накала энергии.

Он стреляет.

Глава 58

Уже наступает ночь, когда Айфи наконец выходит из леса и видит все это перед собой. Все, что когда-то было домом для нее и многих других, превратилось теперь в ржавые руины. Лагерь Боевых девчонок.

Грунтовые дорожки поросли слоновой травой. Они были утоптаны девчонками, которые ходили по ним в школу, в клинику, играть друг с другом. Айфи толкает байк до тех пор, пока уже некуда двигаться, и останавливается возле ржавого бака, в котором раньше была фильтрованная вода. Куски подземных труб, по которым поступала влага из почвы и отводилась вода в сезон дождей, торчат из земли, в других местах вылезают оборванные провода.

Байк как раз наехал на кусок трубы и застрял. Она дергает его, пытаясь высвободить, но безрезультатно. Со злости пинает и едва не взвывает от боли. Несколько метров скачет, спотыкаясь, на одной ноге, потом хромает.

От теплицы ничего не осталось, только несколько углублений в земле для грунтовых вод, да разбитое стекло хрустит под ботинками. Перед глазами проносится воспоминание. Онайи собирает манго с деревьев, а внизу Чинел трогает пальцами лепестки роз. Айфи помнит, как поглядывала на них, сидя на перевернутом ящике с планшетом на коленях, учила уроки – осваивала тему многочленов, которую проходили в тот день в школе.

Она стряхивает наваждение и хромает к центру лагеря, где раньше был Терминал. Теперь это просто груда металла, сломанное нечто с торчащими острыми краями. Сбоку металлическая лестница, которая вела наверх. Сейчас выше платформы ничего нет.

Она закрывает глаза и позволяет воспоминаниям захватить ее. Взрывы, хаос войны. Крадущиеся силуэты в черном скользят по траве и грязи, перепрыгивают через упавших полумеханических пантер и кабанов. Сбитые мехи с немыслимым грохотом падают с неба, разрушая все под собой. Растаптывая лагерь, надвигается танк-краб, орудийные башни вращаются и расстреливают все на пути.

Почувствовав, что это слишком, она открывает глаза.

Она стоит на руинах места, где выросла.

Она добирается до небольшого поля, где раньше находилась платформа, с одной стороны загражденная стенкой. Туда были проведены трубы, и это шаткое сооружение служило им ванной

комнатой. Дорога туда перед сном в темноте казалась бесконечной. Сейчас Айфи проходит это расстояние за несколько десятков шагов. Вот здесь были спальни. Теперь – только разбросанные по земле сломанные деревянные балки.

Однажды, когда все собрались, Айфи разрешили побыть со старшими. Кто-то скачал с пиратского сайта кино про вампиров, все удобно расположились вокруг маленького планшета, лица мерцали в свете экрана. Айфи видела, как они пугались, сдавленно вскрикивали, как хихикали, как тряслись от страха после фильма. И одна из младших девочек шепнула на ухо старшей, что ей нужно в уборную. Та отмахнулась. Другая сказала, чтобы шла сама – недалеко ведь. Но Айфи, не зная, откуда у нее взялась эта идея, вдруг встала и сказала: «Объявляю туалет-парад!» И повела всех желающих, велев никому не отставать, – как на торжественных парадах, которые они смотрели иногда на голограммах. И девочки глядели на Айфи с восхищением, те самые девочки, которые молчали, когда старшие дразнили ее за цвет волос, кожи, а то и за ее слова.

У Айфи сжимаются кулаки. Со злостью она вытирает ими слезы с глаз.

Еще десять шагов – и она останавливается. Трава такая высокая, что почти закрывает куски металла, согнутые кем-то в кресты и поставленные аккуратными рядами. Айфи проходит еще немного вперед, и ее нога упирается в первый холмик.

Могилы.

Кто это сделал?

Их так много. Может, какие-нибудь гуманитарные работники вроде Си-Фэн пришли сюда и похоронили мертвых. Но с того рейда минуло больше четырех лет, они вряд ли нашли бы это место. И война еще продолжалась. Может, солдаты. Неважно с какой стороны. Айфи не задерживается здесь. Идет дальше.

Она идет и идет, пока не доходит до утеса, на котором так любила сидеть с Энаймакой. Когда Онайи и Чинел сделали этого андроида, она не разговаривала, только выполняла команды. Потом ее научили говорить, но вначале это было только «да» или «нет». Если Айфи хотела сделать то, что было нельзя, Энаймака просто преграждала ей путь, а ударить или отодвинуть твердого и тяжелого дроида не получалось. Со временем Онайи вживляла в нее больше и больше своих наноботов, и голос дроида стал меняться. Теперь она отвечала Айфи, потом стала шутить и в конце концов разговаривала совсем как Онайи. Только более добрая и менее израненная версия. Какой была бы Онайи, если бы не война. Постепенно Энаймаку стали называть «она», а не «оно».

И в свои последние секунды она закрыла Онайи собой как щитом, перед этим отбросив Айфи подальше от взорвавшегося синта-смертника.

Айфи садится на траву, по лагерю проносится легкий ветерок. После жары Красной земли, после крови и пыли, покрывшей ее в Энугу, после холода одиночной камеры и пыток на допросах она не чувствовала на своей коже ничего нежнее.

Она разрешает себе закрыть глаза. Но ветер становится сильнее. Айфи слышит шум реактивных двигателей. Она сидит и слушает, ожидая неизбежного.

Глава 59

Лазерный луч гонится за Онайи.

Она выпрыгивает в воздух, корректирует курс и несется прямо над лучом, подняв меч. Бьет, задевает руку врага. Он уходит, взметая облако пыли. Лазерная пушка, пронзенная мечом Онайи, падает у ее ног. Размахивая мечом, Онайи видит лицо Дэрена: он изумлен невероятной скоростью ее действий.

Она устремляется прямо к нему. Он поднимает щит. С каждым ударом меча на щите появляется вмятина. Над равниной стоит гул.

Дэрен описывает полукруг, достает из-за спины молот и раскручивает, рисуя в воздухе огромные круги. Онайи встречает удар щитом, но он настолько силен, что ее отбрасывает над равниной. Перевернувшись в воздухе, она встает на ноги, хотя ее заносит назад. Ее меч бороздит землю, пока она полностью не останавливается.

Она летит навстречу Дэрену – тот уже наготове. Лязг оружия, меч против молота. Они сцепились, разошлись снова. Металл лязгает не переставая. Все вертится с бешеной скоростью. Онайи пытается удержаться, но Дэрен раскручивает их обоих. Поднимается над ней. Онайи замечает это слишком поздно. Дэрен швыряет ее на землю. Грязь бьет фонтаном. Сотрясается кабина. Дэрен с силой опускает молот. Онайи выжимает все возможное из двигателей, чтобы уклониться от удара.

Когда она снова встает на ноги, у нее больше нет меча. Она оглядывается и видит, что он чуть ли не в миле от нее, в направлении нигерийских мехов. Она кидается туда, дальше от Дэрена. Но как только она оказывается у цели, гибкий трос с острым наконечником отбрасывает ее меч за линию вражеских войск. Извиваясь, трос обматывается вокруг ее запястья и тащит к Дэрену.

Она снова врубает двигатели, пытаясь уйти. Зажимает трос свободной рукой – и они застревают на месте. Медленно она проигрывает, сантиметр за сантиметром. Натяжение троса ослабевает, потому что Дэрен устремляется к ней, но, когда он заносит молот, Онайи бросается в сторону и сбивает сразу нескольких бело-зеленых, перерезая их пополам, словно они из бумаги. Крики пилотов пронзают воздух. Онайи поднимает щит, чтобы отразить очередной удар молота, еще и еще. Новый замах Дэрена. Она готовится перехватить его руку, но в последний момент он прыгает вверх, используя молот как шест, и ногами отбрасывает ее. Она восстанавливает равновесие в воздухе. Он

вытаскивает из земли свой молот с шипами и снова атакует.

Что?

Она оглядывается. Молот Дэрена со всей мощью обрушивается на ее спину. Мир блекнет от боли. Ее боеприпасы взрываются от удара, взрыв за взрывом крутят и кидают ее вперед, швыряют на землю, снова выталкивают в воздух – и наносят все больше повреждений. Ее бесконтрольно вращает. На мониторах сплошные помехи – еще секунда, и отключатся совсем.

Остановив наконец кружение, она кашляет кровью на панель управления. Новый удар молота подбрасывает ее в воздух, следующий – сбивает на землю. Она беззащитна.

Мех Дэрена хватает голову ее меха и сжимает. Бьется стекло, лопаются и отваливаются детали.

Онайи обмякает на сиденье.

– Ну что, биафрийцы, – раздается шипение Дэрена в коммуникаторе. Она не видит его лица, только слышит ядовитый голос. – Вас так легко одурачить. Вами так легко манипулировать. Вы глупы. – Он медленно сдавливает ей голову. – Даже твоя драгоценная маленькая Айфи. Она и не подозревала, что мы за ней следим. – Он хихикает. – Не беспокойся, остальные не услышат мой план. Сейчас меня слышишь только ты. Пока она была в плену, мы вживили ей устройство слежения, трекер, зная, что она приведет нас к тебе. Все время, что она была у нас, мы готовили ее, возились с ней ради одной цели – расправиться с вашим мелким тупым народцем. Покончить с вами и просто умыть руки. И она привела нас прямо к тебе. Наши живые бомбы ехали с ней в караване. Так что знай: ты нигде не будешь в безопасности. Ты не сможешь убежать от нас. Мы найдем и уничтожим тебя. – Он давит сильнее. – Мы рассчитали: напасть на биафрийцев, выманить тебя, отрубить змее голову. Ты послушно шла в нашу ловушку.

Он подбрасывает молот свободной рукой и заносит его. Огромный молот с шипами загораживает солнце.

– Еще, – рычит Онайи. В ней проснулся тот дикий голод.

Дэрен молчит.

Ярость и энергия переполняют Онайи. Бьются, словно в клетке, у ее сердца. Пора открыть им двери. Больше ее ничто не сдерживает. Ничего больше не существует, кроме этой борьбы. Этой битвы. Этого момента.

– Еще!

Энергия и информация несутся по проводам, соединяющим Амадиоху с нейронной сетью Онайи. Из носа течет кровь.

– Еще!

От Амадиохи отламываются треснувшие внешние пластины,

обнажая металлические ребра грудной клетки и внутренние механизмы рук. Одна рука сгибается в локте. Стреляет пушка Гатлинга, и Дэрен теряет равновесие. Онайи встает на ноги и бросается на Дэрена – тот быстро отступает и снова направляет в нее копье-гарпун на тросе. Наконечник почти пронзает корпус ее меха, но она уходит влево. Уклоняется вправо. Враг движется быстрее и быстрее, но она не просто отражает каждый удар, а бьет сама. Он целится Амадиохе в голову, но она перехватывает его трос и ускоряется.

Дэрен изгибается, готовый снова раскрутить для замаха молот, но Онайи уворачивается, и его заматывает собственный трос, фиксируя руки по бокам. Сжимая трос обеими руками, Онайи обматывает его вокруг предплечья и натягивает туже. Молнии пронзают руки игве Дэрена. Еще туже. Он роняет молот на землю. Туже. Трещит металлическая обшивка руки. Еще.

Двигатели игве выбрасывают огонь, раскрываются сложенные на спине металлические крылья, разрывая провод. Дэрен разворачивается и выпускает ракеты. Онайи летит назад, но ракеты слишком быстры. Она отстреливается из пушки Гатлинга. Ее подхватывает взрыв. На экранах кабины все охвачено огнем. Трескается стеклянная панель. Но дым рассеивается, а она все еще на ногах.

Кровь течет из носа, и она облизывает губы.

– Еще! – Онайи бросается вперед.

Дэрен замахивается молотом. Амадиоха вонзает пальцы в землю и раскручивается, затем хватает изнутри крылья игве и тянет, отрывая их от его спины. Дэрен замахивается снова, но не успевает. Онайи парирует удар его же крылом, а другим пронзает руку меха Дэрена у локтя. Мех искрит. Онайи отбрасывает крыло, которое послужило ей щитом, ловит руку игве, держащую молот, и выдергивает ее.

– Еще, – шепчет она.

Дэрен вцепляется в нее уцелевшей рукой, но Онайи перехватывает ее и швыряет Дэрена на землю, пронзая ему плечо крылом.

Игве Дэрена, лишенный рук, извивается как червяк. Она опрокидывает его ударом ноги. С каждым вздохом ее грудь содрогается.

Кончено.

– Ты никогда не найдешь ее, и никогда тебе не будет покоя. – Дэрен уставился на нее и пытается ухмыляться окровавленным ртом. – Меня не станет, но мы будем воевать, пока тебя не уничтожим.

Онайи смотрит на него сверху вниз.

– А мне не нужен покой. – Она поднимает щит обеими руками и наносит сокрушающий удар по грудной пластине игве.

Через мгновение огонь в глазах игве Дэрена гаснет.

Над равниной висит тишина. Из воронок в земле валит дым. Онайи склоняет голову. Из носа больше не течет кровь. Она закрывает и открывает глаза – все расплывается. Мир вокруг нее скрывают помехи. Ее аугментированный глаз поврежден.

Снизу доносится непрекращающийся писк коммуникатора. Он идет от игве. Красная лампочка загорается и меркнет, загорается и меркнет. Канал связи Дэрена все еще открыт, и она видит карту на экране. Точка на карте слегка перемещается, потом замирает.

Онайи не испытывает ни удивления, ни шока – никакой реакции. Она знает, что это. Одной рукой сжимает голову игве. Металл скрежещет о металл, рвутся кабели, и наконец голова отрывается. Она держит ее в руке. Вот что приведет ее к цели.

Не оглядываясь на поверженный мех, на выстроившуюся позади армию, она взмывает в небо и летит на юг.

К тому времени как Онайи добирается до лесной поляны, наступает ночь. У Амадиохи совсем разболталась левая рука. От удара при приземлении она повисает на нескольких проводах, которые обрываются, и рука с тяжелым стуком падает.

Кабина открывается. Легкий ветерок ласкает щеки Онайи. Она закрывает глаза, но тут же пытается стряхнуть сонливость. Деревья в лесу сливаются в единую темную массу. Живой рукой Онайи выуживает упаковку энергостимуляторов. Она едва способна донести ее до рта, но делает усилие и открывает упаковку зубами. Тряхнув головой, выпивает содержимое. Жидкость течет по подбородку, горький эликсир обжигает горло, и огонь разливается по ее венам. В мозгу и перед глазами проясняется.

Она вводит на консоли последовательности клавиш, Амадиоха складывается и опускается на землю. Онайи отключается, провода отправляются обратно в разъемы на затылке, и она выходит из кабины. Ступив на землю, чуть не падает, но удерживается на ногах. Кашляет и сплевывает кровь в слоновую траву.

Без подключения металлическая рука безвольно висит вдоль тела. Неважно. Она может держать пистолет живой рукой.

Медленно, прерывистым, но решительным шагом она идет из леса к лагерю. Он разрушен еще больше, чем она помнит. Но прошло почти пять лет, а джунгли все еще не полностью завладели этим местом. Остатки построек – школы, клиники, оружейного склада, столовой и библиотеки – заплетены лианами.

Слоновая трава шелестит вокруг развалин Терминала. От Обелиска остался только обрубок.

Она проходит через весь лагерь, но воспоминаний нет. Отчасти она ожидала их, но слышит только тишину. Ни треска костров, ни искр, летящих от поврежденных механизмов, ни хлюпанья ботинок по лужам из слякоти и пепла. Даже ветер не шуршит в траве. Чьи-то следы на песке. Те, кто оставил их, давно ушли или мертвы. Их поглотила война, которая только что выбросила сюда ее. Она идет дальше и дальше.

Она знает, куда ведет ее трекер. Помнит это место в мельчайших подробностях.

И, добравшись туда, видит то, что ожидает. На краю скалы сидит девушка и смотрит на пляж.

Онайи снимает пистолет с предохранителя. Девушка на скале не двигается.

Айфи не издает ни звука, даже когда Онайи приставляет пистолет к ее затылку.

Глава 60

– Вставай!

Айфи слышит словно не сразу. Но она была готова к этому моменту. Встает и поворачивается лицом к своему палачу. Руки дрожат, она сжимает их в кулаки. Она не может быть слабой. Не сейчас, когда прошлое окончательно настигло ее. Гибель семьи, жизнь с биафрийскими Боевыми девчонками, похищение, жизнь у нигерийцев, когда она видела, как разлучают семьи и изолируют детей, называя их «комбатантами противника», тюрьма, обвинение в предательстве, попытка убить ту, что убила ее семью. Все, что происходило, вело к этому моменту. К моменту, когда она плывет по течению и не принадлежит никому и ничему. Сама по себе. Ни нигерийка, ни биафрийка. Просто Айфи.

– Повернись.

Айфи повинуется приказу.

Перед ней какое-то подобие человека. Лицо в засохшей крови. Волосы сбились в кровавый клубок. Рубашка разорвана в клочья. Правая рука Онайи безвольно висит. Тело перекошено, нога неестественно вывернута. Пистолет трясется в руке. Но она не спускает глаз с Айфи.

Они стоят молча несколько секунд. Стоят и смотрят друг на друга.

– Ты знала? – шипит Онайи сквозь зубы. Ее правый глаз то включается, то выключается.

– Знала о чем?

– Что они за тобой следят?

Так вот как все было. Айфи привела шахидов прямо в Энугу. Прямо через контрольные пункты службы безопасности. Она чувствует укол сожаления, но подавляет его. Она не хотела этих смертей. Но ничего не исправить. Она не может вернуться назад во времени. Все уже произошло.

– Нет, – отвечает она. – Я не знала. – И враждебно смотрит на Онайи. – Но ведь это неважно.

Онайи ошарашена, но через секунду берет себя в руки. И слышит:

– Месть есть месть.

– Месть? За что?

– Значит, ты даже не помнишь. – Айфи дрожит от ярости. Онайи молчит, и Айфи делает шаг, но останавливается. Несколько глубоких вдохов, и она успокаивается. – Полагаю, ты просто выполняла приказ. – Последние слова сочатся ядом.

Пистолет в руке Онайи ходит ходуном.

– Ведь ты сделала это. Ты пришла в деревню в штате Абиа. Ты убила мою семью. А потом похитила меня. Так я и появилась у вас в лагере, не правда ли?

Онайи бьет дрожь. Почти минуту она прижимает пистолет ко лбу Айфи. Но так и не спускает курок. Рука медленно опускается. Пистолет мягко падает в траву.

Слезы наполняют глаза Айфи:

– Почему ты меня тогда не убила? – У нее дрожит нижняя губа. – Почему не оставила меня с родителями?

– Айфи, я…

– С моей семьей! – пронзительно кричит Айфи. – Ты отняла у меня семью! Ты врала мне всю мою жизнь! – Она кидается на Онайи и бьет кулаком в лицо.

Онайи спокойно принимает удар. Даже не отшатывается.

Айфи смотрит и понимает, что ей не причинить физическую боль молодой женщине, которую когда-то она называла своей сестрой. Она видит, как висит металлическая рука, как подгибаются колени, видит запекшуюся кровь на теле и понимает, что никакой удар не сравнится с тем, что пережила Онайи, с теми ранами, что нанесли ей другие.

Онайи продолжает смотреть в сторону. У нее пугающе тусклый, безжизненный взгляд, она словно не здесь.

Айфи поднимает с земли пистолет и протягивает ей:

– Ну, давай же. Отправь меня к ним. Мне больше все равно некуда идти.

Онайи не двигается. Айфи хватает ее живую руку и вкладывает в нее пистолет. Поднимает руку Онайи, прижимает холодный ствол к своему лбу.

– Давай. Сделай свое последнее дело. Ведь ты только и можешь, что убивать! – выкрикивает Айфи. – Убей и меня. Грязную нигерийку. Отправь меня на небеса. Или в ад – куда там, биафрийцы думают, я должна попасть! – Она сильнее прижимает пистолет ко лбу. – Давай! Сделай это.

Онайи не реагирует.

– СДЕЛАЙ ЭТО!

Рука Онайи падает. Она поворачивается и идет прочь.

– Подожди. Что ты делаешь? Вернись! Онайи! ОНАЙИ! Вернись и сделай это!

Онайи уходит и постепенно исчезает из виду.

Очнувшись, Айфи бежит за ней в лес, спотыкаясь о корни деревьев, царапаясь о колючие лианы. Онайи стоит на краю поляны, перед ней полуразломанный, исковерканный игве. В сложенном виде он больше похож не на мех, а на груду скрепленных металлических пластин.

Айфи подбирается ближе.

Когда она уже в десяти шагах, Онайи говорит:

– С меня хватит, – и поворачивается лицом к Айфи. – С меня хватит убийств. – Она придерживает металлическую руку живой рукой. – Если тебе нужен тот, кто всадит в тебя пулю, это не ко мне. – И снова пытается уйти.

Но тут поднимается ветер. Ветви деревьев раскачиваются. Трава стелется по земле. Шум винтов прорезает тишину.

Обе попадают в свет прожекторов.

– Айфиома Диалло, немедленно сдайте оружие! – раздается гулкий голос из громкоговорителя.

Айфи щурится. На крыльях самолета – биафрийский флаг.

– Вы арестованы!

Солдаты в черном появляются из леса, винтовки направлены на нее. Они окружают ее. Онайи все это время смотрит на Айфи мертвыми глазами.

Айфи рычит от злости, все ее существо сотрясается. Но на что она злится? На то, что Онайи так и не признала свое преступление? На то, что она не смогла убить Онайи и отомстить за свою семью? На то, что не получилось умереть достойной смертью?

Какая разница? Ее злость реальна, и Онайи – ближайшая цель.

– Я никогда не прощу тебя, – шипит она.

Биафрийские солдаты бьют ее по ногам и ставят на колени. Одного удара электрошокера достаточно, чтобы она потеряла сознание.

Глава 61

Как быстро Энугу снова стал похож на гарнизон, думает Онайи.

Город до сих пор в строительных лесах. Все завалено щебнем. Повсюду пустые и разрушенные здания. Но улицы наводнены военными. Спешат солдаты с винтовками и пакетами с пайком. Старые офицеры, вроде бы уже привыкшие быть гражданскими лицами, возвращаются к службе с такой легкостью, что это поражает Онайи. Все снова стали суровыми.

На окраинах трудятся диггеры, переоборудованные для туннельных работ. Мехи с наплечными пушками и пушками Гатлинга появляются над землей – их не было видно почти год.

Люди оплакивают потери, но их горе почти не видно сейчас, оно как будто где-то в стороне. У нас будет достаточно времени поплакать, когда все закончится. Или когда мы умрем. Так думает Онайи по пути в клинику, но, конечно, она не произнесет это вслух.

Она идет через обгоревшие входные двери, по коридорам, со стен которых еще не отмыли кровь, в палату восстановления, где рядами установлены заживляющие ванны. Они похожи на гробы.

Машины гудят, регулярно, в унисон звучит пищащий сигнал. Никого нет. И хотя тут недостаточно темно, чтобы скрыть печаль, все равно это единственное место, где Онайи может дать волю своей скорби, не опасаясь, что ее увидят.

Стульев нет, и Онайи стоит. Она кладет руку на флексигласовую поверхность, через которую видно маску, закрывающую лицо Чинел.

– Мы снова на войне, – говорит Онайи. – Я думала, что буду даже рада. Ты же видела, какой неуклюжей я была в мирное время. Так и не привыкла к… – Она отрывает руку от флексигласа и смотрит на свои металлические пальцы. – Я создана для войны. Но больше не хочу. Даже в глубине души – не хочу.

Произнося это, она пытается откопать в себе ту знакомую ненависть, ту силу, что двигала ею в бою. Она хочет снова испытать ту ярость. Она необходима ей. Но ищет, ищет и не находит ничего, кроме сердечной боли.

На панели, подключенной к изголовью ванны, – жизненные показатели Чинел. И они почти нормальны. Но с мозговой активностью все почти безнадежно. Ни одна область ее мозга не светится. Она даже не спит. Она просто в ловушке. В ловушке непроглядного сна, из которого нет пробуждения.

– Может, так будет всегда. – Голос Онайи наливается

металлом. Будто он из того же сплава, что и рука. – Может, никто из нас не доживет до хороших дней Биафры. Эта война… Она… Она сжирает все.

Если Чинел слышит ее, то поймет, о чем она. Агу и Чиамер. Сестры, которые погибли, – Кесанду, Обиома, Джиника. Их абды. Лагерь, где они выстроили себе жизнь, будучи совсем девчонками. И Айфи.

Она думает об Айфи и не плачет. Не злится. Вообще ничего не чувствует.

– Она жива. – С губ Онайи срывается невыразительный смешок. – Выжила после всех этих лет. Не знаю, как ей это удалось, но она выжила. Она выжила. Она выжила, а я… Я покинула ее… – Прорываются слезы. Слова больше не идут, она задыхается. – Я оставила ее. Я думала, она умерла.

Эмоции захлестывают Онайи. Ноги не держат ее. Она хватается за поверхность флексигласа и едва не разбивает его. Вдруг рыдания переходят в смех. Горький, едкий смех.

– Я бросила ее, а она вернулась, чтобы убить меня. – Онайи снова обретает контроль над собой, словно перезагрузив операционную систему. Она всхлипывает и вытирает слезы. – Когда я нашла ее и привезла к нам на базу, ты меня ни разу не спросила, откуда она. Ни разу не спросила, зачем нам маленькая девочка, от которой никакой пользы. Для подруги она была слишком мала. Не говорила на нашем языке. Возможно, даже шпионила за нами. Нам было не до того, чтобы обучить ее, как обращаться с оружием. Не те годы. Я просто привела ее, и ты приняла это.

Ритм сигнала не меняется. Онайи знает: глупо рассчитывать, что Чинел услышит ее и ответит, но в глубине души не теряет надежды.

– Завтра она предстанет перед судом. Ее казнят сразу после суда. – Она стискивает зубы, сжимает металлические кулаки. – Я бы хотела, чтобы ты спросила меня, для чего я это тогда сделала. Зачем привела в семью чужака. Лучше бы ты спросила. Но ты промолчала. А может, ты догадывалась. Ты была умнее нас всех. Догадывалась, что, задай ты мне этот вопрос, я отвечу: «Не знаю», и это правда. – Взгляд Онайи устремлен на что-то невидимое. – Я не смогла. Не смогла убить ее. А теперь из-за этого может погибнуть наше государство. – Она смотрит на безмятежное лицо Чинел. – Прости.

Шаги Онайи эхом разносятся по тюремному коридору.

Она останавливается у последней камеры.

Айфи сидит на полу, скрестив ноги и опустив голову, руки лежат на коленях, скованные наручниками. Она не поднимает

головы, когда Онайи становится напротив нее. Постель нетронута. На ней белая тюремная одежда того же цвета, что и стены. Только пятна засохшей крови на воротнике и груди. Она не издает ни звука.

– Завтра суд, – говорит Онайи. – Ты ответишь за свои преступления. Тебя казнят. – Она сжимает кулаки. – Тебе сделают смертельную инъекцию.

Айфи не шевелится.

– Считай это нашим последним добрым жестом.

На этой фразе Айфи поднимает глаза и кривит губы в усмешке. Но молчит.

Когда ты такой стала? – хочет спросить ее Онайи. Во время заключения? Раньше? Была ли ты такой уже тогда, когда я привела тебя к Боевым девчонкам? Всегда была такой?

– Добрым жестом? – Айфи говорит это таким страшным голосом, какого Онайи никогда не слышала. – Я нигерийка. Йоруба. Ты назвала меня игбо и соврала. Ты дала мне жить как невинному ребенку, но и это была ложь. Ты дала мне надежду на будущее, в котором я, наивная маленькая девочка, еду в Америку изучать какую-то чушь. И это была ложь.

Онайи смотрит на Айфи. Ее левый глаз опух и не открывается.

– Даже сейчас ты врешь. Вы выбрали смертельную инъекцию не из доброты, а потому что вы трусы.

Между ними повисает гнетущее молчание, непробиваемое, как бетонная стена. Онайи ждет, что Айфи станет все отрицать, скажет, что не знала, что за ней следят, что понятия не имела о бомбежке, что хотела застрелить только Онайи. Онайи ждет.

Тишина. Айфи не отрицает причастность к массовому убийству. Может, она его даже хотела.

Айфи не умрет завтра, говорит себе Онайи, уходя. Айфи давно умерла.

Глава 62

Айфи дрожит всем телом, видя, что Онайи уходит.

– И это конец? – Айфи хочет, чтобы ее голос звучал так же твердо, как у Онайи. Но нет. Она слышит в нем нотки мольбы. И ненавидит себя за это.

Онайи останавливается:

– Это война. Так случается. И так случилось теперь. Ни больше ни меньше.

Но она не двигается. Не уходит, и в Айфи рождается трепет надежды. Она не может отпустить ее. Не сейчас.

– Скажи, что это была ты. – Наручники на запястьях Айфи такие тяжелые. – Скажи, что это ты убила мою семью. Мне нужно знать. – Ей почти неловко за ненависть, которую она испытывала всего несколько часов назад.

Онайи долго молчит.

– В июле. Шестого июля. Я помню, потому что это был чей-то день рождения. Кого-то из группы. – Онайи мотает головой. – Не помню имени. Но мы в тот день с утра праздновали. У нас по ночам были задания, а утром и днем мы были свободны. Снова могли побыть обычными девчонками. Мы же тогда еще не до конца все потеряли. Шестого июля праздновали день рождения. Потом, в ту же ночь, пересекли границу штата Абиа и наткнулись на неохраняемую деревню. Та девочка, у которой был день рождения, не хотела нападать на них. Она хотела сражаться только с солдатами. Не хотела убивать мирных людей. Но наш командир постоянно твердил, что на войне мирных не бывает. Все уснули, и мы совершили набег. Там не было оружия. Не было боеприпасов. Там просто была… еда. Еда, скот, миски-калебасы. Ничего важного для войны. Но мы взяли заложников. Не знали, что еще делать. Бесполезное для нас место. Но у командира появилась идея заснять все это. Чтобы толкнуть речь, которую покажут нигерийцам. И оправдать то, что мы собирались сделать. Он поставил меня и другую девочку рядом с заложниками. В отряде еще были молодые парни, мальчики, мужчины постарше. Некоторые отказывались. Некоторые, наоборот, жаждали крови. Возможно, им досталось в прошлом. Может, работы лишили, может, кто-то потерял жену. Или нигерийцы плохо с ними обращались. Они и затаили обиду. Так случалось на войне, особенно тогда, в начале. Обида – очень удобно. Всегда потом можешь сказать, что человек, которого ты убил, был твоим врагом. Или что тебя пытался убить. Даже если это не так.

Она замолкает, словно натыкается на стену, которую ни

обойти, ни перелезть. Вздыхает.

– Пока все готовились к записи, женщина с длинными серебристыми косами, в платье с красными, синими и золотыми цветами попыталась напасть на девочку, у которой был день рождения. И я застрелила ее.

– Ты убила мою маму, – шепчет Айфи, по лицу катятся слезы.

– Я была ребенком, – глухо говорит Онайи, слезы наполняют и ее глаза. – Я была ребенком. Я была маленькой девочкой с винтовкой в руках. Я сделала, что мне велели. У меня не было никого. Ни семьи…

– Поэтому ты отобрала мою!

– Я… – У Онайи срывается голос. – Я была ребенком. – Она судорожно вздыхает и вытирает лицо. – Это придало остальным храбрости. Когда они увидели, что сделала я, они поняли, что тоже могут. И наш командир сказал речь, выстроил всех заложников из деревни, и мы застрелили их.

Один-единственный вопрос гложет Айфи:

– Почему ты не убила меня?

Взгляд Онайи смягчается, и Айфи пробивает воспоминание, как она смотрела в эти глаза каждое утро, просыпаясь в своей кровати в лагере. Как часто Онайи бросала на нее этот взгляд, и Айфи думала: почему она так на нее смотрит? В нем было что-то гораздо большее, чем любовь, доброта, благодарность. Казалось, в нем было… сожаление.

– Почему ты не убила меня? – снова спрашивает она.

У Онайи дрожит нижняя губа. Она пожимает плечами.

– Я думала… Мы только что праздновали день рождения, и я впервые за долгое время видела, как девочки улыбались… и… я хотела снова это увидеть. Я подумала, может, это и твой день рождения тоже. Никто не должен умирать в свой день рождения… – Онайи обхватывает себя руками. – Прости… – бормочет она.

Она поворачивается и быстро уходит.

Позже, когда за Айфи придут охранники, чтобы вести на суд, они подумают, что ее молчание – вызов. Одни решат, что она что-то приняла, чтобы так держаться. Другие – что она молится. Но никто не узнает правды. Никто не узнает, что дала ей Онайи.

Мир в душе.

Пол в зале суда усыпан штукатуркой. Охранники ведут Айфи к застекленной кабине, установленной на виду у всех присутствующих. По дороге из тюрьмы она поняла, какой ущерб нанесли городу террористы-смертники. Хотя уже полным ходом идет строительство, по обочинам дорог – сплошные развалины, горы камня, бетона и металла.

Когда вводят Айфи, в зале начинают шептаться. Она садится, охранники сковывают ее лодыжки. На ней все тот же выданный в тюрьме белый комбинезон со следами грязи и засохшей крови.

Айфи ищет в зале лицо Онайи, даже когда судья зачитывает обвинение. Ее обвиняют по одной статье за терроризм, по 259 пунктам разных статей за преднамеренное убийство, по 500 пунктам – за причинение физического вреда и по статье за приобретение, хранение и использование взрывчатых веществ с целью совершения террористического акта.

Судья в военной форме перестает читать и поднимает глаза от экрана:

– В мирное время наказанием за эти преступления стало бы пожизненное заключение. Но перемирие еще не мирное время. К сожалению, война не закончилась. Кроме того, обвиняемая не гражданское лицо. Она – боец вражеской армии. А потому объявляю приговор – казнь посредством смертельной инъекции.

Айфи знала, что это произойдет, но все равно – дыхание перехватывает так, что она почти ничего не слышит. Она умрет.

Выдержка ей изменяет. Глаза мечутся, она надеется увидеть в зале лицо Онайи. Чтобы запомнить. Чтобы было что представить, когда она в последний раз закроет глаза. Но людей слишком много. Онайи нигде не видно.

Она ищет Онайи в толпе у здания суда, сквозь которую продираются охранники, когда ведут ее назад, из зала к фургону. Ищет, когда ее выводят из фургона у ничем не примечательного здания и ведут в подвал. Она переводит взгляд с одного охранника в маске на другого. Ее заводят в комнату, посередине – металлическая платформа в форме креста. Рядом с платформой – маленький аппарат на тонких металлических ножках. Высотой Айфи по грудь. Рядом с аппаратом стоит человек в халате, таком же белом, как стены.

Охранники в масках привязывают Айфи ремнями к панели. Человек, управляющий аппаратом, нажимает на левую руку Айфи, находит вену, вставляет иглу и заклеивает место для укола липкой лиловой лентой.

Когда панель поднимается, Айфи обнаруживает перед собой зеркальное стекло, в котором видит свое отражение. Свои растрепанные кудри, черные и красные пятна на майке, золотые искорки на фиолетовой радужке глаз. У нее красивые глаза.

Может, они специально повесили зеркало, чтобы дать преступникам поразмышлять в последнюю минуту. Так думает Айфи, когда человек в халате нажимает кнопку, которая приводит иглу в действие.

Может, зеркало должно напоминать преступникам, кто они и

во что превратило их совершенное преступление. Может, считают, что в отражении они увидят чудовище. Или – ребенка, которым когда-то были.

Тогда почему последнее, что видит Айфи, перед тем как ее окутывает тьма, – это Онайи с тем же выражением в глазах? Так смотрела она на просыпающуюся Айфи каждое утро. Еще одна галлюцинация? Вызванная не Акцентом, а только ее страхами, надеждами и мечтами.

Образ Онайи расплывается в слезах Айфи.

Этот взгляд. Словно Айфи – главное, что существует в мире. Но теперь все иначе.

Сожалениям больше нет места.

Айфи приходит в себя: ее лицо прижато к ковру.

Мир – мешанина красок. Они перетекают друг в друга, движутся туда-сюда. Сквозь туман пробивается голос. Голоса.

Она чувствует себя так, словно по ней проехался мех. С трудом переворачивается на спину и смотрит вверх.

Цвета прекращают свою пляску. Все медленно обретает формы и очертания. Наконец появляется лицо.

Лицо незнакомки. С проседью в косах и с морщинками на лбу и щеках. На лице усмешка.

– Проснулась, – говорит женщина глубоким голосом, которого Айфи никогда раньше не слышала. Женщина тихо смеется. – Это месть за то, как я плохо с тобой обращалась все годы? – обращается она к кому-то невидимому.

Доносится бормотание. Голос знакомый, но Айфи не может повернуть голову.

– В общем, ты привезла ко мне самую разыскиваемую персону в Биафре и Нигерии. Всегда от тебя одни проблемы, да, Онайи?

Айфи распахивает глаза. С силой, которую она не подозревала в себе, приподнимается на локте. Она должна увидеть. Должна. И, встав наконец на колени, видит. Ее лицо. И этот взгляд.

Онайи.

Глава 63

Видя, что Айфи уже достаточно пришла в себя, чтобы поесть, Онайи приносит с кухни тарелку каши из муки гари и миску горячего супа эгуси из овощей. Сидит и наблюдает, как Айфи сначала безразлично смотрит на это, а потом начинает жадно есть. Адаиз удивленно поднимает бровь:

– Чудо, что она не обчистила кладовые, когда жила с вами в лагере. – Потом смотрит на Айфи и удивленно восклицает: – Она всегда так ела?

– Побочный эффект от химии.

Айфи замирает, держа на весу ложку, правая рука блестит от супа и заляпана крошками гари:

– Химии?

– Я заменила препарат, который хотели тебе ввести, – говорит Онайи. – Пошла туда сразу после нашего разговора. Но до самого конца не знала, не проверят ли они все и не разрушат ли мой план. Поэтому я осталась и смотрела. Это был самый длинный час в моей жизни.

Айфи запихивает гари в рот:

– Так я не умерла?

Адаиз причмокивает:

– Ну-ну! Думаешь, мертвецы бывают такими голодными?

Онайи хихикает. Кивает на Аду:

– Айфи, это Адаиз. Она… она обучала меня. Когда я была маленькой.

У Айфи мрачнеет лицо, и Онайи понимает: Айфи думает, что она убила ее родителей именно тогда. Когда была маленькой.

– Она заботилась обо мне.

Адаиз пожимает плечами, словно это для нее ничего не значит:

– А теперь забочусь о беглой преступнице.

– Мне больше некуда было ее отвезти, – огрызается Онайи.

– Типичное гостеприимство игбо. – Ада поднимает руки, как бы защищаясь, и усмехается. На секунду кажется, что они снова молоды и полны сил, что война не исковеркала и не состарила их. – Итак, что дальше? Онайи, я знаю, не в твоем характере строить планы.

Это правда. Никакого плана нет. Онайи думала только о том, как спасти Айфи от казни. Она заменила препарат, надеясь, что Айфи впадет в бессознательное состояние от укола, но не умрет. Пронаблюдала, как отвозят тело. Прокралась в морг, упаковала ее в мешок с утеплением, чтобы отогреть. Потом украла ховербайк и

приехала сюда. Достаточно далеко от Энугу, чтобы было время прийти в себя.

– Или ты просто собиралась оставить тут мелкую, чтобы она объедала меня?

– Добраться до Ганы. Попросить политического убежища. Нужно уехать куда-то подальше отсюда.

– А ты не слышала? Перемирие нарушено, у нас снова война. Гана закрыла границу. Больше никаких беженцев.

– Ну, на восток тогда. Проберемся как-нибудь в Камерун. А там подумаем.

Адаиз качает головой:

– Из одной войны в другую. Кроме того, камерунцы сейчас не любят нигерийцев.

– Космос, – говорит Айфи.

Они поворачивают головы к ней. Онайи так озабочена спасением Айфи, что забыла, что она сидит перед ней.

– Нам нужно добраться до космической станции.

Онайи оживляется. У них есть маршрут!

– Точно. Не надо нам в Камерун. Как только окажемся в международных водах, мы в безопасности. Доберемся до ближайшего побережья на западе, оттуда на станцию в Ниамей. – У нее сжимается сердце при воспоминании о путешествии в Колонии с Чинел, но она заглушает эту боль.

– Нигер? – кричит Адаиз. – Да это полторы тысячи километров от Порт-Харкорта. По суше! И ты хочешь добраться вот так?

– Ада, а у нас есть выбор?

Ада поднимает палец, призывая ее замолчать. В комнате становится тихо. Потом они слышат звук реактивных двигателей. Мехи.

– Ложись! – Ада успевает броситься вниз, увлекая их за собой, как раз в тот момент, когда пули пробивают окно и рикошетят от стены.

– Как они нашли нас? – спрашивает Онайи, закрывая своим телом Айфи.

Суп пролился на ковер. Снова град пуль. Рев двигателей уже близко. Чтобы убить Айфи, они разнесут здесь все в щепки.

– Нужно убираться отсюда.

Ада несется в другую комнату, возвращается и бросает Онайи винтовку. Онайи ловит ее и оборачивается в то самое мгновение, когда в окне появляется солдат. Первый же выстрел отправляет его обратно. Ада стоит у соседнего окна с автоматом и стреляет короткими очередями. Она кричит:

– Сумка в другой комнате. Деньги, пистолеты, костюмы. И

топливные элементы для байка. Возьми ее.

Должно быть, Ада приготовила это для себя. Наверное, она предчувствовала, что такой день настанет. Думала, что ей придется спасаться одной.

Ада снова стреляет, потом снимает с пояса гранату. На каменистой тропинке раздаются шаги. Ада бросает гранату в окно. Кричит:

– Уходите!

Все остальное тонет в грохоте взрыва. Онайи и Айфи отлетают назад.

– Мелкая, на кухне пистолет, возьми.

Айфи исчезает по команде Ады.

Онайи бежит в другую комнату и видит готовый вещмешок. Для побега Адаиз. А теперь – для побега Онайи и Айфи.

Онайи подбирает его, хватает за руку Айфи, стоящую посреди комнаты с пистолетом в руке, в куртке с карманами, набитыми патронами, и тащит к задней двери. Она хочет попрощаться с Адой, но та ушла к другому окну. Взрыв выбивает часть стены.

Она выживет. Так говорит себе Онайи на бегу и потом, соскальзывая с задней стороны холма в тень, туда, где спрятала ховербайк. Оказавшись внизу, Онайи вытаскивает костюм и сует его Айфи.

Айфи быстро раздевается, влезает в облегающий костюм и нажимает кнопку, которая подгоняет его точно по размеру. На лицо опускается тонкая, как бумага, маска.

Опять взрыв.

Онайи поднимает голову и видит, что дом Адаиз объят пламенем.

Из-за уступа появляется солдат. Онайи видит его как раз вовремя, чтобы застрелить.

– Бери сумку и заводи.

Айфи бежит к байку и выполняет приказ, пока Онайи убивает одного солдата за другим. Их уже полно на склоне. Она стреляет, поворачивается и снова стреляет. Пока не слышит рев мотора.

Стреляет в последний раз и мчится к байку. Пули вырывают траву у нее под ногами. Она вскакивает в седло, берется за руль, и они мчатся прочь.

Онайи оборачивается. Три меха карабкаются на вершину и валятся с холма, на их исчезающие силуэты наведена пушка.

Глава 64

Ховербайк летит над равниной на полной скорости, у Айфи на коленях вещмешок.

Пули вонзаются в землю за ними. Секунда тишины – и… бух! Онайи резко виляет вправо, и в тот же миг в воздух взлетает столб красного песка. Над головой – словно раскаты грома. Взрывом их почти валит набок, но Онайи выравнивает байк, не говоря ни слова. Она выжимает из двигателей максимум, и вот они уже вне зоны досягаемости тяжелой артиллерии.

Айфи смотрит назад, глядя, как вырастают на горизонте казавшиеся маленькими фигуры. Еще больше солдат, они тоже на ховербайках. Это военные машины, оснащенные оружием. Разрезая воздух и поднимая тучи песка, они несутся через пустыню. От них не уйти.

– Веди! – кричит Онайи, выхватывает карабин и перезаряжает его. Они на ходу меняются местами. Новый взрыв осыпает их песком.

Байк прыгает с обрыва, и, когда приземляется, Айфи едва не улетает от толчка, но Онайи крепко хватает ее свободной – живой – рукой.

Прямо рядом возникает солдат. Изогнувшись, Онайи сбивает его с мотоцикла. Кровь фонтаном бьет из его груди, когда он падает на землю.

Их ховербайк лавирует между кустарниками, от которых с каждым выстрелом преследователей разлетаются ветки.

Внезапно их накрывает огромная тень. Айфи поднимает голову: прямо над ними воздушный мех. Он шипит, как тысяча змей, и выпускает ракеты. Айфи маневрирует, не переставая кричать. Онайи упирается ногами в ее сиденье, но их раскачивает так сильно, что она едва не роняет оружие. Солдаты на байках вроде бы отставали, но, как только дым от ракетного залпа немного рассеивается, видно, что они подобрались еще ближе.

Перед ними простирается темно-багровая полоса. Айфи инстинктивно сбавляет скорость. Красная земля.

– Айфи! – кричит Онайи. – Жми!

– Ты же без костюма!

Воздух Красной земли может убить Онайи. Радиация настолько сильна, что превратила животных в невообразимых чудовищ. Здесь мутирует все живое. Радиация выжигает мозг. Можно сойти с ума за мгновение.

Онайи ничего не отвечает. Или выстрелы заглушили голос.

Они огибают гребень холма. Солдат на байке выпрыгивает в

воздух над ними. Онайи прицеливается и стреляет. Взрыв заглатывает солдата целиком.

– Жми! – кричит Онайи, и Айфи повинуется. – Иначе с ними не справиться!

Айфи понимает, что Онайи права. Радиация повредит мехов и выведет из строя их связь. Даже если они так глупы, что полетят за ними, погоня будет короткой.

Три воздушных меха раскрывают наплечные пушки. Снова этот свистящий звук. Айфи припадает к рулю. Еще чуть-чуть. Ракеты двигаются быстрее, но внезапно описывают дугу и уходят вниз, взрывы разметывают солдат во все стороны. Наверное, у мехов закоротило приводные маяки.

Айфи и Онайи поднимаются в воздух. Вокруг летают обломки байков и куски тел, горящая рама проносится прямо над ними и через сотню метров падает.

Впереди простирается Красная земля. Никто не уходит отсюда таким, каким пришел. Если вообще уходит. Граница невидима, но, пересекая ее, сразу чувствуешь. Неважно, сколько на тебе защиты. Все равно сжимает грудь, кожу так резко покалывает, что слезы выступают на глазах. Айфи понимает, что ее костюм заработал с удвоенной силой, чтобы увлажнить пересыхающую кожу.

Рядом пласт обнаженной горной породы. В сумерках им не найти, где спрятаться от отравленного воздуха, но Онайи хотя бы успеет надеть защитный костюм. Половина ее металлической руки уже покрылась ржавчиной. Лицо напряжено – единственный признак того, что ей больно и она из последних сил держит себя в руках.

Айфи доезжает до тени, которую отбрасывает скальный выступ, и глушит мотор, не выключая систему ховербайка.

Онайи почти валится на землю.

Айфи нащупывает в вещмешке костюм, очень осторожно вытаскивает, чтобы не подвергать остальное содержимое воздействию радиации. Быстро снимает с Онайи одежду и натягивает на нее облегающий костюм. Онайи вздыхает, и ее лицо расслабляется. Костюм неуклюже пузырится на ее аугментациях, маска прилегает не полностью. Глядя на нее, Айфи вдруг заливается хохотом, и скоро обе они катаются по земле, держась за животы от смеха. Успокоившись, Айфи помогает Онайи подняться на ноги.

Она хочет спросить Онайи, куда дальше, когда вдруг боковым зрением замечает движение слева. Прищурившись, видит вдалеке, на берегу, силуэт. Затем два, три, четыре силуэта…

Пуля свистит около ее лица. Маска на щеке трескается. Айфи

падает. Посмотрев вверх, видит их. Бандиты. На ховербайках, они мчатся прямо сюда. На лица надвинуты бело-красные банданы.

Пригнувшись, Онайи втаскивает Айфи на мотоцикл, затем садится сама. Пули прошивают землю у их ног.

Онайи вводит комбинацию клавиш на панели управления, но она не откликается и, заискрив, гаснет. Радиация.

Новый град выстрелов.

Айфи слезает с седла. Пальцами ищет боковую панель, любую зацепку в металле. Наконец дергает за пластину, открывает и видит почерневшие топливные элементы. Вот что случилось. Радиация убила батареи. Айфи выдирает их из пазов и выбрасывает, а затем вставляет новые. Они светятся не так ярко, как должны, но достаточно, чтобы завести ховербайк. Зеленая лампочка у руля загорается в подтверждение.

Пушечный выстрел раздается совсем рядом и выбивает кусок горной породы. Вцепившись в руль, Айфи стрелой мчится по открытой равнине. Она отдается на волю инстинкта. Сейчас важно только одно: уйти от них. Онайи за спиной давит на нее всем весом – она без сознания.

Айфи удается оглянуться и посмотреть назад. Их восемь, они петляют между холмами, выпрыгивают в воздух, орут, издают боевой клич. От этих звуков мурашки по коже. Они нас убьют.

Все вокруг красное. Грязь, камни, небо. Онайи прижалась к ее спине, Айфи мчится сквозь песок, взметая облака красной пыли. Сзади в крыло ударяется пуля, и их заносит влево. Айфи поворачивает влево-вправо, влево-вправо, ни на секунду не сбавляя скорость. Байк сильно кренится по пути на холм, выровнять его не получается. Они летят по воздуху. Айфи, вцепившись в руль, одновременно обхватывает себя металлической рукой Онайи – нельзя дать ей упасть. Она не может потерять Онайи. Остается только молиться. Они выравниваются и приземляются так жестко, что клацают зубы. Онайи чуть не падает, Айфи едва успевает поймать ее за запястье.

– Давай, Онайи, – шепчет Айфи. – Давай! Очнись!

Их ховербайк мчится дальше, а костюм Онайи рвется, протащившись по земле.

Раздается новый звук. Стук копыт.

Шотгорны.

Бандиты тоже слышат это.

Стадо шотгорнов несется от песчаной бури.

У Айфи появляется идея. Она останавливает байк, открывает переднюю панель и вытаскивает провод. Дотянувшись до разъема на затылке Онайи, разрывает костюм и вставляет провод, молясь, чтобы он подошел.

Клик.

Затем с силой жмет на педаль. Электрический разряд приводит сестру в чувство. Онайи вздрагивает. Ей нужна доля секунды, чтобы оценить обстановку, и она уже хватает винтовку, припадает на колено и стреляет. Пули сбрасывают бандитов с их машин.

Онайи садится на седло сзади, отключает провод – и они снова в пути.

Айфи еще сильнее давит на педаль, пытаясь выжать максимальную скорость.

За бандитами в облаках красной пыли появляются шотгорны, превращенные радиацией в гигантов. Целое стадо.

Один зверь настигает байкера, пригибает голову и подбрасывает его в воздух. Облака пыли скрывают его и его крики.

Другой шотгорн догоняет двух байкеров и мотает головой из стороны в сторону, байки буксуют, сталкиваются и взрываются – грохот разносится по всей равнине. Баки с горючим. Их топливо не минералы. Старая технология. Бензин.

И снова странный звук. Он усиливается, десяток маленьких ракет врезается в землю рядом с ними. Онайи крепко обнимает Айфи, прижимает к раме и закрывает собой. Айфи визжит и бросает байк из стороны в сторону, чтобы не подорваться. Гремят взрывы, повсюду пламя. Айфи закрывает глаза, мчится сквозь огненный шторм и, проскочив его, поражена, что они все еще живы. Легкие забиты дымом. Глаза жжет даже через защитную маску.

Пространство впереди накрыто серым туманом. Влажность? В Красной земле? Айфи старается не задаваться лишними вопросами и набирает скорость.

Внезапно появляются шакалы-мутанты, они бегут почти вровень с байком, некоторые даже прихватывают ее за пятки. Их черные острые спины блестят как камни, невесть откуда оказавшиеся здесь, в пустыне. Если это еще можно назвать пустыней.

Ржавые каркасы мехов и воздушных кораблей, давно покрасневшие и разложившиеся от радиации, торчат из земли, как чьи-то скрюченные, хрупкие, переломанные пальцы.

Вдруг все стихает. Они в тумане.

Сквозь туман снова прорываются бандиты, их много, они похожи на привидения под потемневшим небом. Туман вокруг них вьется небольшими смерчами, которые оставляют воронки в земле.

И земля вдруг проваливается под одним из байкеров. Она

проседает, ходит ходуном, валятся камни, сбивая все больше преследователей.

Шакалы лают и завывают.

Онайи разворачивается и простреливает одному шакалу лоб, и тут же бандит – он так близко, что Айфи видит его черные глаза, – стреляет в другого зверя, который пытается стащить его с мотоцикла. Кровь цвета нефти брызжет из существа, убитого в прыжке.

Их захлестывает песок, поднимающийся стеной. Мужчины плотнее обматывают лица платками, чтобы он не забивал рот.

Песок.

Значит, они уже почти преодолели пространство Красной земли.

Впереди свет. Они мчатся прямо к нему. Коричневый песок превращается в пепел, который клубится вокруг них, вздымаясь в небо.

Оглушительный вой прорезает небо, страшнее того, что Айфи слышала, когда мучители манипулировали ее Акцентом. Вой и одновременно рев. Он обрушивается на нее, как огромная волна, барабанные перепонки едва не лопаются. Звук обрывается так же внезапно, как начался. Айфи смотрит вверх: повсюду кружатся темные тучи. Они заполонили все небо. Туча, превращаясь в воронку, устремляется к земле, и поднимается неистовый ветер – Айфи еле удерживается на мотоцикле. Смерчи надвигаются один за другим. Слева появляется дымная стена, похожая на песчаную бурю – но из тумана. В этом тумане медленно-медленно прорисовываются фигуры, обретает очертания воздушный крылатый мех – такой огромный, что загораживает солнце. Как и любой мех, он полностью из металла, но глаза горят каким-то потусторонним зеленым светом. Там пилот? Или у машины появился собственный разум? Неужели радиация создала из металла монстра?

Первый воздушный мех пикирует и отскакивает назад в воздух. За ними следуют другие.

У сестер нет оружия, чтобы тягаться с ними. Айфи просто жмет на газ все сильнее, стремясь к свету.

Бандиты уже близко, слышно, как они кричат, отдавая команды. Снова раздается скрежет, и они замолкают. Один из мехов буквально накрыл их. Туман рассеивается от выхлопов его двигателей. Торнадо несутся, разбивая и расшвыривая камни.

Айфи резко поворачивает вправо – гигантский мех едва не ударил ее.

Вдруг солнце озаряет все, и земля опять становится красной.

Айфи оглядывается и видит, как из облаков вырывается мех,

вдоль его тела смерчи, уходящие вниз. Темные вращающиеся столбы вздымают песок, закручивают машины и тела людей, которые преследовали их. Их оружие взрывается, взрывы создают встречные вихри, всё, кружась, летит вверх и наносит удары по крыльям, корпусу и голове меха. Он издает протяжный вопль, теряющийся в просторах красной пустыни, разворачивается и исчезает в темноте.

Айфи никогда раньше не слышала, как мех кричит. Этот звук преследует ее до самой границы, откуда они обе наконец видят лес – зеленый, свежий, сияющий.

– Мы сделали это, – говорит Айфи. – Мы пересекли Красную землю.

Онайи кашляет в сгиб локтя, вытирает рот. Оглядывается, тяжело дыша. Что-то клокочет у нее в груди.

– Да. Мы все сумели. – Она смотрит на Айфи, улыбается сквозь маску и хлопает ее по плечу. Они продолжают путь.

Глава 65

Для леса ховербайк оказывается слишком громоздким и неповоротливым, и Онайи подкатывает его к укромному месту на берегу реки, а там накрывает ветками и листьями. Топливные элементы они решают оставить при себе, на случай если появится другой байк. Стаскивают защитные костюмы и грязную одежду, чтобы постирать ее в реке.

Пока они смывают грязь, Онайи поглядывает на Айфи. Она все еще не верит своим глазам: перед ней взрослая женщина, которая смогла перебросить их через всю Красную землю, ушла от погони бандитов, прорвалась сквозь песчаную бурю, не испугалась монстров, от которых у Онайи кровь стыла в жилах… Но Онайи чувствует беспокойство. Она боится, что жесткость навсегда стерла то, что было в прежней Айфи, которая решала уравнения на своем планшете и определяла звездные конфигурации.

Айфи смотрит на нее снизу вверх и прячет лицо.

– Что? – застенчиво спрашивает она.

– Ничего, – отвечает Онайи. Они купаются и одеваются снова.

У Онайи на одном плече вещмешок, на другом – винтовка, в руках карабин. Она идет впереди, а Айфи с пистолетом прикрывает их с тыла. Онайи мешают помехи, гудение, искры, это дает себя знать поврежденный глаз. Она оглядывает окрестности здоровым глазом. Если они ушли достаточно далеко по побережью, то должны быть уже возле Лагоса.

У нее начинает вырисовываться план действий. Добраться до Лагоса – она надеется, что там все как раньше: вольница, никаких законов. Этот город всегда был магнитом для преступников всех мастей, наемников, головорезов, мошенников и контрабандистов. Там легко будет найти того, кто переправит их в нужное место.

Они пробираются сквозь заросли, стараясь не шуметь. Онайи останавливается. Заходящее солнце расплескало пурпур и золото над горизонтом, тронуло багрянцем облака. Луч, пробившийся сквозь листву, высветил силуэт медведя, которого они раньше приняли за валун, хотя он был очень близко. Онайи смотрит, как он спит, свернувшись в клубок, словно огромный еж, бока мерно вздымаются и опускаются.

Проникая все глубже в лес, лучи солнца освещают множество живых существ. Коз с переливающейся радужной шерстью и длиннющими рогами, закрученными в спирали, волчат, которые играют друг с другом и катаются по траве, – каждый размером с Онайи. Ящериц, скользящих по деревьям. Все позолотило солнце.

Онайи не может удержаться и, хотя перед глазами то и дело возникают помехи, опускает ружье и любуется на это зрелище. Красная земля явно повлияла на здешнюю природу.

Сбоку подходит Айфи и берет ее за руку. Они смотрят друг на друга и снова поворачиваются к лесу. Животные потихоньку уходят. Девушкам тоже пора идти дальше. В сумерках проще скрыться от биафрийских солдат, зато для бандитов они будут легкой мишенью. Онайи знает, что некоторые отлично ориентируются в темноте. Ее саму этому учили.

Вскоре до них доносятся звуки Лагоса. Гудение, крики, редкие выстрелы и вся эта катаката – перенаселенный город буквально трещит по швам. Шум долетает через лагуну, словно говоря: Добро пожаловать в Лагос! Входите на свой страх и риск.

Проталкиваясь к Третьему мосту на материк через скопище людей и такси кабу-кабу, Онайи дважды почти теряет Айфи и еле удерживается от того, чтобы не выстрелить в воздух и не разогнать толпу. Прохожие даже не прячут оружие, правда, Онайи вооружена гораздо серьезнее. У Айфи за поясом пистолет, прикрытый рубашкой.

На мосту затор. Жители города и пригородов, всевозможные джентльмены удачи, контрабандисты пытаются просочиться сквозь пробку, словно песок в банку с камнями. За пристанью тянется цепочка островов, на островах – офисные здания и особняки.

Там, где мост разветвляется, на пристани стоят молодые мужчины, увешанные, как побрякушками, устаревшими девайсами всех видов. Чинел бы здесь понравилось. У одного из них, крашеного курчавого блондина, еще украшение – ремень на голове. Парень ухмыляется, зубы сверкают. В руках пачки денег – не меньше четырех разных валют.

– Кредит? – завлекает он проходящих мимо. – Ссуда? Деньги? Если есть деньги, давай ко мне. Я тебе поменяю доллары. Прошу, если есть деньги, сделай, чтоб было больше. Ты ж не знаешь. Если что нужно, спроси меня. У меня товар из Кореи и Дубая.

Айфи усмехается нахальству парня. Его голый торс сплошь в татуировках.

Онайи подходит прямо к нему:

– Нам нужна лодка.

Парень внимательно осматривает обеих. Одежда их высохла не до конца. Карабин в руках Онайи тоже не ускользает от его взгляда.

– Эге-ге. Да никак тут банк собрались грабить. Или президентский дворец? Тогда вас двоих будет маловато, особенно с такой. – Он машет в сторону Айфи. – Слишком тощая.

Онайи подступает вплотную, загораживая Айфи:

– Лодка.

Он хмурится, и Онайи на секунду думает, не аугмент ли это. Может, он сканирует ее лицо, чтобы понять, не светит ли награда, если сдать ее полиции. Если так, то Онайи начнет стрелять раньше, чем кто-нибудь спохватится. Но с ней Айфи, есть о чем беспокоиться.

– Монеты есть? Доллары? Раз плыть за семь морей, неси семь косарей.

– Да ты даже не знаешь, куда нам надо, – говорит Айфи, подойдя ближе, чтобы никто не подслушал. – Какие у тебя цены?

Парень изумленно смотрит на Айфи. Поверить не может, что она так осмелела. Поворачивается к Онайи:

– У меня наценка на отчаянное положение. Неважно, куда вы едете. У тебя карабин, у этой пистолет из штанов вываливается, и в сумке у тебя – сто процентов – оружие. И потом, ты же не сказала «мне нужна лодка до Абиджана» или «мне нужна лодка до Сан-Томе», нет, ты просто сказала «мне нужна лодка», а это значит, тебе все равно, куда ехать, лишь бы подальше оттуда, откуда ты взялась. Значит, ты в отчаянном положении. А если так, значит, у тебя проблемы. А если у тебя проблемы, плати сверху.

Онайи стискивает зубы.

За спиной парня пристань расходится на разные причалы, около каждого – подводный аппарат с охраной.

Онайи с легкостью могла бы сбросить этого паршивца в бурлящую воду, но, выйдя за пределы пустыни, они обходились без кровопролития. И Онайи предпочитает продолжать в том же духе.

Айфи подступает к нему почти вплотную. Капли пота покрывают ее лоб и стекают по лицу.

За спиной парня в воду погружается одна подлодка за другой. Еще две, и им придется ждать прибытия следующих. А кто знает, когда это будет?

– Что ж, – шипит Онайи. – Сколько до Аккры?

– Вы в Гану? – Он удивленно качает головой. – Вот это да! Долгая поездочка. Ну, по крайней мере, раньше была. Я вас могу доставить туда хоть сейчас. Сплюнуть не успеешь. Знаете выражение такое «глазом моргнуть не успеешь»? А я говорю «сплюнуть». Знаете почему? Потому что я не такой, как все.

Тянет время.

Айфи кладет руку на плечо Онайи. Она почувствовала то же самое.

Онайи трясет головой, чтобы косички упали на лицо, скрыли

взгляд, пока она быстро изучает людей вокруг, пытаясь разгадать их намерения.

Айфи сжимает ей плечо.

Онайи оборачивается как раз в тот момент, когда четыре аугмента штурмуют мост. Охотники за головами! Один вытягивает массивную металлическую руку. Она раскрывается у запястья, высвобождая гранатомет.

Парень-контрабандист дико машет руками и отпрыгивает в сторону, когда граната летит к ним, описывая в воздухе дугу. Онайи вырывает из моста кусок бетона и кидает в гранату. Взрыв расшвыривает всех, такси валятся прямо в лагуну. Айфи лежит на боку и медленно моргает, ее пистолет в стороне.

На пристани осталась последняя подлодка.

Пули бьются о металлические корпуса машин и бетон. Раздаются вопли, вооруженные люди беспорядочно стреляют в дыму.

Шатаясь, Айфи поднимается и подгребает к себе пистолет.

Онайи подхватывает ее, и они продираются сквозь выстрелы и дым. Последняя лодка уходит под воду. Они бросаются к краю причала. Охранник поворачивается и поднимает винтовку. Но нажать на спусковой крючок не успевает – три пули в грудь, и он переваливается через ограждение. Рука Айфи с пистолетом бессильно падает.

– Надо прыгать, – говорит Онайи. – Давай вместе.

Айфи кивает.

Подлодка продолжает опускаться. Темная вода пузырится. Позади продолжается стрельба.

Онайи толкает Айфи вперед, готовясь прыгнуть. В прыжке ее настигает пуля – пробита икра ноги. Но какая бы ни была боль – Онайи не может отпустить Айфи.

Она ударяется животом о верхнюю часть корпуса лодки и слышит, как ломаются ребра. Но держит Айфи из последних сил. Теряя сознание от боли, встает на колено, подтаскивает к себе Айфи и, прижимая ее живой рукой, другой колотит в люк.

– Впустите нас! – кричит она и снова колотит по металлу. Снова и снова, так сильно, что в корпусе лодки уже вмятина. Уровень воды поднимается, рядом свистят пули. – Впустите нас!

Они тонут.

Онайи пальцами находит паз в клапане и тянет люк. В руке что-то лопается и отлетает, но она продолжает тянуть. Рвутся и искрят на месте разрыва провода. Из глаз льются слезы. Айфи безжизненно висит у нее на другой руке. Она должна открыть. Колено, на котором она стоит, уже в воде. Она старается удерживать Айфи выше. Боль от усилий возрастает вдвое.

– Впустите нас! Пожалуйста!

Вода доходит до пояса и продолжает подниматься. Уже по грудь. Она из последних сил держит голову Айфи над волнами. Айфи выскальзывает, и вода накрывает ее. Онайи теряет силы. Тянет и тянет, но люк не поддается. Она полностью погружается в воду. Поворачивает голову и видит Айфи, уходящую все глубже и глубже в черную бездну.

Онайи рывками плывет к ней. Надвигаются странные тени. Она продолжает бороться.

Нет. Не сейчас, не после всего, что они пережили. Не сейчас, когда они так близки к свободе. Онайи не сдастся. Еще не время.

Но она чувствует, как горят ее легкие, как горят ноги, руки, голова, и видит где-то рядом мягкий свет. Онайи слышала, что такой свет видят перед смертью. Она хочет уплыть от него, хочет найти Айфи, но свет все ближе и ближе. Надвигается, пока не окутывает ее всю.

Онайи подхватывает течение, как будто тащит за ноги, и утаскивает все дальше, и вот уже Айфи совсем не видно, ее поглотило темное пространство.

Она приходит в себя, и ее тошнит водой. Вода разливается по металлическому полу. Она жива. Стоп. Она жива. Но, попытавшись встать, тут же падает обратно и ударяется головой о металлическую решетку.

– Айфи, – еле слышно бормочет она, не в силах даже выговорить вслух ее имя. – Айфи…

Шаги по металлу. Быстрые. Она слышит голоса. Говорят на пиджине.

Она помнит Лагос.

Тот парень.

Подлодка.

А потом только вода вокруг. Но где же она?

Незнакомый голос. Женщина. У нее ужасный пиджин, говорит хуже, чем ребенок. Но от ее голоса тело Онайи расслабляется.

Она снова пытается сесть, и на этот раз получается. К счастью, рядом стена, к которой можно прислониться.

Женщина опускается на колени перед Онайи, закутывает ее в одеяло и открывает небольшую сумку, в которой лежат шприцы и ампулы. И еще что-то похожее на топливный элемент. Она копается в сумке, набирает шприц. Голова опущена, и лицо кажется черным в беспорядочном вихре красок. Укол. В тело Онайи вливается энергия. Зрение возвращается полностью.

Но боль еще тут, рядом. Настолько сильная боль, что, кажется, сломает ее совсем. Через секунду и она утихает. Грудь

тяжело вздымается, Онайи едва сдерживает слезы:

– Кто…

– Ш-ш-ш-ш! – говорит женщина, упаковывая инструменты. Смотрит куда-то в сторону.

Онайи следит за ее взглядом. Сердце чуть не выпрыгивает из груди. Она хочет подчиниться инстинкту и вскочить, но тело не слушается. И остается сидеть, парализованная, а Айфи несется к ней, обнимает и рыдает в ее и без того мокрую майку.

Онайи пытается пошевелить губами. Не для того, чтобы задавать вопросы, которые роятся у нее в голове, а чтобы Айфи перестала плакать. Чтобы успокоить.

Айфи отрывается от нее, вытирает лицо и смеется сквозь слезы.

– Онайи, – говорит она. – Это Си-Фэн. Гуманитарный работник. Она сопровождала караваны. И она работает с… с детьми, которые пережили войну. Си-Фэн, это – Онайи. Моя сестра. Я рассказывала тебе, что ищу ее. – В глазах Айфи светится надежда. – Си-Фэн собирается отправить нас в космос.

Глава 66

Си-Фэн перевязывает раненую ногу Онайи и объясняет:

– Из Габона летают несколько шаттлов. В основном из Либревиля. Но из Франсвиля тоже. На них даже обычные люди могут улететь, добраться до Колоний и попросить политического убежища. Либревиль – прямо на побережье.

Айфи уже достаточно успокоилась и наконец заметила, что здесь есть и другие люди. Мужчины, одни голые по пояс, на других – жилеты с обоймами патронов. Кто-то из них бормочет себе под нос, другие громко отпускают шуточки. От многих разит алкоголем. Но все двигаются по лодке так уверенно, что ясно: большую часть жизни проводят в море. Похоже, они знают свое дело. Но после лагосского парня-контрабандиста Айфи вообще никому не доверяет. Никому, кроме Си-Фэн. И Онайи.

– Мне понадобится удостоверение личности? – спрашивает Онайи. Видя в глазах Си-Фэн вопрос, поясняет: – Нас с Айфи разыскивают в Нигерии. Мы будем проблемой для любой страны, кто бы ни приютил нас. Им нельзя знать, кто мы. И нельзя, чтобы увидели наши лица.

Айфи вскакивает:

– В Лагосе были охотники за головами. Они поняли, кто мы. Мы в бегах… – У нее падает сердце.

– Это твой трекер, – говорит Онайи. У Айфи кровь отливает от лица. – Нигерийцы вживили тебе трекер, перед тем как выпустить. – Онайи сильно закашливается, выдыхает и откидывает голову назад. – Вот так я и нашла тебя в лагере. Биафрийцы тоже могут отслеживать твой сигнал. Вот так они и нашли нас у Адаиз.

У Айфи расширяются глаза. Наконец она все понимает:

– Мы должны… мы должны удалить его.

Си-Фэн поднимает ладони, словно прося обеих помолчать:

– Но подождите. Ни биафрийцы, ни нигерийцы не станут пересекать государственные границы, чтобы поймать вас. Это может привести к войне и с другими странами. Они не посмеют отправить мехов в чужое воздушное пространство.

Онайи мрачно смотрит на Си-Фэн:

– Это не значит, что они не сообщат о нас иностранным правительствам. Те и будут преследовать нас. Поймают и выдадут. Отправят обратно.

– На этом континенте нет места, где мы будем в безопасности. – Решительность делает лицо Айфи жестче. – Но прежде всего нужно избавиться от моего трекера. – Она срывает с

себя рубашку и стискивает зубы. – Необходимо вытащить его. Иначе они точно узнают, где мы.

– У меня нет нужных инструментов, – бормочет Си-Фэн.

– Просто покажи мне, где это. Я достану, – говорит Онайи.

Си-Фэн потрясенно смотрит на Онайи и Айфи. Онайи видит, что Си-Фэн понимает: у них идет безмолвный контакт. Целый мир информации, диалог через взгляды. Видит, что они приходят к жесткому решению.

– Окей. Давайте подготовим помещение, – вздыхает она.

Они идут в спальную каюту, и Си-Фэн застилает пол пластиковой пленкой. Онайи закалывает волосы на затылке. У Си-Фэн есть ампулы с медикаментами и антисептиками, она обрабатывает ножи, скальпели и руки Онайи. Потом берет датчик сигналов, по форме и размеру похожий на кирпич, и водит им над телом Айфи, пока он не начинает пищать у ее груди.

У Айфи учащается дыхание. Прямо под левой грудью. Вот где трекер.

Си-Фэн отключает датчик:

– Ну, хотя бы не в сердце.

Вот так одолжение, думает Айфи, лежа на спине. Она поворачивает голову к Си-Фэн:

– А есть что-нибудь обезболивающее?

– Ты чуть не утонула. Твой мозг и тело еще не восстановились. Если я тебе дам что-нибудь, у тебя может остановиться сердце. Извини.

Айфи долго смотрит на Си-Фэн перед тем, как повернуться к Онайи. Их взгляды встречаются. У Айфи колотится сердце, она с силой дышит через нос. Онайи жестом показывает на свой ремень. Си-Фэн догадывается, что она хочет, расстегивает и снимает его. Складывает и дает Айфи, чтобы та зажала его зубами.

Еще раз обрабатывает антисептиком руки Онайи и передает ей скальпель.

Первый разрез, вдоль ребра, прямо под грудью, кажется терпимым, но затем скальпель углубляется и касается чего-то такого, что боль пронизывает мозг молниями. Ремень в зубах приглушает крик, но все же рука Онайи со скальпелем останавливается. Скальпель движется горизонтально. Теплая жидкость стекает по боку Айфи, и, хотя боль блокирует все рациональные мысли, она понимает, что это кровь.

Потом что-то давит на рану, раскрывая плоть. Айфи едва не прокусывает ремень. Глаза широко распахнуты. Она ничего не видит. От боли все вокруг стало белым. Она выгибает спину дугой, кричит и кричит, сжимая в зубах ремень.

Наконец рука Онайи выскальзывает из раны, и Айфи оседает на пол. Крики превращаются в стон. По лицу бегут водопады слез. Она смотрит в сторону, пока руки над ней стерилизуют рану и запечатывают ее герметиком «МеТро».

Когда повязки наложены, Айфи начинает дышать медленнее, и мир расплывается в дымке.

Дымка окутывает ее, когда ее заворачивают во что-то шероховатое, чтобы было тепло. В дымке ее поднимают над водой через люк лодки, выносят на открытый воздух под солнце. Вокруг нее плывут голоса, ее переправляют куда-то, устраивают на платформу грузовика и накрывает еще одним одеялом.

Время исчезает.

Вдруг перед ней появляется лицо Онайи. Сестра стоит на одном колене и держится за ремешок, свисающий с потолка грузовика.

– Мы почти на месте, – шепчет Онайи.

Айфи едва улавливает, что она сказала, но вроде это. Мы почти на месте. Она моргает в растерянности.

– Почему на тебе военная форма? – хочет она спросить, но только невнятно шевелит губами. Онайи улыбается в ответ.

– Отдохни, малышка. Я люблю тебя. – Онайи нежно дует Айфи на лоб, как делала раньше, когда солнце светило слишком ярко и жара в лагере становилась невыносимой.

И вот уже чуть-чуть легче.

Я тоже тебя люблю, пытается сказать Айфи, но слова сливаются в один невнятный звук. Она засыпает.

Глава 67

Вырубить на блокпосте пограничника и забрать его форму не составило особого труда. Си-Фэн в это время пересекла границу с Габоном на грузовике. Просто показала свое удостоверение сотрудника агентства гуманитарной помощи «Синьхуа» и сказала, что возвращается из охваченного войной Камеруна, – и ее пропустили. Потом, подальше от границы, Онайи запрыгнула в грузовик. Она срезала косички и побрила голову перед тем, как покинуть подлодку, чтобы ничто не помешало их плану. Конечно, так ее лицо открыто, но, с другой стороны, чем больше сходство с мужчиной, тем меньше шансов, что кто-то обратит на нее внимание. Си-Фэн побрызгала металл на ее лице спреем – восстановителем кожи, и, посмотрев на себя в зеркало, Онайи ахнула от изумления. Потрогала глаз. Он слегка светился желтым, но ни лицо, не рука уже не выдавали в ней аугмента.

– Косметика, – объяснила Си-Фэн. – Аэрозольный крем для кожи из Китая. Его иногда используют от ожогов. А некоторые – как автозагар.

– Они хотят быть темнее?

Си-Фэн застенчиво посмотрела на Онайи и покраснела:

– Мы считаем вас очень привлекательными, – словно отрапортовала она командиру.

Путешествие до Либревиля было недолгим. Перед ними раскинулся широкий и длинный приморский бульвар, множество скверов с мраморными скульптурами. Подальше от берега – открытый рынок Мон-Буэ. Вдалеке – президентский дворец. Все здесь выглядело богато. И беззаботно.

Ехать вглубь страны, во Франсвиль, поездом по Транс-Габонской магистрали слишком рискованно, поэтому Си-Фэн и Онайи выбрали дорогу, идущую параллельно железной.

Ночь почти наступила, когда вдали появились огни Франсвиля. Там вдали, за рекой, на горизонте, – космическая станция. Небольшой узловой космопорт, который начал расширяться – в соседних странах идет столько войн. Государство, где царит стабильность, притягивает деньги, и окружающий хаос оборачивается для него выгодой.

На мосту к грузовику неторопливо подходят два охранника и делают вид, что что-то проверяют. Онайи свесила ноги с края платформы, старается выглядеть как можно спокойнее и помалкивать. Увидев ее, они начинают болтать. Один спрашивает о чем-то, другой поднимает бровь и смотрит на Онайи, ожидая ответа.

Стоит только открыть рот, и они по акценту поймут, что она не из Габона. И все кончено.

Она фыркает и отворачивается – вроде как ей нечего сказать. Один из солдат от этого просто покатывается со смеху. Пока он смеется, второй машет рукой, чтобы они проезжали. Онайи пытается сдержать шумный вздох облегчения.

Они припарковываются на стоянке, недалеко от большого склада. Возле станции полно воздушных мехов, охраняющих шаттл. Пассажиры выстроились в очередь на эскалатор, ведущий ко входу в шаттл.

Си-Фэн выходит из грузовика и присоединяется к Онайи. Вместе они отвязывают полог, стягивают пластиковое покрытие и поднимают сверток, в котором в узком цилиндрическом контейнере лежит Айфи. Внутри насос для подачи кислорода, резервуар и маска. Онайи через отверстие надевает ее на лицо Айфи и вводит команду, обеспечивающую дыхание. Еще раз смотрит, стараясь запомнить ее лицо, кроткое и безмятежное во сне, и закрывает крышку.

Айфи так упакована, что ее не должны обнаружить никакие сканеры. Трекер остался на дне лагуны Лагоса, так что ее не найдут ни биафрийцы, ни нигерийцы.

Онайи и Си-Фэн водружают тяжелый цилиндр на плечи и несут в шаттл. Женщина в летной форме лениво листает что-то на планшете.

– Багажное отделение? – спрашивает Си-Фэн.

– Вы летите этим рейсом? – уточняет женщина по-французски. – Ваши имена в списках?

– Нет, не на этом, но…

– Тогда я не могу взять ваш груз.

– Это гуманитарный груз! В нем отчаянно нуждаются там, куда летит шаттл. Пожалуйста. У них нет времени ждать. Я работаю в агентстве гуманитарной помощи «Синьхуа». – Она неуклюже шарит по карманам одной рукой. – Я доктор Лю Си-Фэн. Я…

– Нам тяжело, – рявкает Онайи, наилучшим образом имитируя габонский французский. – Возьми у нас багаж! Зачем ты тратишь наше время? У тебя ведь есть место? – Онайи давно знает: когда на тебе военная форма, выражай недовольство погромче и понастойчивее, и люди сделают все что нужно.

Срабатывает. Женщина откладывает планшет, цокает и указывает на транспортерную ленту, которая отправляет чемоданы и контейнеры самой разной формы в багажное отделение шаттла. Когда они наконец укладывают цилиндр, лента истошно пищит под его тяжестью и замирает. Онайи

яростно смотрит на нее. Лента движется снова.

Вдвоем они наблюдают, как шаттл поглощает цилиндр. Багажное отделение закрывается.

Сделано.

Раздается сигнал, все отсеки задраиваются, и шаттл превращается в единый гладкий корабль, который сейчас помчится к звездам, унося с собой всех, кто на борту.

Онайи вздрагивает, когда кто-то дергает ее за рукав. Си-Фэн. Вокруг них снуют работники станции, расчищают стартовую площадку. Онайи и Си-Фэн спешат обратно, к своему грузовику. Онайи заходится в приступе кашля. Ей трудно не отставать. Даже когда земля под ними начинает дрожать и отпадают металлические опоры, удерживающие корпус шаттла, Онайи продолжает оглядываться. Начинается взлет, из-под шаттла вырываются клубы дыма. Онайи сгибается пополам от кашля, но все равно смотрит туда. Персонал станции механически управляет процессом. Для них это рутина.

Но Онайи не может отвести взгляд.

– Почему ты не полетела с ней? – тихо спрашивает Си-Фэн, когда они подходят к грузовику.

Онайи долго молчит и смотрит, как шаттл становится все меньше и меньше, пока не покидает атмосферу Земли, оставляя внизу все войны, которые здесь идут.

– Меньше чем через две недели я умру. – Онайи щурится на звезды. – Мы проехали через всю Красную землю, чтобы добраться до Лагоса. На Айфи был костюм, она была защищена от радиации. А я нет. – Онайи чувствует спиной взгляд Си-Фэн, но не оборачивается. Все смотрит на звезды. – Этот душ в подлодке только облегчил боль, но не более того. Рак уже поразил почки. И горло. Скоро я не смогу говорить. И тогда он сожрет легкие. Я не могла позволить Айфи видеть, как я умираю. – Она смотрит себе на руки, мокрые от крови, которую откашляла. Ржавчина разъедает металл. Зрение перебивают помехи. – Я хочу, чтобы она запомнила меня… настоящей. Просто я так хочу.

Си-Фэн молча делает шаг к Онайи. Она стоит очень близко. Так близко, как не встанет тот, кто боится радиации. Она не касается Онайи, только улыбается и тоже смотрит на звезды, мерцающие в вечернем небе.

Помехи не дают Онайи разглядеть созвездия. Как только она собирает одно из них воедино, помехи стирают его. Шотгорн. Помехи. Корона. Помехи.

– Береги ее, – говорит Онайи небу.

И поднимает руку, прощаясь с сестрой.

Помехи.

Конец

notes

Сноски

1

Игбо (иначе – ибо) – один из народов, населяющих Нигерию (в основном юго-восточную). Также игбо – язык, на котором говорит этот народ.

2

Фулани (иначе фула, фульбе) – один из народов, населяющих Нигерию и ряд других стран Западной Африки. Также фулани (фула) – язык, на котором говорит этот народ.

З

Джолоф – блюдо из риса, популярное в Нигерии и других странах Западной Африки.

4

Хауса – один из народов, населяющих Нигерию (в основном север) и ряд других африканских стран. Также хауса – язык этого народа.

5

Йоруба – один из народов, населяющих Нигерию и ряд других стран Западной Африки. Также йоруба – язык, на котором говорит этот народ.

6

Агбада – свободная ниспадающая мантия с широкими рукавами; часть и одно из названий традиционного мужского костюма в Нигерии и других странах Западной Африки.